

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1903.

№ 16.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Современные иснатели полной свободы совѣсти предъ судомъ Православной Церкви и государства. (Опять краткаго рѣшенія этого вопроса). <i>Архимандрита Сильвестра</i>	169—189
Теорія вдохновенія и происхожденія Св. Писанія на Западѣ въ XVIII и XIX вѣкахъ. (Историко-критическій очеркъ) (продолженіе). <i>Д. С. Леонардова</i> .	190—206
Екатерининская комиссія по вопросу о расколѣ. <i>Виктора Крылова</i> .	207—222
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Объ общественномъ мнѣніи. <i>М. Соколова</i>	178—210
Николай Яковлевичъ Гротъ (1852 † 1899 г.) и его философскіе труды (продолженіе). <i>Александра Никольскаго</i> .	211—228
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Наставленіе причастникамъ.—Высочайшая награда.—Списокъ лицъ, коимъ за заслуги по духовному вѣдомству преподано благословеніе Святѣйшаго Синода.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода о введеніи программъ учебныхъ предметовъ для школъ церковнаго вѣдомства.—Распоряженіе Епархіальнаго начальства 1) о распространеніи издаваемыхъ Синодальною типографіею листовъ религиозно-нравственнаго содержанія и мѣталлическихъ крестиковъ, 2) изданія „Почаевскій Листокъ“ и 3) объ освобожденіи отъ гербовата сбора видовъ на жительство, отпусковыхъ билетовъ и прошеній о нихъ.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта.—Отъ совѣта Харьковского Епархіальнаго женскаго училища.—Дополнительныя правила о снабженіи церквей Харьковской епархіи просфорами.—Списки лицъ, служащихъ въ Харьковскомъ, Кузнецкомъ, Сумскомъ духовныхъ училищахъ за 1902—1903 уч. г.—Епархіальныя извѣщенія.—Грозный судъ Божій надъ хулителемъ преп. Серафима Саровскаго.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1903.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія овидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавки, контора В. Гилъаровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1895 г., по 8 р. за 1896—1900 годы. За 1901 г.—9 р. и 1902 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 130 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Біографическій очеркъ жизни, пастырской дѣятельности и литературныхъ трудовъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Протоіеря Т. И. Буткевича. Харьковъ. 1902 г. Цѣна 2 руб. съ перес.

Πιστεῖ νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

„Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Августа 1903 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ*

Современные искатели полной свободы совѣсти предъ судомъ Православной Церкви и государства.

(ОПЫТЪ КРИТИЧЕСКАГО РѢШЕНІЯ ЭТОГО ВОПРОСА).

Вмѣсто предисловія.

Вопросъ о свободѣ совѣсти возникъ и съ особенною силою обсуждается у насъ въ послѣднее время въ числѣ другихъ волнующихъ наше общество вопросовъ: свобода совѣсти, свобода развода, свобода чувствъ, свобода отношеній, дѣйствій и вообще свобода съ пѣкоторымъ плюсомъ привлекають вниманіе и интересъ всѣхъ въ настоящее время. При изслѣдованіи вопроса о свободѣ совѣсти, какъ и вопроса о бракоразводномъ процессѣ, необходимо обратить вниманіе на то, что и вопросъ о свободѣ совѣсти также *двусторонній*: съ одной стороны—онъ есть вопросъ богословскій и имѣетъ отношеніе къ Церкви; съ другой стороны—онъ есть вопросъ юридическій и имѣетъ отношеніе къ государству. Занятіе этимъ вопросомъ въ продолженіе года привело насъ къ убѣжденію, 1) что его рѣшеніе свѣтскими нашими мыслителями совершенно противорѣчитъ съ богословской точки зрѣнія чистому христіанскому новозавѣтному ученію о духовной свободѣ; эту свободу они, подобно лжеучителямъ апостольскихъ временъ, понимаютъ, какъ свободу грѣха, всякихъ страстей, какъ подчиненіе духа плоти; а это, по апостольскому ученію, для христіанина есть позорное рабство, несвобода. Во вторыхъ, свѣтскіе мыслители или совершенно игнорируютъ юридическую сторону вопроса о

свободѣ совѣсти, или же смѣшиваютъ юридическую сторону съ богословской. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ получаются неправильныя и несправедливыя обвиненія на Церковь.

Свѣтскіе наши мыслители заговорили о свободѣ совѣсти со времени отлученія графа Л. Толстого отъ Православной Церкви: это событіе въ дѣйствительности и породило этотъ вопросъ: всѣ заговорили тогда о свободѣ совѣсти, заговорили вкривь и вкосъ, на разныхъ языкахъ. Представителямъ церковной стороны и богословской науки пришлось отозваться на эти сужденія. Возникла полемика, учредились въ Петербургѣ религіозно-философскія собранія, появился соотвѣтствующій журналъ „Новый Путь“. Наблюдая и изучая всю весьма серьезную полемику церковныхъ писателей по вопросу о свободѣ совѣсти, мы нашли, что они, съ полнымъ успѣхомъ опровергнувъ неправильное пониманіе духовной свободы свѣтскими мыслителями съ точки зрѣнія Священнаго Писанія, подобно этимъ послѣднимъ, однако, а) не разграничили богословской и юридической стороны въ вопросѣ о свободѣ совѣсти и в) дали неправильную постановку ему съ богословской стороны. Въ результатѣ перваго получилось то, что они принимали всѣ обвиненія отъ свѣтскихъ писателей изъ обѣихъ областей—богословской и юридической—и, естественно, не могли оправдаться въ нихъ отчетливо. Неправильность постановки вопроса съ богословской стороны у церковныхъ писателей мы усматриваемъ въ слѣдующемъ: когда свѣтскіе мыслители указываютъ церковнымъ: Церковь не признаетъ, не даетъ полной свободы совѣсти, послѣдніе отвѣчаютъ: да, не даетъ, не можетъ дать этой свободы потому-то и потому-то (дальше идутъ доказательства). Имъ возражаютъ на это: нѣтъ, Церковь, какъ царство духа, царство свободы, должна признавать эту полную свободу совѣсти. Богословы опять истощаются въ доказательствахъ, а противники опять стоятъ на своемъ, что безусловная свобода совѣсти—идеаль для Церкви. Раньше и мы держались этой же постановки вопроса. Теперь мы дѣлаемъ попытку другой постановки вопроса съ богословской стороны и обращаемъ вниманіе на незатронутую юридическую сторону вопроса о свободѣ совѣсти, разграничиваемъ здѣсь двѣ со-

вершенно самостоятельныя области: богословскую и юридическую. Вслѣдствіе этого мы избрали и другой способъ полемики съ свѣтскими писателями о свободѣ совѣсти; мы утверждаемъ слѣдующія два главныя положенія: 1) Церковь наша признаетъ и даетъ свободу совѣсти и даже полную, *но при наличности извѣстныхъ условій* своимъ чадамъ. Другихъ исповѣданій и сектъ наша Церковь совершенно не касается. 2) Государство наше тоже признаетъ полную свободу совѣсти для всѣхъ исповѣданій и сектъ, *но до извѣстнаго предѣла*. Вотъ эти предварительныя мысли сдѣлаютъ ясными всѣ дальнѣйшія наши разсужденія. Ближайшимъ образомъ эта наша статья вызвана статьей писателя г. Минскаго въ январской книжкѣ журнала „Новый путь“ и рефератомъ кн. Волконскаго о свободѣ совѣсти, помѣщенномъ въ томъ же журналѣ. Г. Минскій, между прочимъ, говоритъ, что Церковь наша, которая будто бы не признаетъ свободы совѣсти, можетъ оказаться повинной въ распятіи Христа подобно ветхозавѣтнымъ іудеямъ, которые говорили Спасителю: твое ученіе не отъ Бога—и распяли Его за то, что онъ называлъ себя Сыномъ Божиимъ, посланнымъ въ міръ отъ Отца. Такое же „трагическое“ положеніе Церкви нашей рисуется и князь Волконскій.

I.

Писатель г. Минскій въ 1-й книжкѣ журнала „Новый Путь“ за 1903 годъ высказалъ „последнее слово“ свѣтскаго человѣка о свободѣ совѣсти и въ этомъ случаѣ, подобно предсѣдателю суда, какъ бы резюмировалъ взгляды всѣхъ приверженцевъ „полной“ свободы совѣсти, къ которымъ причисляетъ себя и самъ ¹⁾. Но сурово это слово и это резюме! Г. Минскій обвиняетъ православную русскую церковь, которая не можетъ признать полной свободы совѣсти *въ смыслъ г. Минскаго и К^о*, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ распятіи самого Господа Иисуса Христа. Въ виду такого тяжкаго обвиненія г. Минскимъ св. Церкви, которую онъ сажаетъ на скамью подсудимыхъ, да будетъ позволено и этому подсудимому, въ лицѣ насъ, Ея слу-

¹⁾ Такого же характера на ту же тему и рефератъ кн. Волконскаго, помѣщенный въ томъ же журналѣ и читанный въ религіозно-философскомъ собраніи.

жителей, сказать въ свое оправданіе также свое „последнее слово“ и свое резюме относительно современныхъ сужденій о полной свободѣ совѣсти. До сихъ поръ вопросъ о свободѣ совѣсти не получилъ полного, удовлетворяющаго всѣхъ рѣшенія, по нашему мнѣнію, вслѣдствіе неправильной его постановки: до сихъ поръ Церкви избирали здѣсь какую-то мишенью для стрѣльбы, забывая что тѣ или иныя „проявленія“ свободы совѣсти отнюдь не безразличны и для государства; отъ Церкви требовали признанія того, чего она признать не можетъ или что не подлежитъ ея компетенціи, какъ „царства не отъ міра сего“. Отсюда—напрасная вражда къ Церкви и таковыя же упреки въ насиліи надъ совѣстью, отсюда и бесплодность полемики.

Мы вѣрнѣе выполнимъ нашу задачу и скорѣе разберемся въ этихъ сужденіяхъ, часто очень противорѣчивыхъ и вызывающихъ сильное недоумѣніе, если обратимъ вниманіе свое на то, что всѣ требованія „полной“ свободы совѣсти, предъявляемыя сторонниками ея, можно и слѣдуетъ разбить на двѣ группы: на требованія, предъявляемыя непосредственно къ Церкви и на требованія, предъявляемыя къ государству. Имѣя въ виду сейчасъ указанную цѣль, мы и постараемся выяснитъ характеръ требованій той и другой группы отдѣльно.

Сущность полной свободы совѣсти состоитъ въ томъ, что сторонники ея требуютъ полного простора для всякаго рода религіозныхъ убѣжденій въ Россіи и изгнанія всякаго рода принудительныхъ по отношенію къ нимъ мѣръ со стороны господствующей православной Церкви и государства: отъ Церкви они требуютъ, чтобы она въ своемъ служеніи и въ борьбѣ съ разными заблужденіями и сектами пользовалась однимъ только духовнымъ оружіемъ—словомъ—и отказалась отъ всякаго рода принудительныхъ мѣръ во-первыхъ по отношенію къ своимъ духовнымъ чадамъ, не удерживала бы въ своей оградѣ, а предоставляла свободный выходъ тѣмъ изъ нихъ, которые не желаютъ въ ней оставаться, измѣняютъ свои религіозныя убѣжденія и принимаютъ за истину другія; не обращалась бы во вторыхъ за помощью къ государству съ цѣлью преслѣдованія и наказанія отпадшихъ, лицъ другихъ исповѣданій,

раскольниковъ и сектантовъ за вредъ, наносимый ими Ей. А отъ государства тѣ же сторонники полной свободы совѣсти требуютъ безусловной свободы существованій, проявленія и пропаганды своего вѣроученія для всѣхъ исповѣданій и сектъ, отмѣны наказаній за преступленія противъ вѣры, за пропаганду, за совращеніе и т. п. Такой полной, безграничной свободы совѣсти у насъ дѣйствительно нѣтъ, да ея, какъ покажемъ ниже, никогда и быть—не можетъ; но, заявляемъ мы, свобода совѣсти въ истинномъ смыслѣ этого слова, какою она можетъ и должна быть—дѣйствительная, разумная свобода совѣсти у насъ существуетъ и признается какъ Церковью, такъ и государствомъ. Выясненію сущности этой свободы съ церковной и государственной точки зрѣнія и посвящаются настоящія строки.

Въ прошлогодней нашей статьѣ о свободѣ совѣсти, помѣщенной въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (№ 2-й 1902 г.) мы выясняли, что требованія полной свободы совѣсти: свободы выхода изъ Церкви, пропаганды, совращенія и безнаказанности за преступленія противъ вѣры на языкѣ сторонниковъ полной свободы можно назвать однимъ именемъ требованія „непротивленія злу“. Мы тогда указали, что въ этой толстовской теоріи непротивленія злу и слѣдуетъ искать корня и разгадки воззрѣній приверженцевъ полной свободы совѣсти. Но мы недостаточно развили тогда этотъ взглядъ относительно Церкви и почти совсѣмъ не коснулись его по отношенію къ государству. Этотъ недостатокъ мы и хотимъ восполнить теперь.

Мы сказали въ прошлогодней статьѣ, что разъ признана и доказана несостоятельность толстовскаго ученія о непротивленіи злу, то сама собою падаетъ и состоятельность ученія о полной свободѣ совѣсти въ той постановкѣ, какую предлагаютъ г.г. Стаховичи, Волконскіе и Минскіе. Разъ противленіе злу не только возможно, но и обязательно для Церкви и государства, а непротивленіе съ ихъ стороны будетъ преступнымъ бездѣйствіемъ, то не можетъ быть и рѣчи о полной свободѣ совѣсти въ смыслѣ указанныхъ лицъ. Значитъ, законы будутъ въ рукахъ Церкви и государства всѣ тѣ средства, которыя будутъ необходимы и не будутъ противорѣчить

истинной, дѣйствительной свободѣ совѣсти, а напротивъ будутъ возстановлять и защищать ее.

Опираясь на это основаніе, мы высказываемъ наше *первое* положеніе, а именно: что со стороны Церкви у насъ признается полная свобода совѣсти: наша *Православная Церковь* во первыхъ даетъ полную свободу совѣсти *своимъ членамъ*, не желающимъ оставаться въ ней и заявляющимъ объ этомъ, не удерживаетъ ихъ въ своей оградѣ и предоставляетъ имъ свободный выходъ, но только *не сразу*, а *послѣ нѣкотораго противленія злу*, которое называется „увѣщаніемъ“, и которое съ точки зрѣнія сторонниковъ полной свободы т. е. непротивленія злу представляется насиліемъ надъ совѣстью и не должно имѣть мѣста. Въ извѣстныхъ намъ университетскихъ курсахъ государственнаго права увѣщанія именно и тактуются, какъ насиліе надъ совѣстью. А Церковь вѣдь прибѣгаетъ къ увѣщанію, какъ любящая мать: прежде чѣмъ лишиться кого либо изъ своихъ чадъ, дать ему свободу, она уговариваетъ, увѣщаетъ заблуждающагося подумать, не уходить, раскрываетъ ему истины Православной вѣры, которыя онъ, можетъ быть, недостаточно раньше зналъ и понималъ и потому увлекся другимъ ученіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь она обязана это сдѣлать, какъ мать, иначе она была бы не матерью, а безсердечной мачихой; бездѣйствіе ея въ этотъ моментъ, отпущеніе заблуждающагося сразу, по одному заявленію, безъ попытки убѣдить, уговорить его,—было бы преступленіемъ; а этого-то противленія злу, этого увѣщанія и не хотятъ сторонники непротивленія злу, по ученію которыхъ всякое противленіе есть насиліе.

Но когда этотъ долгъ увѣщанія Церковью исполненъ и когда увѣщаніе не привело къ желаемому усилію, тогда Церковь считаетъ уже преступнымъ удерживать непреклоннаго въ своемъ рѣшеніи своего члена и даетъ ему полную свободу совѣсти. И въ самомъ дѣлѣ, удерживать послѣ этого человѣка въ церковной оградѣ дѣйствительно было бы уже преступленіемъ, насиліемъ, нарушеніемъ свободы совѣсти, котораго Церковь и не допускаетъ. Такъ мудро и съ такою любовью св. Церковь наша поступаетъ со всѣми уклоняющимися и

отпадающими. Такъ было поступлено и съ графомъ Л. Толстымъ съ тою лишь разницею, что увѣщаніе, противленіе его уходу изъ Церкви длилось здѣсь не три мѣсяца, какъ то полагается по закону, а десятки лѣтъ. Это увѣщаніе состояло въ долготерпѣніи Церкви къ своему злѣйшему и открытому врагу, въ посылкѣ къ нему авторитетныхъ лицъ для вразумленія, пересылкѣ ботословскихъ сочиненій, касающихся его заблужденій. Но когда это многолѣтнее увѣщаніе привело не къ обращенію гр. Толстого къ Церкви, а къ открытому, соединенному съ послѣдними предѣлами богохульства и кощунства, заявленію его о непринадлежности своей къ Церкви, выраженному имъ въ послѣднемъ романѣ „Воскресеніе“, тогда Церковь сочла уже преступнымъ и невозможнымъ долѣе удерживать графа въ церковной оградѣ, дальпѣйшее удержаніе его въ Церкви явилось бы дѣйствительнымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ насиліемъ надъ его убѣжденіями, которыя въ романѣ „Воскресеніе“ и въ отвѣтѣ графа Св. Синоду (исповѣди) оказались не только не православными, но и вообще не христіанскими, не соответствующими ученію ни одной и изъ прочихъ христіанскихъ церквей.

Графъ спрашивалъ въ отвѣтѣ Св. Синоду: почему дали свободу ему одному, а многихъ другихъ—его единомышленниковъ продолжаютъ удерживать въ Церкви? Да потому, что эти многіе не заявляли открыто о своемъ нежеланіи принадлежать къ Церкви ни въ сочиненіяхъ, ни въ заявленіяхъ. А для выхода изъ Церкви именно и требуется публичное, *открытое заявленіе* или обнаруженіе своего нежеланія принадлежать къ Церкви, своей вражды къ ней; послѣ этого назначается увѣщаніе, а потомъ и освобожденіе. А между тѣмъ никто изъ послѣдователей графа этого не сдѣлалъ, не выполнялъ этого требуемаго закономъ условія для выхода изъ Церкви. Если же кто либо изъ нихъ сдѣлалъ бы такое заявленіе, то по отношенію къ нему въ той или иной формѣ тоже было бы примѣнено увѣщаніе на болѣе или менѣе продолжительное время, и только послѣ безуспѣшности его послѣдовало бы освобожденіе. Отсутствіе такого заявленія, открытой вражды, богохульства и кощунства въ сочиненіяхъ у

единомышленниковъ графа, св. Церковь разсматриваетъ, какъ состояніе колебанія, несозрѣвшаго еще рѣшенія ихъ отпасть отъ Церкви, и потому, какъ любящая мать, продолжаетъ ихъ считать своими дѣтьми и оказывать имъ такое же вниманіе, какъ и вѣрнымъ своимъ чадамъ. А какъ же отвеслись приверженцы полной свободы совѣсти къ дарованію графу этой самой полной свободы совѣсти послѣ его заявленія и безуспѣшнаго увѣщанія? А вотъ какъ: пока длилось увѣщаніе, они все время обвиняли Церковь въ насиліи надъ совѣстью графа: „пусть каждый вѣруетъ, какъ ему угодно, зачѣмъ эти увѣщанія и насильственное удержаніе, говорили они“? Когда же увѣщаніе истоцилось до конца, и графъ получилъ вождельпную свободу, тѣ же приверженцы полной свободы совѣсти сейчасъ же перемѣнили фронтъ, назвали насиліемъ уже самое предоставленіе свободы совѣсти графу и упрекали Церковь за жестокость, за отсутствіе духа любви и всепрощенія, за то, что она не оставила его въ Церкви. Какое рѣдкое по своей грубости противорѣчіе! Мы безъ границъ удивлялись и удивляемся слѣпотѣ сторонниковъ полной свободы совѣсти, не замѣчающихъ своихъ собственныхъ грубѣйшихъ противорѣчій подобнаго рода. Они берутся судить и учить Церковь, а сами не уяснили еще себѣ истиннаго понятія о свободѣ совѣсти и путаются въ противорѣчивыхъ сужденіяхъ о ней. Съ одной стороны: „не увѣщайте, дайте свободу“, а съ другой—„не давайте этой свободы“—вотъ что получается здѣсь. Впрочемъ, если угодно, съ точки зрѣнія убѣжденныхъ послѣдователей ученія о непротивленіи злу это противорѣчіе вполне послѣдовательно: „вообще никакъ не противьтесь злу, говорятъ они, начинается человекъ уклоняться отъ Церкви—не увѣщайте: это насиліе;—окончательно отпалъ—не объявляйте объ отпадении, не отлучайте—это тоже насиліе“. Вотъ здѣсь-то съ ясностью и видна вся нецѣлостность ученія о непротивленіи злу.

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго ясно видно, что наша Церковь вполне признаетъ свободу совѣсти за своими чадами и даже полную; и даетъ ее имъ, но только не сразу, а по принятіи нѣкоторыхъ проникнутыхъ любовію мѣръ и послѣ безуспѣшности ихъ. Бывали и бываютъ случаи, что эти мѣры

удерживали отъ отпаденія и возвращали заблудшихъ въ лоно Церкви. Она противится здѣсь злу, насколько это нужно, а затѣмъ даетъ полную свободу совѣсти.

Во вторыхъ, что касается до отношенія нашей Церкви къ другимъ исповѣданіямъ и сектамъ, то ихъ Церковь наша не касается, можно сказать, пальцемъ, и отъ нея они не испытываютъ ни малѣйшаго стѣсненія ихъ свободы совѣсти. „Но, скажутъ приверженцы безусловной свободы совѣсти, согласны, что Церковь по отношенію къ своимъ членамъ пользуется единственнымъ средствомъ—увѣщаніемъ въ видѣ временной мѣры, но не то нужно сказать объ отношеніи ея къ другимъ исповѣданіямъ и сектамъ: что она ихъ совѣмъ не касается и что они не испытываютъ отъ нея никакого стѣсненія, это неправда, говорятъ приверженцы полной свободы. Здѣсь кромѣ борьбы словомъ Церковь гораздо чаще обращается къ содѣйствію государственной власти съ цѣлью преслѣдованія и наказанія отпадшихъ, раскольниковъ, сектантовъ, лицъ другихъ исповѣданій за зло, причиняемое ими Церкви. Церковь не должна обращаться въ этихъ случаяхъ къ государственной власти, а государство преслѣдовать и наказывать указанныхъ лицъ по принципу свободы совѣсти“. Здѣсь мы, такимъ образомъ, подходимъ ко второй группѣ требованій полной свободы совѣсти, къ требованіямъ, предъявляемымъ сторонниками ея къ государству. Анализу существа и характера этой второй группы требованій и будетъ посвящена дальнѣйшая наша рѣчь. Здѣсь мы прежде всего снова подтвердимъ высказанное нами выше положеніе, что православная наша Церковь совершенно не касается и не причивляетъ сама по себѣ ни малѣйшаго стѣсненія въ свободѣ совѣсти ни одному изъ существующихъ въ Россіи инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій и сектъ. Обычное утвержденіе, что Церковь наша въ дѣлѣ защиты и охраны своей вѣры опирается на государственную власть, на ея принудительную и карательную по отношенію къ другимъ исповѣданіямъ и сектамъ силу—мы считаемъ совершенно ложнымъ; это въ устахъ однихъ—недомысліе или заблужденіе, а въ устахъ другихъ—преднамѣренное искаженіе истины съ извѣстною цѣлью. Совершенно ложно и производитъ путаницу понятій

и напрасное враждебное отношеніе къ Церкви также и то обычное у насъ утвержденіе, что у насъ религіозные интересы смѣшиваются съ политическими, что дѣло вѣры у насъ обращается въ политику, что государство наказываетъ у насъ за преступленія противъ вѣры потому, что въ свою очередь само опирается на Церковь. Что у насъ единеніе, взаимодѣйствіе Церкви и государства есть и должно быть,—это вѣрно; но что государство установило наказанія за преступленія противъ вѣры по требованію Церкви или наказываетъ ихъ вслѣдствіе признанія своей зависимости отъ Церкви, это чистѣйшая ложь. Мы утверждаемъ, и надѣемся доказать это, что государство дѣйствуетъ здѣсь совершенно самостоятельно; что здѣсь нѣтъ ни требованій со стороны Церкви, ни религіозно-политическихъ расчетовъ со стороны самого государства: государство стѣсняетъ, ограничиваетъ, запрещаетъ и наказываетъ разнаго рода дѣйствія другихъ исповѣданій и сектъ только потому, что эти дѣйствія *сами по себѣ* являются или *политическими* или *уголовными преступленіями*, наказуемыми съ *государственно-юридической точки зрѣнія*, и какъ таковыя, не могутъ не преслѣдоваться и не наказываться. Поэтому, если относительно Церкви, какъ духовнаго союза, мы утверждали, что она признаетъ и даетъ полную свободу совѣсти послѣ принятія въкоторыя мѣръ всѣмъ уходящимъ отъ Нея по убѣжденію членамъ и сама ни на волосъ не касается свободы совѣсти или религіозныхъ убѣжденій всѣхъ другихъ исповѣданій и сектъ, то относительно государства, какъ человѣческаго союза, обладающаго принудительною и обязательною для всѣхъ властію, мы утверждаемъ, что оно отнюдь и органически не можетъ признать такой полной и безусловной свободы религіозныхъ убѣжденій, какая желательна г. Минскому, кн. Волконскому и г. Стаховичу; потому что признать такую свободу для государства—значитъ объявить свободу и безнаказанность массы политическихъ и уголовныхъ преступленій въ ихъ совершенно отдѣльномъ, независимомъ отъ Церкви видѣ, значитъ отказаться отъ своего права наказанія ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, какія требованія полной свободы совѣсти предъявляютъ сторонники ея къ государству? Они

требуютъ отъ государства безусловной свободы существованія, проявленія и пропаганды для всѣхъ исповѣданій и для всевозможныхъ сектъ; они также требуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ *отмѣны наказаній* за преступленія противъ православной вѣры, за отпаденіе отъ нея, за совращеніе въ другую вѣру, за пропаганду другихъ религіозныхъ ученій, за проявленіе тѣхъ или другихъ религіозныхъ убѣжденій въ различныхъ дѣйствіяхъ. Но проявленіе многихъ религіозныхъ убѣжденій въ дѣйствіяхъ, на практикѣ, многія совращенія и пропаганда являются *прямо преступленіями* въ государственномъ, юридическомъ смыслѣ этого слова, а сторонники полной свободы совѣсти требуютъ отъ государства не считать ихъ преступленіями и не наказывать за нихъ. Но государство, какъ такое, пока оно остается государствомъ, не можетъ называть преступленія не преступленіями и отказаться отъ принадлежащаго ему права наказанія за нихъ; въ противномъ случаѣ государства уже нѣтъ: оно отрицается, оно исчезаетъ. Поэтому относительно государства мы утверждаемъ, что оно признаетъ у насъ свободу религіозной совѣсти, но не полную, или, если угодно, *признаетъ полную религіозную свободу совѣсти до того предѣла, пока религіозныя убѣжденія не переходятъ въ преступныя дѣйствія съ государственно-юридической точки зрѣнія*, въ преступленія политическія, уголовныя и гражданскія правонарушенія. Это *второе* наше положеніе—объ отношеніи государства къ религіозной свободѣ. Съ момента же перехода религіозныхъ убѣжденій въ преступленія, государство уже не можетъ относиться къ проявленію этихъ убѣжденій безразлично и начинаетъ наказывать преступныя проявленія. Тутъ уже начинается послѣдовательное и неуклонное противленіе злу. Государство, отличительною чертою котораго является принудительная власть, не можетъ уже прибѣгать къ этому противленію злу (къ наказаніямъ) только временно, а затѣмъ, при безуспѣшности его, давать полную свободу преступленіямъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ Церковь, которая прибѣгаетъ къ увѣщанію въ видѣ временной мѣры, а при безуспѣшности его объявляетъ своего члена отпавшимъ, свободнымъ. Церковь такъ поступаетъ потому, что иначе она и не можетъ поступать,

такъ какъ она—союзъ не принудительный, а свободный, царство Духа и свободы. Вотъ здѣсь съ очевидностью выступаетъ для насъ все различіе Церкви и Государства въ отношеніяхъ къ вопросу о свободѣ совѣсти и полная правильность и разумность этихъ отношеній. Уже изъ сказаннаго такимъ образомъ видно, что „религіозной политикой“ занимаются не Церковь и Государство, а сами искатели полной свободы совѣсти, добивающіеся „подъ ея флагомъ“ свободы и безнаказанности преступленій.

II.

Остановимся теперь ближе и подробнѣе на отношеніяхъ нашего государства къ свободѣ совѣсти существующихъ въ немъ разнаго рода исповѣданій и сектъ, каковы будутъ и должны быть эти отношенія къ нимъ? Для надлежащаго и вѣрнаго рѣшенія этого вопроса не нужно ни на одну минуту опускать изъ виду того, что тѣ или другія наши религіозныя убѣжденія не остаются *in abstracto*, въ нашемъ умѣ только, а всегда переходятъ и обнаруживаются въ нашей практической дѣятельности и поступкахъ; религіозныя убѣжденія служатъ принципами нашей практической дѣятельности: личной, общественной, государственной; каковы эти убѣжденія, такова и дѣятельность: о свободѣ совѣсти и проявленій ея у исповѣданій и сектъ *съ точки зрѣнія государства* можно говорить лишь до тѣхъ поръ, пока религіозныя убѣжденія не переходятъ въ преступную дѣятельность, и свободу совѣсти до этого предѣла государство у насъ вполне признаетъ; до этихъ поръ для государства безразличны какія бы то ни было религіозныя убѣжденія и проявленія; но съ того времени, какъ они становятся принципами преступленій, они уже не безразличны для него. При этомъ не нужно упускать изъ виду и того, что государство въ данномъ случаѣ преслѣдуетъ и караетъ *не самыя религіозныя убѣжденія*, а *именно* только *преступныя проявленія* ихъ, преступныя дѣйствія съ государственно-юридической точки зрѣнія. Такъ что для самихъ религіозныхъ убѣжденій, для существованія ихъ ограниченій свободы у насъ со всѣмъ нѣтъ никакихъ; у насъ дозволены всѣ исповѣданія, терпятся всевозможныя секты; Невскій проспектъ въ Петербургѣ весь покрытъ инославными

храмами. Но когда результатомъ религіозныхъ убѣжденій начинаютъ являться преступленія, то здѣсь уже область и роль Церкви совершенно оканчивается и начинается самостоятельное отправление чисто-государственной карательной власти самимъ государствомъ. Напримѣръ: государство караетъ духобора за нежеланіе платить подати, за уклоненіе отъ воинской повинности, за отказъ отъ подданства государю, за отрицаніе всѣхъ человѣческихъ установленій и законовъ. Эти преступленія духобора основываются на его соотвѣтствующихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ; но государство караетъ не самыя убѣжденія, а преступныя проявленія ихъ, преступленія. Государство покярало у насъ, хотя и съ свисхожденіемъ, также напр. сектанта Ковалева за убійство (погребеніе живыми) многихъ лицъ; это преступленіе точно также основывалось на религіозныхъ убѣжденіяхъ Ковалева; для государства же здѣсь важенъ самый фактъ—убійство. Точно также наша государственная власть наказала павловскихъ—сектантовъ за разгромъ и кощунственное поруганіе церкви—школы; это преступленіе было совершено также въ силу религіозныхъ убѣжденій этихъ сектантовъ, на томъ основаніи, что будто бы Христось сказалъ, что онъ пришелъ разрушить храмы (извращеніе Толстымъ евангельскихъ словъ). Здѣсь преступленіе—разрушеніе храма, зданія, предназначеннаго для общественной молитвы, чего сектанты сами горячо проповѣдывающіе и добивающіеся полной свободы совѣсти, не должны бы позволять себѣ. Точно также государство не можетъ не карать *свободной и открытой пропаганды* католицизма, іезуитизма, протестантизма, раскола всѣхъ видовъ, штундизма, толстовщины, малеванщины и другихъ сектъ потому, что всѣ они въ той же или иной мѣрѣ проводятъ и проповѣдуютъ у насъ начала, разрушительныя для нашего *государственного* организма: властолюбивыя, политическія идеи Рима, вражду къ Царю—„Никониану“, раціонализмъ, революціонныя идеи, изуверство, развратъ и проч.; всѣ эти идеи сейчасъ же на практикѣ обыкновенно переходятъ въ преступленія. Поэтому, въ данномъ случаѣ и самая проповѣдь, пропаганда такихъ идей составляетъ уже *самостоятельное преступленіе*; такъ не можетъ быть оставленъ безъ

наказанія сектантъ, на почвѣ религиозныхъ убѣжденій проповѣдующій революцію въ Россіи, отрицаніе и неповиновеніе верховной, самодержавной государственной власти, изувѣрство, разрушеніе храмовъ, грабежъ имущества у частныхъ лицъ¹⁾. Говорить о такой полной свободѣ совѣсти, требовать такой свободы совѣсти было бы такъ же нелѣпо и странно и равносильно тому, какъ говорить о полной личной автономіи, о полной свободѣ въ области правовой государственной жизни, т. е. о свободѣ совершенія всякаго рода преступленій, о безнаказанности ихъ, словомъ о свободѣ анархіи. Но вѣдь никто же кромѣ „враговъ государственнаго порядка и лицъ, увлекающихся началами, чуждыми русской жизни“, не говоритъ о такой безумной свободѣ преступленій, не признаетъ и не требуетъ ея. А если и они не желаютъ и не требуютъ такой свободы, то явно становятся въ противорѣчіе себѣ, требуя и добиваясь безграничной свободы совѣсти. Въ области правовой, государственной жизни всякій гражданинъ сознательно подчиняется единому, обязательному для всѣхъ порядку; его свобода здѣсь принудительно ограничивается, хотя бы онъ и не хотѣлъ этого: имѣя права, каждый въ государственномъ союзѣ непремѣнно несетъ и соотвѣтствующія обязанности по отношенію къ другимъ людямъ, такимъ же, какъ онъ, субъектамъ правъ и обязанностей. Такъ напр. имѣющій участокъ земли обязывается не застраивать и не занимать участка сосѣдняго владѣльца, точно также—не выбрасывать сора и помой на чужой участокъ: кто это дѣлаетъ, тотъ привлекается къ уголовной или гражданской отвѣтственности за вредъ и убытки. То же самое и въ области такъ называемой свободы совѣсти: живущій въ православномъ русскомъ государствѣ, гдѣ существуетъ верховая самодержавная власть, и пользующійся здѣсь всѣми правами и благами гражданскаго общежитія—обязывается не распространять такихъ идей и не совершать такихъ дѣйствій, которыя нарушаютъ существующій государственный порядокъ и отрицаютъ существующія въ Россіи начала и законы и являются пре-

¹⁾ Поэтому-то и запрещается у насъ публичное оказательство раскола и сектъ, открытая пропаганда исповѣданій и сектъ и даже молитвенныя собранія нѣкоторыхъ крайнихъ сектъ, гдѣ явно провозглашаются преступныя политическія идеи.

ступленіями. Если же ктонибудь это дѣлаетъ, то наказывається, какъ преступникъ, государствомъ *самостоятельно*, безъ *всякихъ церковныхъ* соображеній; государство всегда накажетъ также лицо, не спрашиваясь ни чьего мнѣнія. Государство у насъ говоритъ каждому: вѣруй и служи Богу какъ хочешь, только *не совершай преступленій*. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что всякое государство носить или должно носить въ себѣ какую либо единую, опредѣленную и постоянную идею, осуществляемую на практикѣ; эти идеи бываютъ различны, и принципами ихъ являются непремѣнно тѣ или другія религиозныя убѣжденія самого государства. Государство, если оно не желаетъ обратиться въ анархію, непремѣнно должно избрать для себя руководящимъ принципомъ какую либо *одну религиозную систему* и соединиться съ какой либо *одной Церковью* или исповѣданіемъ. Государство органически не можетъ взять своимъ принципомъ одновременно разныя и часто прямо противоположныя другъ другу религиозныя ученія, не можетъ соединяться одновременно съ разными церквами, исповѣданіями и сектами; такое государство въ сущности было бы такъ же безрелигиозно, какъ и то, которое не принимаетъ за руководящее начало никакихъ религиозныхъ убѣжденій. Признавать у себя оно можетъ и должно всѣ Церкви, исповѣданія и секты, предоставляя имъ свободу служенія Богу по ихъ обрядамъ, но *для себя* оно должно избрать какую либо *религію и церковь*, должно быть религиозно, а не безрелигиозно, иначе оно должно отказаться отъ единого порядка, или допустить у себя столько порядковъ, сколько религиозныхъ убѣжденій по тѣсной зависимости первыхъ отъ послѣднихъ; и порядокъ въ такомъ государствѣ никогда не будетъ устойчивъ.

Такимъ образомъ, все сказанное достаточно ясно показываетъ, что говорить о „полной свободѣ совѣсти“, въ смыслѣ г.г. Минскаго, кн. Волконскаго, Стаховича и К^о можно было бы лишь въ томъ случаѣ, *если бы религиозныя убѣжденія никогда не переходили на практикѣ въ преступную дѣятельность*, были бы только или отвлеченными принципами или принципами *закономѣрной дѣятельности*, а не *преступной*. Поэтому, требующіе полной свободы совѣсти въ дѣйствительности требуютъ свободы у насъ всякихъ политическихъ убѣжденій и ихъ проявленій, свободы совершенія и безнаказа-

ности преступленій, отрицанія законовъ и государственнаго порядка, анархіи, и ваче говоря „непротивленія злу“ и со стороны государства. Проповѣдывать полную свободу совѣсти, значитъ подъ ея флагомъ проповѣдывать свободу всякихъ антигосударственныхъ идей и преступленій, отрицать въ самомъ существѣ государство съ его законами. Тогда пришлось бы оставить безнаказаннымъ и духобора, не желающаго исполнять государственныхъ законовъ, и Ковалена, и павловскихъ сектантовъ—толстовцевъ и легіонъ другихъ. Отсюда и понятенъ становится западный анархизмъ, съ которымъ государства не знаютъ, что дѣлать и который хочетъ провикнуть и къ намъ; понятны отсюда постоянныя смѣны кабинетовъ, паденія министерствъ, скандалы въ парламентахъ, бомбы въ Церквахъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ, полное смѣшеніе языковъ. Сами государства западныя виноваты въ томъ: не имѣя своимъ принципомъ единой, опредѣленной религіозной идеи, допустивъ одинаковое проявленіе во внѣ всевозможныхъ религіозныхъ и безрелигіозныхъ убѣжденій, они какъ бы сами узаконили этимъ преступленія и безпорядокъ: разъ признали безграничную свободу совѣсти, должны признать и свободу проявленій ея; если же не признаютъ ихъ, и часто караютъ, то противорѣчатъ сами себѣ и сознаются въ допущенной ошибкѣ. Краснорѣчивымъ примѣромъ такого противорѣчія, такого разлада между теоретическимъ принципомъ полной свободы совѣсти и осуществленіемъ его на практикѣ служитъ педавшее закрытіе французскимъ правительствомъ и даже изгнаніе изъ предѣловъ Франціи католическихъ монашескихъ орденовъ и конгрегационныхъ школъ: замѣтивъ, что эти школы и ордена проповѣдуютъ властолюбивыя идеи католической Церкви о свѣтской власти папы, объ его всемірной монархіи, идеи, несогласныя и разрушительныя для республиканскаго строя Франціи, французское правительство сейчасъ же закрыло массу конгрегаций и ихъ школы, а сопротивлявшихся передало суду. Между тѣмъ, по принципу полной свободы совѣсти, этимъ конгрегациямъ и школамъ нужно было предоставить полную свободу ихъ дѣйствій; если же французское правительство не дало имъ этой свободы, то потому, что конгрегации, не ограничиваясь прямымъ своимъ дѣломъ

религіознаго просвѣщенія юношества, стали преподавать ему начала, разрушительныя для государственнаго организма Франціи, иначе сказать, *стали совершать преступленія*, которыя не могли остаться безнаказанными, при чемъ наказаніе было употреблено чрезвычайное, можно сказать жестокое; полное уничтоженіе обученія и воспитанія въ духѣ католической церкви; это уже совсѣмъ не вызывалось обстоятельствами. Вотъ плоды полной свободы совѣсти и вотъ примѣръ того, какъ признавая эту свободу совѣсти въ теоріи, можно и приходится не признавать ея на практикѣ.

До сихъ поръ мы говорили объ отношеніяхъ нашего государства къ проявленіямъ религіозныхъ убѣжденій его подданныхъ *не православнаго исповѣданія*. Теперь является вопросъ, какъ же государство наше относится къ своимъ русскимъ православнымъ подданнымъ въ случаѣ открытаго измѣненія ихъ религіозныхъ убѣжденій и отпаденія ихъ отъ Православной Церкви? Церковь въ этомъ случаѣ даетъ имъ полную свободу послѣ увѣщанія, а государство? Государство не оставляетъ этого безъ послѣдствій и караетъ отпаденіе тѣмъ, что можетъ выслать открыто отпадшаго изъ предѣловъ Россіи. Почему употребляется именно эта мѣра? По нашему мнѣнію потому, что отпадающій, принимая религіозныя убѣжденія другого исповѣданія, вмѣстѣ съ ними необходимо принимаетъ и такія идеи этого исповѣданія, проповѣдь которыхъ или осуществленіе на практикѣ есть преступленіе въ русскомъ государствѣ и которыя противорѣчатъ нашей единой государственной идеѣ и разрушительны для нашего государственнаго организма; отпадающій при этомъ какъ бы отказывается отъ признанія и подчиненія тѣмъ началамъ, которыя положены въ основу нашей государственной жизни, а принимаетъ начала чуждыя ей; отъ него можно ожидать, что онъ будетъ и пропагандировать ихъ и осуществлять на практикѣ; для государства элементъ этотъ опасенъ и повтореніе такихъ случаевъ будетъ свидѣтельствовать о разложеніи государственнаго организма. Вотъ почему отпадшему воплѣ послѣдовательно и мудро наше правительство и предлагаетъ, *не подвергая его никакому уголовному наказанію*, оставить отечество, государственныхъ началъ котораго онъ не раздѣляетъ и искать себѣ новаго

отечества, начала котораго будутъ соответствовать его новымъ религіознымъ убѣжденіямъ. Мудрѣ этого права ничего нельзя придумать. Но наше государство по своей высокой гуманности на практикѣ рѣдко прибѣгаетъ къ этой мѣрѣ и терпитъ у себя отпадающихъ, давая имъ въ этомъ случаѣ одинаково съ Церковью полную свободу совѣсти, и карая лишь преступную пропаганду и преступныя проявленія ея, и то не всегда (гр. Толстой). Да и сами отпадающіе почему то не хотятъ обыкновенно оставлять Россіи и не стремятся, къ удивленію, въ тѣ „свободныя“ страны, которыя вполнѣ соответствуютъ ихъ измѣнившимся религіознымъ убѣжденіямъ; они противорѣчатъ сами себѣ, или же надѣются на преступное проведеніе въ жизнь Россіи тѣхъ чуждыхъ ей началъ, которыя основываются на новыхъ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, потому, очевидно, по отпаденіи и остаются въ Россіи и упорно протестуютъ противъ выселенія ¹⁾).

Мы выше упомянули, что сторонники полной свободы совѣсти въ дѣйствительности требуютъ свободы совершенія преступленій и безнаказанности ихъ, непротивленія злу. Такимъ образомъ, въ результатѣ получается, что корнемъ ученія о полной свободѣ совѣсти является толстовская теорія непротивленія злу. Сторонники полной свободы совѣсти требуютъ непротивленія злу во первыхъ отъ Церкви: церковное увѣщаніе—насиліе, говорятъ они, но при этомъ впадаютъ въ грубое противорѣчіе: когда Церковь, послѣ безуспѣшности этого увѣщанія, открываетъ искомую полную свободу совѣсти, они также и это объявляютъ насиліемъ. Во вторыхъ, сторонники полной свободы совѣсти требуютъ непротивленія злу отъ государства, безнаказанности распространенія всякаго рода политическихъ и антиполитическихъ идей и безнаказанности массы преступленій; подъ флагомъ полной свободы совѣсти они требуютъ, чтобы государство не противилось злу, отказалось *отъ своего природнаго права наказанія преступленій*, а отъ Церкви они здѣсь настоятельно добиваются, чтобы она признала, освятила это непротивленіе, этотъ безпорядокъ, эту

¹⁾ Когда уже мы закончили эту статью, послѣдовало опубликованіе Высочайше утвержденнаго Уголовнаго Уложенія, по которому отпаденіе отъ Православія уже не считается наказуемымъ преступленіемъ и оставляется безъ послѣдствій..

анархію, отвергла бы принципъ „Кесарево Кесареви“. А гр. Толстой все это въ свое время и высказалъ въ своей теоріи непротивленія злу: онъ считалъ и теперь считаетъ власть, государство—зломъ, хотя самъ пользуется всѣми благами государственной жизни, кару за преступленія величайшей несправедливостью и жестокостью, что такъ прозрачно и откровенно имъ въ его „Воскресеніи“.

Всѣ сторонники полной свободы совѣсти являются вольными или невольными учениками гр. Л. Толстого и данниками его теоріи „непротивленія“. Мы считаемъ г. Минскаго и кн. Волконскаго, ищущихъ сближенія съ Церковью и участвующихъ въ религіозно-философскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ, невольными учениками и послѣдователями гр. Толстого. Къ г. Минскому и кн. Волконскому мы примѣнимъ здѣсь тѣ же самыя слова, которыя въ прошломъ году сказали о г. Стаховичѣ ¹⁾: „г.г. Минскій и кн. Волконскій, подобно своему colleg-ѣ г. Стаховичу, усвоили еще съ юношескихъ лѣтъ изъ разныхъ источниковъ идеи Толстого. Какъ люди свѣтскіе, получившіе слабое религіозное (не говоримъ богословское) образованіе, они отдали, конечно, солидную дань нашимъ нецерковнымъ или мало-церковнымъ свѣтскимъ писателямъ, и вотъ, какъ плодъ этого, явились ихъ одушевленные и, соглашаемся, искреннія рѣчи въ религіозно-философскомъ собраніи и соотвѣтствующія имъ статьи въ журналѣ „Новый Путь“ о полной свободѣ совѣсти.

Поэтому, обвиненіе Церкви въ распятіи Христа, въ обращеніи дѣла вѣры въ политику г. Минскій и К^о пусть уже лучше возьмутъ на себя: не Церковь, которая защищаетъ свое тѣло и съ сожалѣніемъ отсѣкаетъ иногда нѣкоторые больные и вредные свои члены и не государство, которое караетъ преступления, распинаютъ Христа, а распинаютъ Его, къ сожалѣнію, можетъ быть того не замѣчая, сами г.г. Минскій и кн. Волконскій и подобные имъ, готовые отдать тѣло Церкви и государства на растерзаніе. Г.г. Минскій и кн. Волконскій въ данномъ случаѣ говорятъ, „какъ одни изъ безумныхъ“ (Лов.). Ихъ и подобныхъ ему лицъ мы снисходительно относимъ къ разряду людей, „увлекающихся началами, чуждыми

¹⁾ Церковн. Вѣстн. № 2-й 1902 г. стр. 38.

русской жизни“ и этимъ объяняемъ то, что говорятъ они. Мы бы рекомендовали всѣмъ подобнымъ богословамъ разъ навсегда отказаться отъ своего горделиваго желанія учить и бичевать Церковь. Церковь знаетъ свое ученіе и свое назначеніе, а они—плохо знаютъ это ученіе; имъ нужно учиться и учиться, а не учить. Церковь для усвоенія своего ученія требуетъ „плѣненія разума въ послушаніе вѣрѣ“, „вѣрою уразумѣвать“, а они этого и не хотятъ, и не зная должнымъ образомъ ученія и духа Церкви, поступаютъ какъ разъ совершенно обратно. Пока они будутъ приходить на религіозно-философскія собранія, которыя сами по себѣ прекрасны, съ эллинской гордостью, съ желаніемъ учить Церковь, а не учиться у Нея, пока они будутъ здѣсь утверждать, что Церковь, какъ и они, не обладаетъ полнотою истины (г. Минскій), до тѣхъ поръ полное ихъ сближеніе съ Церковью невозможно; они будутъ не въ оградѣ, а только блуждать около церковной ограды.

Заканчивая нашъ разборъ современныхъ сужденій о полной свободѣ совѣсти съ церковной и государственной точки зрѣнія, мы спѣшимъ оговориться, что при разсмотрѣніи этого великой важности вопроса, отъ такого или иного рѣшенія котораго и осуществленія на практикѣ зависитъ крѣпость нашего церковнаго и государственнаго организма, мы совсѣмъ не имѣли въ виду защищать и оправдывать такіе факты, какъ насильственное привлеченіе въ Церковь раскольниковъ, сектантовъ на бесѣды, предписаніе исповѣди и говѣнія состоящимъ на службѣ во что бы то ни стало и др. Эти факты мы не разумѣли и не пытались оправдывать при изслѣдованіи вопроса о свободѣ совѣсти. Эти факты, если когда либо *прежде* они и имѣли мѣсто, мы порицаемъ и осуждаемъ; это уже дѣйствительно стѣсненіе свободы совѣсти въ ея чистомъ видѣ, не переходящемъ въ преступленіе, наказуемое на основаніи государственныхъ законовъ: нежеланіе раскольника быть православнымъ, сектанта—идти на бесѣду, нежеланіе говѣть *не суть преступленія* съ государственной точки зрѣнія. Напротивъ, преступными тутъ уже являются дѣйствія лицъ принуждающихъ. Въ настоящее время государство такихъ лицъ не преслѣдуетъ, Церковь же старается дѣйствовать на нихъ путемъ убѣжденія на добровольныхъ собесѣдованіяхъ.

Разбираемый нами вопросъ многіе уже величаютъ всѣмъ надобнымъ; это напрасно. Никакой серьезный вопросъ, а тѣмъ болѣе такой великой важности, какъ вопросъ объ истинной природѣ свободы совѣсти, не долженъ надобдаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ уясненъ окончательно. Мы сдѣлали одну изъ попытокъ такого уясненія.

Окончательный нашъ выводъ, „последнее слово“ Церкви, посаженный г. Минскимъ на скамью подсудимыхъ при рѣшеніи вопроса о свободѣ совѣсти будетъ такое: свобода религиозная, свобода совѣсти въ истинномъ смыслѣ этого слова у насъ существуетъ: нѣтъ и не можетъ быть полной оубоды лишь для такого проявленія религиозныхъ убѣжденій, которое на практикѣ образуетъ собою *составъ преступленія* въ государственно-юридическомъ смыслѣ этого слова; всѣ же остальные не преступныя проявленія религиозныхъ вѣрованій и убѣжденій пользуются у насъ полной, едва ли не большей свободой, чѣмъ на Западѣ.

Проповѣдники полной свободы совѣсти все только требуютъ ея отъ Православной Церкви и государства, и обвиняютъ ихъ въ поправнїи ея въ отношеніи къ другимъ исповѣданіямъ и сектамъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ; но почему же эти же самые проповѣдники не требуютъ взаимно отъ этихъ исповѣданій и сектъ уваженія къ свободѣ совѣсти Православной Церкви? Проповѣдники полной свободы не только не требуютъ отъ нихъ этого уваженія, но совершенно напротивъ, самыя поправнїи, стѣсненія и грубыя нарушенія ими святыни и религиозной свободы Православной Церкви въ безуміи именуютъ „проявленіями религиозной свободы“ этихъ самыхъ инославныхъ исповѣданій и сектъ и требуютъ безнаказанности ихъ! Такое именно сужденіе высказали многіе наши либералы по отношенію къ тому „уваженію свободы совѣсти Православной Церкви“, которое выказали павловскіе сектанты—толстовцы при разгромѣ и дикомъ поруганіи церкви—школы, и которое они оправдываютъ теоретическимъ ученіемъ ихъ учителя гр. Л. Толстого. Изведи, Господи, изъ темницы души ихъ!..

Архимандритъ Сильвестръ.

ТЕОРИИ ВДОХНОВЕНІЯ И ПРОИСХОЖДЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ НА ЗАПАДѢ ВЪ XVIII И XIX ВѢКАХЪ (ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Продолженіе *).

XIII.

Теоріи высшей критики.

Господство идей канто-фихтевской философіи, сообщивъ рационализму новое направленіе, вызвало появленіе новыхъ высшихъ формъ рационалистической критики. Всѣ надежды на приостановку въ развитіи рационализма оказались тщетными. Уже нападеніе Реймаруса на Божественное Откровеніе вообще, а св. Писаніе въ особенности могло предупредить рационалистовъ, что крушеніе близко, что необходимо готовиться къ нему, пока есть еще время. Тѣ вѣдѣности, до которыхъ договорились многіе изъ невѣрующихъ критиковъ, могли возбудить охранительныя стремленія. Дѣйствительно, въ развитіи рационалистическихъ теорій о происхожденіи Библии была нѣкоторая пауза и даже, быть можетъ, были моменты нѣкотораго разочарованія, огорченія и смущенія. Но корабль рационализма неизбежно долженъ былъ потонуть въ волнахъ невѣрія: позади—свирѣпствовала буря, впереди—угрожало страшное крушеніе. Тѣ, которые находились въ передней части карабля, могли, конечно, предвидѣть, какая судьба угрожаетъ судну, но возвратить его назадъ уже были не въ состояніи. Новый вихрь сомнѣній и бурный приливъ невѣрія съ неодолимою

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1903 г. № 14.

силою гнали корабль по направленію къ скаламъ. Только тѣ, у которыхъ сохранились хотя кое-какіе остатки старой вѣры, еще могли остановиться, стать на якорь и на нѣкоторое время замедлить неизбежное крушеніе. Большинство же раціоналистовъ были всецѣло охвачены невѣріемъ и отчаялись спасти отъ гибели прежнія религіозныя вѣрованія.

Когда были обнародованы фрагменты Реймаруса, то по всей Германіи, какъ извѣстно, поднялась цѣлая буря. Однако опасность потерять вѣру, боязнь потонуть въ пучинѣ сомнѣній не возвратили людей къ старой вѣрѣ въ Библию. Наоборотъ, вслѣдъ за появленіемъ фрагментовъ Реймаруса, пачалось новое движеніе раціонализма, во вредъ авторитету слова Божія. Мы разумѣемъ образованіе новой школы среди германскихъ раціоналистовъ, которая извѣстна подъ именемъ „*высшей критики*“.

Вождемъ новаго движенія, равно какъ и виновникомъ самого названія его былъ *Иоаннъ Готфридъ Эйхгорнъ* (1752—1827). Онъ былъ ученикомъ Михаелуса и занималъ кафедру восточныхъ языковъ сначала въ Іенѣ, потомъ въ Геттингенѣ. Въ то время вліяніе философіи и національной литературы Германіи на богословіе все болѣе и болѣе усиливалось. Невѣрующая критика наносила все новые и новые удары старой лютеранской ортодоксіи. По мѣрѣ того, какъ размножались критическія изслѣдованія св. Писанія, стали появляться раціоналистическія гипотезы о происхожденіи библейскихъ книгъ. Эти гипотезы были *тенденціозныя*, когда происхожденіе св. книгъ приписывали извѣстнымъ партіямъ; *традиціонныя*, при которыхъ для происхожденія св. Писанія указывали источникъ въ народныхъ преданіяхъ; наконецъ, *миѳическія*, представители которыхъ все содержаніе Библии называли сагой и поэзіей. Чтеніе вольфенбюттельскихъ фрагментовъ произвело на Эйхгорна весьма глубокое впечатлѣніе. Обвиненія св. писателей въ обманѣ и подлогѣ отвергались Эйхгорномъ, какъ невѣроятныя, но, съ другой стороны, ему казалось невозможнымъ допустить прямое посредство Бога въ происхожденіи Библии.

При своей обширной учености, Эйхгорнъ не имѣлъ того духовнаго дара, который необходимъ для правильнаго, глубо-

каго пониманія Слова Божія. По словамъ Эвальда, Библия съ религіозной точки зрѣнія отъ начала до конца была для Эйхгорна книгою „запечатанною“. Дѣствительно, Библия имѣла для него не большее значеніе, чѣмъ какая-либо индійская или греческая религіозная поэма. Всѣ свои громадныя познанія въ области восточныхъ языковъ и религіозныхъ книгъ разныхъ народовъ Эйхгорнъ употреблялъ, чтобы лишить Библию ея боговдохновеннаго авторитета. Плоды своихъ изслѣдованій онъ изложилъ во многихъ журналахъ ¹⁾, но особенно въ сочиненіяхъ: „Urgeschichte“ 2 тома, „Einleitung in das Alt. Testament“ и „Einleitung in das Neue Testament“. Въ предисловіи къ своему „Введенію въ Ветхій Завѣтъ“ Эйхгорнъ называетъ свою новую гипотезу происхожденія св. книгъ „высшею критикой“ и къ этому названію возвращается снова въ своемъ „Введеніи въ Новый Завѣтъ“.

Между тѣмъ, какъ „низшая критика“ („die niedere Kritik“) изучаетъ главнымъ образомъ текстъ и букву св. Писанія, высшая критика идетъ другимъ путемъ. Для высшей критики недостаточно удостовѣриться въ томъ, что манускрипты, которыми мы обладаемъ, суть подлинныя автографы писателей. Хотя бы мы, дѣствительно, въ этомъ убѣдились, все же для высшей критики останутся еще не рѣшенными вопросы, какъ же произошли эти автографы, какъ должно судить о ихъ содержаніи, какой смыслъ имѣютъ ихъ рассказы и пр. Эйхгорну казалось, что изученіе Библии въ этомъ отношеніи весьма мало подвинулось впередъ, несмотря на то, что окончился восемнадцатый вѣкъ христіанской эры. Въ то время, какъ въ Новомъ Завѣтѣ низшая критика сдѣлала немало, высшая критика едва начала испытывать свои силы, а въ отношеніи къ Ветхому Завѣту Эйхгорнъ чувствовалъ себя подобно отважному изслѣдвателю, обозрѣвающему новыя неизвѣстныя страны.

Что же руководило Эйхгорномъ въ его новыхъ изслѣдованіяхъ? какъ онъ объяснялъ происхожденіе св. книгъ? По собственному заявленію Эйхгорна, чтеніе фрагментовъ Рейма-

¹⁾ См. Allgemeine Bibliothek der biblischen Literatur. 10 томовъ; Repetitorium für biblische und morgenländische Literatur. 18 томовъ.

руса произвело на него весьма сильное впечатлѣніе. Онъ рѣшилъ, что Реймарусъ „пошелъ слишкомъ далеко“! Фраза—прискорбно фамиллярная! Она сдѣлалась неизмѣннымъ введеніемъ для всѣхъ раціоналистовъ, налагавшихъ свою руку на боговдохновенныя страницы Библии. вмѣсто встрѣчи съ невѣріемъ Реймаруса открытымъ фронтомъ, вмѣсто рѣшительнаго отверженія всѣхъ его крайностей, Эйхгорнъ задумалъ пріобрѣсти его школу чрезъ заключеніе съ ней мировой сдѣлки. Самъ онъ не хотѣлъ допустить, чтобы св. книги были обязаны своимъ происхожденіемъ обману и подлогу, но зато былъ глубоко увѣренъ, что возможно найти такую позицію, на которой мирно можно сойтись съ Реймарусомъ.

Вслѣдъ за Реймарусомъ, Эйхгорнъ объявилъ, что всѣ рассказы Библии о сверхъестественномъ посредничествѣ, о Богѣ, являющемся людямъ, говорящемъ съ ними, посылающемъ одного гонца за другимъ, творящемъ чудеса,—всѣ эти рассказы невѣроятны. „У всѣхъ народовъ“, говорилъ Эйхгорнъ, „все непостижимое, необыкновенное приписывали Божеству. Мудрецы и всѣ высокоодаренные люди во всѣхъ странахъ представлялись находящимися въ сношеніяхъ съ высшимъ Существомъ. Но мы рассматриваемъ факты такого рода, какъ ложныя, какъ легенды, если о нихъ рассказываютъ языческіе писатели. Почему же мы должны дѣлать исключеніе только для евреевъ?“ Но не было ли отрицаніе библейскихъ рассказовъ о чудесныхъ событіяхъ равносильно утверженію Реймаруса, будто Библия обязана своимъ происхожденіемъ обманамъ и подлогамъ? „Не думаю“, отвѣчалъ Эйхгорнъ. Достоинство Библии можно спасти, хотя бы сверхъестественныя элементы ея содержанія были отвергнуты! Это должна была исполнить высшая критика, которая и могла, такимъ образомъ, подобно своимъ раціоналистическимъ предшественникамъ, сдѣлаться другомъ Библии и союзникомъ Откровенія! Но, само собою понятно, послѣдствія были совершенно обратныя. Подобно тому, какъ въ исторіи медицины весьма нерѣдки случаи, когда увлекающіеся неопытные хирурги опрометчиво дѣлаютъ смертельныя надрѣзы на тѣлѣ, такъ и послѣдователи „высшей критики“ пытались спасти достоинство Библии, чрезъ примѣненіе

гипотезы Эйхгорна къ св. книгамъ. Употребляя же истинный и дѣйствительный образъ можно сказать, что „ангелъ тьмы вновь явился людямъ, какъ ангелъ свѣта“! Это отверженіе чудесныхъ разсказовъ Библии было *вторымъ шагомъ* въ борьбѣ раціонализма противъ Библии, послѣ того какъ было отвергнуто вдохновеніе св. книгъ. Съ этого времени отрицаніе вдохновенія и достовѣрности чудесныхъ разсказовъ св. писаній сдѣлались двумя главными догматами раціоналистическаго „*credo*“ и непоколебимыми основаніями отрицательныхъ теорій вдохновенія и происхожденія св. книгъ.

Въ видахъ спасенія достоинства св. книгъ Эйхгорнъ предлагаетъ для объясненія библейскихъ разсказовъ о чудесныхъ и сверхъестественныхъ событіяхъ *три принципа*.

1. Народы древняго міра, особенно греки и восточные, приписывали непосредственному дѣйствию Божества все то, что производило на нихъ впечатлѣніе своимъ величіемъ, или что выходило изъ круга ихъ обыкновенныхъ понятій и представлений. Прежде прилагали этотъ принципъ ко всей древней языческой литературѣ, но дѣлали исключеніе для одной Библии. Эйхгорнъ пришелъ къ мысли, что, именно, вслѣдствіе этого исключенія Библии изъ области чисто натурального истолкованія, произошла большая часть трудностей въ истолкованіи ея. Триумфъ высшей критики въ томъ и состоитъ, что она смѣло примѣнила къ св. книгамъ обыкновенные научные приемы литературной критики и тѣмъ будто бы спасла ихъ высшій авторитетъ, такъ какъ обвиненіе Реймаруса св. писателей въ обманѣ падало сразу въ самомъ своемъ основаніи. Вѣдь никто не долженъ помѣщать Геродота въ разрядъ обманщиковъ только потому, что нѣкоторыя событія приписываются имъ прямому дѣйствию боговъ. Почему же мы обвиняемъ въ обманѣ библейскихъ писателей, когда таковъ былъ ихъ обычай думать и говорить, когда таковъ былъ характеръ ихъ времени и общества?

2. Второй принципъ высшей критики требуетъ, чтобы восточныя гиперболы не принимались за научныя объясненія самыхъ фактовъ. Генію семитическихъ народовъ, по самой природѣ ихъ, говоритъ Эйгорнъ, свойственно преувеличивать

все. Должно, поэтому, дѣлать списхожденіе къ свидѣтельствамъ библейскихъ писателей и сводить ихъ рассказы къ обыкновеннымъ пропорціямъ. Св. писатели, продолжаетъ Эйхгорнъ, весьма часто, какъ напр. въ книгѣ судей, не видѣли событій, о которыхъ они рассказываютъ, а потому преувеличиваютъ ихъ размѣры, но это зависѣло отъ свойствъ ихъ восточнаго воображенія, а не отъ желанія исказить самые факты. Въ такомъ именно духѣ Эйхгорнъ объясняетъ происхожденіе библейскихъ рассказовъ о Ноѣ, Авраамѣ, Моисеѣ и др. Не зная такого свойства писателей Востока, древніе истолкователи Библии постоянно дѣлали ложныя заключенія, но теперь настало время избѣгать ихъ.

3. Третій принципъ высшей критики состоитъ въ слѣдующемъ. Евреи, видя вездѣ Бога и относя всѣ явленія природы къ Его непосредственному дѣйствию, опускали въ своихъ историческихъ рассказахъ многія существенныя подробности. На самомъ же дѣлѣ эти подробности доказываютъ, что то, что евреи почитали сверхъестественнымъ, было самымъ обыкновеннымъ, естественнымъ явленіемъ природы или исторіи.

Таковы были три принципа высшей критики, которые установилъ Эйхгорнъ для объясненія происхожденія св. книгъ. Понятно, что теорія Эйхгорна въ самомъ корнѣ подрывала ученіе о боговдохновенномъ происхожденіи св. книгъ. Эйхгорнъ открыто отвергалъ библейскіе рассказы о сверхъестественныхъ событіяхъ обоихъ Завѣтовъ, обвинялъ св. писателей въ фантастическомъ преувеличеніи самыхъ событій, въ опущеніи существенныхъ подробностей ихъ и пр. Нѣтъ нужды подвергать подробному разбору гипотезу Эйхгорна о происхожденіи св. письменности, съ цѣлію отдѣлать зерна истины, которыя въ ней содержатся, отъ цѣлой горы ошибокъ. Самъ Эйхгорнъ понималъ, какъ не согласно съ подлинностью и достовѣрностью св. книгъ такое отрицаніе сверхъестественныхъ элементовъ содержанія Библии. Но, когда онъ отвергъ рассказы св. писателей о чудесахъ, ему казалось, что онъ одержитъ побѣду надъ фрагментами Реймаруса и ограничить ихъ утвержденіе, будто эти рассказы суть произведеніе обмана и подлога. Самая чудовищность такого предположенія казалась

Эйхгорну достаточной, чтобы утрашить всякаго и отвергнуть его. Какъ! великіе люди древняго міра, оказавшіе столь благодѣтельное вліяніе на свое время, были всѣ обманщиками, и ихъ современники этого не предполагали?! Нѣтъ, это—невозможно. Св. писатели не обманывали насъ, по мы, напротивъ, не понимали ихъ, какъ должно. Если бы они говорили съ философскою точностью нашихъ дней, то невозможно бы было найти въ ихъ рѣчи утвержденіе дѣйствительнаго посредничества Бога, такъ какъ это была бы ложь. Но св. писатели согласовались съ идеями и рѣчью древняго міра, а потому безъ злого умысла, безъ искусства рассказывали о чудесахъ и все приписывали Богу ¹⁾. Теперь мы переводимъ языкъ древности на современную рѣчь, и болѣе уже не удивляемся чуду, какъ будто снимаемъ маску съ обмана!

Эйхгорнъ хотѣлъ самъ показать примѣры, какъ нужно пользоваться его принципами для объясненія *первыхъ трехъ главъ книги Бытія*. Первая глава Библіи, по словамъ Эйхгорна, вовсе не есть вдохновенное произведеніе богопросвѣщеннаго писателя, а обыкновенная поэма, простая символическая картина міроздавнiя. Разсказъ Моисея о сотвореніи Адама—это только прикрашенная исторія появленія на землѣ перваго человека. Эйхгорнъ призываетъ на помощь всю силу своего воображенія, чтобы возстановить мнимо-дѣйствительную исторію первыхъ людей. Ева, по его словамъ, явилась въ то же самое время, какъ и Адамъ, но только въ другомъ мѣстѣ. Нѣкоторое время Адамъ жилъ въ обществѣ животныхъ, когда сталъ чувствовать нѣкоторую пустоту въ мірѣ. Среди животныхъ Адамъ видѣлъ по два творенія одного и того же рода; только онъ одинъ жилъ разобщенно. Когда у Адама возникло желаніе общества, онъ ходилъ по Эдему, въ поискахъ подобнаго

¹⁾ Штраусъ справедливо замѣтилъ, что первоначальная идея натурального объясненія чудесныхъ разсказовъ Библіи принадлежитъ Реймарусу. „Онъ видѣлъ въ чудесахъ Ветхаго Заветъ“, говоритъ Штраусъ, „не всегда чистый обманъ, но весьма часто, какъ и Снпноза, ложный призракъ, происходившій изъ „stylus theocraticus“ іудейскихъ писателей, т. е. изъ привычки, все ставить въ прямую связь съ верховною Церковною, съ Богомъ и опускать промежуточные, связующіе члены“. *Versuch der Religions-Geschichte*. Такимъ образомъ, Эйхгорнъ только подражалъ Реймарусу.

себѣ существа. Утомленный онъ впалъ въ глубокій сонъ: ему представилось, будто онъ раздѣлился на двѣ части. Когда же онъ пробудился и сталъ изслѣдовать неизвѣстную доселѣ часть Эдема, предъ нимъ предстала Ева. Таковъ, по Эйхгорну, смыслъ словъ св. бытописателя: „И взя (Богъ) едино отъ ребрь его, и исполни плотію вмѣсто его. И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену, и приведе ю ко Адаму“ (Быт. 2, 21—22). Слова эти имѣютъ не буквальный, а переносный смыслъ: Адамъ дремалъ и во время дремоты ему показалось, что Богъ взялъ одно изъ его реберь! Отвергнувъ буквальный смыслъ библейскаго разсказа, какъ невѣроятный, Эйхгорнъ увѣряетъ, что со стороны библейскаго писателя не было ни малѣйшаго желанія обмануть читателей. Такъ какъ св. писатель видѣлъ руку Божію во всемъ происшествіи отъ начала до конца, то и разсказъ его вылился въ такую форму, которая вполне соответствовала духу его времени. Только теперь мы западные европейцы—прозаическіе люди—вложили въ слова восточныхъ писателей такія идеи, которыхъ они собственно не высказывали. Но когда Эйхгорну напоминали, что св. Писаніе раздѣльно говоритъ о созданіи Евы послѣ Адама, онъ и на это отвѣчалъ: такова—манера восточнаго писателя!

Такимъ же точно методомъ Эйхгорнъ объясняетъ происхожденіе библейскаго разсказа *объ изгнаніи изъ Эдема* Адама и Евы. Дерево познанія добра и зла, несомнѣнно, существовало: это было дерево, плоды котораго были полезны для змѣя, но заключали въ себѣ медленный ядъ для человѣка ¹⁾. Змѣя не разговаривалъ съ Евой: она только наблюдала, какъ животное наслаждалось употребленіемъ плодовъ. Вотъ это-то зрѣлище и образовало въ Евѣ искушеніе, которое писатель, по обычаю Востока, изложилъ въ драматической формѣ. Окончаніе библейскаго разсказа о грѣхопаденіи Эйхгорнъ передаетъ такимъ образомъ. Когда Ева и Адамъ съѣли запрещенный плодъ, то взоры ихъ открылись. Къ вечеру того же дня случилась сильная гроза, вѣроятно, первая, которую наблюдалъ первобытный человѣкъ, со времени своего появленія на землѣ.

¹⁾ Позднѣе Эйхгорнъ открыто объявилъ древо познанія добра и зла мнѣнческою выдумкою.

Адамъ и Ева услышали голосъ Бога, какъ будто Онъ ходилъ по землѣ (III, 8). Голосъ Бога! Кто не знаетъ что это выраженіе тысячи разъ употребляется для обозначенія ударовъ грома? Раскаты грома и были приняты первыми людьми за голосъ Божій, а такъ какъ они долго отражались въ ушахъ Адама и Евы, то имъ и показалось, будто самъ Богъ ходитъ по Эдему. Новый ударъ грома разразился надъ деревьями, и Адаму представилось, будто онъ слышитъ слова Бога: „Адамъ, гдѣ ты“? (III, 9). Послѣдовало оправданіе: Адамъ слагалъ вину на Еву, Ева на змѣя (III, 12—13). Разговоръ Бога съ Адамомъ и Евою, по мнѣнію Эйхгорна, сочинень св. писателемъ для лучшаго изображенія раскаянія и мученія совѣсти первыхъ людей, происшедшихъ отъ сознанія своего проступка. Такъ какъ громъ продолжалъ гремѣть, то первые люди въ испугѣ оставили Эдемъ, (III, 23). Библейскій писатель говоритъ, что Богъ изгналъ человѣка изъ рая, но это—обычная восточная метафора, свойственная необразованнымъ народамъ, которые все приписывали непосредственно самому Богу. Впрочемъ, прибавляетъ Эйхгорнъ, можетъ быть чье-либо воображеніе придумаетъ болѣе естественныя причины для бѣгства Адама и Евы изъ рая, чѣмъ гроза и буря ¹⁾?

Вышеприведенные примѣры приложенія принциповъ высшей критики къ книгѣ Бытія довольно ясно опредѣляютъ, въ чемъ состояла теорія Эйхгорна происхожденія св. книгъ. Такъ какъ теорія эта обнаруживаетъ богатый запасъ воображенія въ кабинетномъ ученомъ филологѣ, то уже одно это говоритъ противъ утвержденія Эйхгорна, будто европейцы—люди прозаическіе, будто они не способны къ пониманію невѣроятныхъ картинъ и произведеній разгоряченной фантазіи восточныхъ писателей. Подобно многимъ другимъ капризамъ отрицательной критики, теорія Эйхгорна оказалась мертворожденною: она не могла долго существовать среди дѣйствительно жизненныхъ произведеній науки. Эйхгорнъ былъ просто одинъ изъ самозванныхъ врачей, которые бросились на помощь разлагавшемуся протестантизму, страдавшему отъ ранъ, причиненныхъ

¹⁾ Eichhorn. Repetitorium für bibl. und morgenländische Literatur. Band 4. Urgeschichte p. 158. 182. 201. 227.

дерзкимъ невѣріемъ. Но положеніе дѣла чрезъ это нисколько не улучшилось. Свой методъ Эйхгорнъ приложилъ къ истолкованію библейскихъ разсказовъ объ избавленіи евреевъ отъ египетскаго рабства, о синайскомъ законодательствѣ, путешествіи по пустынѣ и вообще всей исторіи Ветхаго Завѣта. О всѣхъ библейскихъ писателяхъ Эйхгорнъ рѣшительно утверждалъ, что они только слѣдовали восточной манерѣ, когда объясняли событія непосредственнымъ вмѣшательствомъ Бога.

Въ нерѣшительности остановился Эйхгорнъ предъ св. книгами Новаго Завѣта. Остатокъ благоговѣнія ко Христу воспрепятствовалъ ему наложить руку, примѣнить методъ высшей критики къ исторіи искупленія и свести ее къ уровню обыкновенныхъ событій; но то, что не осмѣлился сдѣлать Эйхгорнъ, то сдѣлали другіе болѣе рѣшительные и дерзкіе раціоналисты... Отецъ натурального объясненія сверхъестественныхъ элементовъ Библии, повидимому, наконецъ понялъ, что, съ устраненіемъ сверхъестественнаго изъ жизни Іисуса, для протестанта не останется ничего болѣе. Это однако не помѣшало Эйхгорну предложить свою гипотезу чисто натурального происхожденія синоптическихъ евангелій. Эйхгорнъ допускалъ существованіе первоначальнаго, „оригинальнаго“ евангелія. Частная рецензія этого первоначальнаго документа (которую онъ называетъ А) послужила основаніемъ для евангелія отъ Маттея. Второй рецензіи (В) обязано своимъ происхожденіемъ евангеліе отъ Луки. Третья рецензія (С), происшедшая отъ сличенія А и В, составлена евангелистомъ Маркомъ. Кромѣ того, св. Маркъ и Лука пользовались пѣкоторой четвертой рецензіей (Д), съ которою евангелистъ Маттеей не былъ знакомъ ¹⁾). Гипотеза

¹⁾ Einleitung in das N. Testament. 162. 145 и др. Впослѣдствіи Бертольдъ вдонизмѣнилъ гипотезу Эйхгорна такимъ образомъ: еванг. Маттеей, вѣроятно, составилъ евангельскую исторію на еврейскомъ или же сиро-халдейскомъ языкѣ, а потомъ перевелъ ее на греческій, сдѣлавъ добавленія къ оригиналу (Berthold's. Einleitung in das N. Testament. III. р. I, 205). А Гердеръ, обладавшій блестящимъ воображеніемъ и восхищеніемъ предъ красотами Библии, составилъ еще болѣе замысловатую теорію происхожденія евангелій: Маркъ, обыкновенно почитаемый за сократителя евангелія отъ Маттея, возстановилъ его на арамейскомъ нарѣчій; еванг. Лука въ своей исторіи, написанной по-гречески, слѣдовалъ первоначальному евангелію, въ которомъ еванг. Маттеевъ былъ произведенъ измѣненія и прибавки; арамейское евангеліе впослѣдствіи было переведено на греческій

Эйхгорна основана не на историческомъ свидѣтельствѣ, а только на нѣкоторомъ сходствѣ между синоптическими евангеліями, особенно въ такихъ частяхъ, которыя излагаютъ евангельскую исторію отъ крещенія Господа до Его вознесенія. Но предлагая свою гипотезу, Эйхгорнъ ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, какое же собственно значеніе, при составленіи этихъ рецензій, имѣло вдохновеніе св. писателей, какъ будто это была обыкновенная авторская работа.

Та нерѣшительность, та остановка, котовую обнаружили Эйхгорнъ, предъ книгами Новаго Завѣта была только временной. Эйхгорнъ проложилъ дорогу, другіе скоро пошли по ней. Ученики Эйхгорна стали разсуждать такъ: мы вовсе не имѣемъ пужды въ чудесахъ, чтобы вѣрить въ истину Божественнаго Откровенія; глубоко ошибаются тѣ, которые достовѣрность св. книгъ ставятъ въ зависимость отъ достовѣрности разсказовъ ихъ авторовъ о чудесныхъ событіяхъ; мы можемъ даже пойти еще далѣе, мы можемъ утверждать, что христіанство не зависитъ отъ такихъ или иныхъ мѣній о евангеліяхъ, передающихъ жизнь Основателя его.

Первый, кто рѣшительно и смѣло сталъ говорить такимъ языкомъ, былъ *Гейнрихъ Эбергардъ Готтлобъ Паулюсъ*, (1761—1851). Давидъ Штраусъ слѣдующими словами характеризуетъ этого рационалиста: „Докторъ Паулюсъ первый можетъ приписать себѣ славу христіанскаго Евгемера. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нашего появились многочисленныя сочиненія, цѣлью которыхъ было натуральное объясненіе чудесъ. Но классическіе памятники этой школы—это „*Commentar der Evangelien*“ Паулюса и „*Das Leben Iesu*“, которую составитель издалъ позднѣе“¹⁾.

Паулюсъ былъ болѣе рѣшительнымъ и фанатичнымъ врагомъ всего сверхъестественнаго въ Библии, чѣмъ его предшественникъ Эйхгорнъ. Именно онъ формулировалъ теорію

языкъ, при чемъ переводчикъ пользовался евангеліями отъ Марка и Луки (См. Herder. Vom Erlöser der Menschen nach drei ersten Evangelien. 1776; Von Gottes Sohn der Welt Heiland nach Iohannis Evangelium. 1797).

¹⁾ Strauss. „*Neues Leben Iesu*“. Band I. p. 13. „*Der Commentar zu den Evangelien*“ явилось въ 1800—1804, а *Das Leben Iesu* 1828.

отрицанія всѣхъ библейскихъ чудесъ и придавъ ей окончательную форму, которая потомъ была усвоена Штраусомъ и всѣми современными раліоналистами ¹⁾).

Отрицательная теорія Паулюса о происхожденіи и смыслѣ рассказовъ св. писателей о чудесахъ образовалась собственно подъ вліяніемъ идей Спинозы, но главнымъ образомъ Канта. Философскія системы Германіи оказывали необыкновенно сильное вліяніе на библейскую критику. Развитіе ихъ шло параллельно, такъ что онѣ вдохновляли и подкрѣпляли другъ друга. Сомнѣнія Лессинга привели къ рѣшительному отрицанію Штрауса, скептицизмъ Канта—къ пантеизму Гегеля, къ атеизму Фейербаха и Шопенгауера. Главы философскихъ школъ довольно открыто высказывали свои мнѣнія по религіознымъ вопросамъ. Кантъ, напр., заявлялъ, что евангельскіе рассказы о жизни Основателя христіанской религіи, о чудесахъ и пророчествахъ—совершенно бесполезны, что значеніе всякой библейской книги зависитъ исключительно отъ нравственной дѣли ея; что съ этой точки зрѣнія книги Ветхаго Завѣта уже утратили свою силу и пр. ²⁾). Фихте нападалъ на всѣ ветхозавѣтныя писанія, во всѣхъ новозавѣтныхъ книгахъ, исключая евангелія отъ Іоанна, старался отыскать слѣды іудейскихъ религіозныхъ заблужденій, а о вдохновеніи училъ, что всякій человѣкъ, съ религіознымъ настроеніемъ созерцающій міръ, находится въ Богѣ и Богъ въ немъ ³⁾). Вотъ, подъ вліяніемъ разнородныхъ идей Спинозы, Канта, Фихте, Эйхгорна и др., и сложились собственные взгляды Паулюса на Библию вообще, а евангелія въ особенности.

Однако, усвоивъ себѣ философскія идеи своего вѣка, Паулюсъ не находилъ возможнымъ совершенно отвергнуть историческое значеніе библейскихъ рассказовъ о чудесномъ. Онъ только поставилъ себѣ цѣлю объяснять чудесныя событія Новаго Завѣта натуральнымъ образомъ, какъ Эйхгорнъ—факты Ветхаго

¹⁾ См. сочиненія Паулюса *Philolog. Krit. Commentar über der N. Testam.* Lubeck. 1805; *Exeget. Handbuch über die drei ersten Evangelien.* Heidelberg. 1831. *Die drei Lehrbriefe des Iohannes übersetzt.* Heidelberg. 1839. *Das Leben Jesu als Grundlage einer reiner Geschichte der Urchristenthums.* 1828.

²⁾ *Religion innerhalb den Grenzen der bloßen Vernunft.* Seit. 255.

³⁾ *Doctrina relig.* 155. 142. Berol. 1806.

Завѣта. Онъ, поэтому, немного видоизмѣнилъ методъ послѣдняго, присоединивъ къ *историческому* истолкованію еще *психологическое*. Было бы слишкомъ невѣроятно видѣть въ разсказахъ новозавѣтныхъ писателей о чудесахъ только восточныя метафоры и гиперболы. Паулюсъ надѣялся лишить эти разсказы сверхъестественнаго характера, указавъ для сверхъестественнаго мѣсто не въ дѣйствіяхъ Іисуса и событіяхъ Его жизни, а *въ духъ и воображеніи* тѣхъ, кто разсказывалъ и объяснял ихъ. Всѣ событія въ евангельской исторіи, говорилъ Паулюсъ, были естественны, но частью писатели, частью истолкователи придали имъ чудесную окраску.

Всѣ силы своего неисчерпаемаго воображенія Паулюсъ употребилъ въ сочиненіяхъ „Толкованіе на евангелія“ и „Жизнь Іисуса“, чтобы свести разсказы евангелистовъ о чудесахъ Господа къ самымъ малымъ пропорціямъ обыкновенныхъ событій. Паулюсъ отвергъ теорію обмана Реймаруса, но не вполне усвоилъ себѣ и гипотезу Эйхгорна о чудѣ, какъ натуральной формѣ описаній совершенно обыкновенныхъ событій, принятой на Востокѣ. Св. писатели, говорилъ Паулюсъ, на мѣренно и совершенно сознательно излагали свои воспоминанія о чудесахъ, совершенно сознательно разсказывали, что люди Божіи видѣли ангеловъ, слышали голосъ Бога, были свидѣтелями чудеснаго вмѣшательства Божественной Силы. Библейскіе писатели хотѣли увѣрить насъ въ дѣйствительности всего этого лучшимъ изъ всѣхъ основаній: они сами вѣрили въ чудеса и въ сверхъестественныя явленія, хотя это были только ихъ собственныя иллюзіи!

Съ такимъ-то ключомъ Паулюсъ, съ дерзкою рѣшимостью невѣра, не колеблется приблизиться даже къ тайнамъ Новаго Завѣта. Разсказъ св. писателя, которымъ начинается исторія Новаго Завѣта, по словамъ Паулюса, есть первая иллюзія. Престарѣлый священникъ Захарія, отецъ Іоанна Крестителя, будто бы былъ первою жертвою этой иллюзіи. Ему, возбужденному необыкновенною честью возношенія еиміама въ священномъ мѣстѣ, показалось, будто онъ видитъ въ клубахъ дыма, поднимающагося изъ камины въ полумракѣ святилища, образъ ангела. Онъ долго желалъ имѣть сына и былъ

увѣренъ, что явившійся ему во время богослуженія ангелъ обѣщаль ему исполнить его желаніе.

Какъ началась, продолжаетъ Паулюсъ, евангельская исторія, такъ она и продолжалась. Великое множество вѣрующихъ, среди которыхъ распространялось царство Божіе, была просто толпой благочестивыхъ визионеровъ. Какъ священникъ Захарія принялъ колебанія возносімаго еиміама за ясное очертаніе ангела Божія, такъ будто бы Дѣва Марія припяла за архангела Гавріила неизвѣстнаго посѣтителя.

Голосъ съ неба, при крещеніи Господа, обозначаетъ будто бы только то, что въ сердцѣ Іисуса и Іоанна Крестителя въ это время были одинаковыя душевныя чувствованія. Эти одновременныя душевныя движенія не сознавались ими настолько ясно, чтобы можно было различить, слышатся ли голоса совнѣ, или это только внутреннія волненія духа.

Въ такихъ разсказахъ, гдѣ представляются нарушенными естественные законы природы, по мнѣнію Паулюса, чудо—это только выдумка истолкователей, но не свидѣтельство разсказчика. Такъ комментаторы на евангеліе отъ Іоанна (II, 1—10) утверждаютъ, что Іисусъ превратилъ воду въ вино. Это—изобрѣтеніе толковниковъ. У іудеевъ былъ обычай приносить новобрачнымъ, въ качествѣ подарковъ, вино или елей. Іисусъ пришелъ въ Кану галилейскую, въ сопровожденіи пяти учениковъ, которыхъ Онъ хотѣлъ привлечь къ Себѣ. Онъ предвидѣлъ, что гости принесутъ въ подарокъ вина, а потому запасся и Самъ необходимымъ количествомъ. Но ради шутки Онъ скрылъ свой даръ до того момента, когда вина не достало. Потомъ, для забавы гостей, Онъ вылилъ воду изъ однихъ сосудовъ, но вино оказалось въ другихъ сосудахъ, куда оно заранѣе было помѣщено ¹⁾.

Преображеніе Господа, по объясненію Паулюса, было только рефлексіей лучей восходящаго солнца на Іисусѣ и двухъ одѣтыхъ въ бѣлыя одежды незнакомцахъ, съ которыми происходила бесѣда на вершинѣ горы Фаворъ. Какъ ап. Петръ сдѣлалъ ошибочное заключеніе о событіи Преображенія, такъ

¹⁾ Paulus. Philologisch—kritischer und historischer Commentar uber das Neue Testament. T. IV. 1804. 150—162.

евангелисты Матѳеѳей, Маркъ и Лука находились въ заблужденіи, когда рассказывали объ исцѣленіи прокаженныхъ. Прокаженные не просили Іисуса объ исцѣленіи, а только чувствовали въ своемъ организмѣ начало выздоровленія. Изъ частыхъ ихъ восклицаній Іисусъ убѣждался, что кризисъ болѣзни уже миновалъ и обозначалъ это словами: ты—чистъ. Ученики, конечно, скоро увидѣли чудо въ томъ, что Іисусъ дѣлалъ совершенно естественно, хотя малѣйшая рефлексія могла обнаружить ихъ ошибку и извлечь дѣйствительный фактъ изъ области фантастическихъ представленій. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ будто-бы Іисусъ только доказалъ свою способность, какъ врачъ. Онъ исцѣлялъ слѣпоту особенною мазью для глазъ, и глухоту—порошкомъ, всыпаемымъ въ уши больныхъ. Но толпа приняла эти естественныя исцѣленія за чудеса, совершенныя чрезъ прикосновеніе, чрезъ слово или, короче говоря, чрезъ перстъ Божій. Всѣ евангельскіе рассказы о чудесахъ Паулюсъ объясняетъ подобнымъ же образомъ, т. е. сверхъестественныя элементы ихъ почитаетъ прибавками или самихъ писателей, или истолкователей ихъ.

Итакъ, Паулюсъ объявилъ всѣ чудесныя событія новозавѣтной исторіи иллюзіями, рассказы о нихъ—произведеніями излишней доверчивости къ свидѣтельскимъ показаніямъ, а св. писателей и свидѣтелей описываемыхъ событій—визіонерами. Хотя теорія Паулюса почти двадцать лѣтъ давала направленіе раціоналистической критикѣ, однако слабость ея была признана всюду еще при жизни ея виновника, такъ что Паулюсъ, можно сказать, пережилъ свою славу раціоналистическаго богослова ¹⁾. О недостаткахъ ея достаточно сказать слѣдующее.

1. Теорія Паулюса о происхожденіи евангельскихъ рассказовъ образовалась не путемъ безпристрастнаго изученія первоисточниковъ, а благодаря навѣянному совнѣ ученымъ *предубѣжденіямъ*. Извѣстно, что Паулюсъ нѣкоторое время увлекался теоріей Эйхгорна, но скоро оставилъ ее, увидѣвъ невозможность примѣненія ея къ св. книгамъ, такъ какъ съ каждымъ

¹⁾ Рѣшительнымъ критикомъ ея явился даже Штраусъ въ своей „Neuen Leben Jesu“. Band 1 p. 15 и др.

шагомъ внутренняя ея пустота дѣлалась все болѣе и болѣе очевидно. Тогда онъ принялся за изученіе Канта и усвоилъ себѣ его идею о различіи между объективнымъ элементомъ разсказа, или самымъ фактомъ, и субъективнымъ элементомъ, или сужденіемъ разсказчика. Это различіе кантовой философіи, въ соединеніи съ психологическимъ объясненіемъ разсказовъ Библии Спинозой, и привели Паулюса къ мысли, что сверхъестественное въ св. книгахъ не есть простая форма восточнаго воображенія, какъ думалъ Эйхгорвъ, но имѣетъ свое основаніе въ самой глубинѣ образа мыслей и убѣжденій разсказчиковъ. То, что кажется теперь невозможнымъ для холоднаго западнаго интеллекта: говорить о естественныхъ событіяхъ, какъ о чудесныхъ, было возможно для библейскихъ писателей. Дѣло научной критики—отыскать объективный элементъ разсказа въ области субъективнаго, извлечь иглу дѣйствительнаго факта изъ груды фантастическихъ образовъ. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что къ вопросу о происхожденіи св. книгъ Паулюсъ приступилъ съ предвзятыми идеями, заимствованными изъ современной философіи и психологіи, а потому его гипотеза не можетъ имѣть объективную научную цѣнность.

2. Но можно сказать еще болѣе, что гипотеза эта обязана своимъ происхожденіемъ *болтзненному воображенію* ея автора. Не безъ основанія нѣкоторые историки раціонализма ставятъ въ связь отрицательные взгляды Паулюса на Божественное Откровеніе и вдохновеніе съ мрачными впечатлѣніями его дѣтства. Шести лѣтъ лишившись матери, Паулюсъ жилъ въ домѣ отца, который отъ горя лишился разсудка, жилъ въ мірѣ фантомовъ, воображая себя окруженнымъ духами, надъ которыми его супруга была королевой... Самъ Паулюсъ впоследствии сознавался, что впечатлѣнія его несчастнаго дѣтства не могли уничтожиться въ его душѣ, что ужасныя галлюцинаціи отца навсегда заронили въ его умъ сомнѣніе въ дѣйствительности сверхъестественнаго міра.

3. Однако, несмотря на изобрѣтательность, иногда оригинальность, несмотря на массу труда, потраченнаго Паулюсомъ для того, чтобы объяснить происхожденіе евангельскихъ разсказовъ и лишить ихъ сверхъестественнаго характера, теорія

его оказалась въ высшей степени сомнительной, не научной, прямо—невѣроятной. Въ сущности говоря, Паулюсъ не сдѣлалъ ничего, кромѣ того, что *подмѣнилъ чудо Бога чудомъ простаго случая*. На мѣсто непрекаемаго свидѣтельства Слова Божія: *для Бога нтъ ничего невозможнаго*, онъ дерзко поставилъ свое мнимонаучное положеніе: *для случая нтъ ничего невозможнаго*. Но съ чисто научной точки зрѣнія положеніе Паулюса не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

4. Теорія Паулюса предполагаетъ собою слѣдующія разсужденія. „То, что происходитъ само собою, что можетъ быть объяснено изъ обыкновенной связи явленій, то натурально. Что не происходитъ само собою, необъяснимо по обыкновеннымъ законамъ бытія и жизни, то сверхъестественно. Библейская критика всегда можетъ восполнить то, что опущено въ первоисточникахъ. Но восполненіе это должно имѣть свою цѣлю разъяснить естественную связь событій, сверхъестественная же Первопричина не должна имѣть мѣста“. Недостатокъ такихъ разсужденій—очевиденъ. Вѣль св. писатели, хотя чудо—есть основная тема ихъ разсказовъ, не всегда указываютъ сверхъестественную Первопричину событій *формально и прямо*, но весьма часто говорятъ просто, какъ самоочевидцы и свидѣтели, предоставляя дѣлать необходимые выводы самимъ читателямъ. Почему же Паулюсъ присвоилъ себѣ право восполнять св. текстъ своими произвольными выдумками, въ духѣ натурализма, съ исключеніемъ всего сверхъестественнаго?

Д. С. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

Екатерининская комиссія по вопросу о расколѣ. ¹⁾

I.

14 декабря 1766 г. Императрица Екатерина II обратилась къ населенію имперіи съ манифестомъ, въ которомъ съ высоты самодержавнаго трона возвѣщала русскимъ людямъ о созваніи „Коммисіи для сочиненія проекта *Новаго Уложенія*“. Въ учреждаемую комиссію созывались депутаты со всѣхъ странъ имперіи. Высшія правительственныя и другія присутственныя мѣста должны были также назначить отъ себя депутатовъ. Такимъ образомъ сенатъ, синодъ, три первыя и прочія коллегіи, канцеляріи (кромѣ губернскихъ и воеводскихъ) должны были прислать по одному депутату; каждый уѣздъ, гдѣ губерніи расписаны на уѣзды и гдѣ есть дворянство, а равно и тѣ мѣста, гдѣ уѣзды носили названіе: полки, крейсы или имѣли иное названіе, обязаны были прислать по одному депутату; жители каждаго города тоже по одному; однодворцы каждой провинціи по одному; пахотные солдаты и разныхъ службъ служилые люди и прочіе, содержащіе ландмилицію, отъ каждой провинціи по одному депутату; государственные черносошные и ясачные крестьяне изъ каждой провинціи по одному; некрещеные разные народы, какого бы они закона ни были, крещеные или не крещеные, отъ каждаго народа, съ каждой провинціи, по одному депутату. Опредѣленіе числа

¹⁾ Изучая матеріалы Екатерининской комиссіи при составленіи нашей статьи: „Екатерининская комиссія въ ея отношеніи къ духовенству, какъ сословію“ (см. „Вѣра и Разумъ“ 1903 г. №№ 8—12), мы встрѣтили въ депутатскихъ наказахъ нѣсколько данныхъ по вопросу о расколѣ старообрядства и, обработавъ, рѣшились напечатать ихъ, хотя бы въ качествѣ простой исторической справки. *Дом.*

депутатовъ отъ казацкихъ войскъ и отъ войска запорожскаго возложено было на высшее ихъ начальство ¹⁾). Изъ всѣхъ государственныхъ сословій только одно приходское духовенство и крѣпостное крестьянство лишены были права посылать отъ себя депутатовъ въ законодательную комиссію. Но устраненное отъ участія въ „комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія“, духовенство постаралось проникнуть въ послѣднюю окольными путями. Не имѣя возможности, по силѣ Высочайшаго манифеста, ни выбирать, ни посылать отъ своего сословія депутатовъ, духовенство совершенно произвольно примкнуло къ другимъ избирательнымъ группамъ, возлагая на депутатовъ послѣднихъ свои представительныя права и полномочія ²⁾). Кроме того, приходское духовенство постаралось примкнуть и къ синодскому депутату, какъ своему собственному, какъ носителю и выразителю его нуждъ и потребностей, хотя по смыслу Высочайшаго манифеста депутатъ отъ Св. Синода былъ представителемъ не духовенства, какъ сословія, а синода, какъ государственнаго учрежденія, наравнѣ съ представителями другихъ государственныхъ учреждений: сената, коллегій и проч. ³⁾). Такимъ образомъ, все русское общество имѣло своихъ представителей въ Екатерининской законодательной комиссіи, матеріалы которой, несомнѣнно, служатъ показателемъ общественнаго мнѣнія русскихъ людей второй половины XVIII в. Депутатамъ предоставлена была полная свобода говорить о нуждахъ и желаніяхъ уполномочившаго ихъ сословія или учрежденія. Они явились въ законодательную комиссію съ докладными записками или т. н. „наказами“, въ которыхъ по возможности изложены были всѣ *ria desideria* каждой сословной группы или учрежденія. И, дѣйствительно, нѣтъ, можно сказать, ни одного вопроса общественной и государственной жизни, который бы ни былъ под-

¹⁾ Манифестъ о созваніи комиссіи. П. С. З. т. XVII, № 12601 и Сборн. Императ. Русск. Историч. Общ. т. IV, стр. 2—3.

²⁾ См. нашу статью: „Екатерин. комиссія въ ея отношеніи къ духовенству, какъ сословію“, Вѣра и Разумъ 1903 г. № 8, стр. 473—474.

³⁾ Тамъ же, стр. 474—476. Депутатомъ отъ св. Синода избранъ былъ М. Дмитрій Сѣменовъ, а за смертью его, Гавріилъ Петровъ, Архіепископъ С.-Петербургскій.

нять въ комиссіи. По крайней мѣрѣ, это можно сказать о наказахъ депутатовъ комиссіи. Трудно предположить поэтому, чтобы вопроса о русскомъ расколѣ старообрядства не коснулись члены законодателей комиссіи. Въ послѣдней были представители и сословіи и учрежденій слишкомъ заинтересованныхъ въ тѣхъ или иныхъ постановленіяхъ о русскихъ раскольникахъ. Участвовалъ въ ней въ качествѣ депутата и представитель раскольничьихъ слободъ Кіевской губерніи, войсковой обыватель, Иванъ Шаповъ, имѣвшій полномочія отъ своихъ единовѣрцевъ (раскольниковъ) и также, конечно, заинтересованный въ постановленіяхъ о нихъ ¹⁾. Наконецъ, уже самая цѣль созванія Екатерининской комиссіи не позволяла депутатамъ обойти молчаніемъ вопроса о раскольникахъ. Комиссія созывалась „для сочиненія проекта Новаго Уложенія“; пересматривалось старое (прежнее) законодательство, пачиная съ „Уложенія Царя Алексѣя Михайловича“. Но извѣстно, что правители русской земли, съ легкой руки Царевны Софьи Алексѣевны, удѣляли очень много вниманія расколу старообрядства, особенно въ XVIII в., когда изданы были самыя подробныя узаконенія о раскольникахъ, въ большинствѣ карательныя и репрессивныя ²⁾. Да и самъ по себѣ расколъ былъ слишкомъ крупнымъ явленіемъ Екатерининскаго времени, чтобы можно было обойти его совершеннымъ молчаніемъ и не удѣлить ему извѣстной доли вниманія. Объ этомъ свидѣлствуютъ наказы самихъ депутатовъ законодательнаго собранія. Такъ, дворяне Керенскаго уѣзда писали: „оныхъ расколыщиковъ весьма умножилось“ ³⁾, а жители г. Вереи, съ сожалѣніемъ, констатировали: „церкви святыя,

¹⁾ Иванъ Шаповъ баллотировался въ духовно-гражданскую комиссію и получивъ избирательныхъ шаровъ 72 и неизбирательныхъ—204; см. Сб. П. Р. И. О. т. 32, стр. 78. Однѣй разъ выступалъ въ общемъ собраніи комиссіи по вопросу о торговомъ правѣ великорусскихъ купцовъ, предлагая запретить послѣднимъ вывозъ европейскихъ товаровъ чрезъ малороссійскія пограничныя таможи; см. т. 8, стр. 37. Къ сожалѣнію мы лишены были возможности видѣть наказъ Ивана Шапова.

²⁾ Невольно приходилось касаться этихъ узаконеній и такъ или иначе высказаться о нихъ.

³⁾ Сб. П. Р. И. О. т. 68, стр. 436. Подобное же указаніе на умноженіе раскола находится и въ наказѣ Верейскаго дворянства, см. т. 4, стр. 375.

въ г. Вереѣ состоящія, часъ отъ часу въ большую приходятъ бѣдность и недостатки, а со временемъ и въ запустѣніе притти могутъ отъ того, что неточію множественнымъ числомъ записавшіеся въ расколъ того города пожиточные купцы совсѣмъ отъ нихъ отступили, но и въ правовѣрїи оставшіеся многіе христіане, послѣдуя тѣхъ раскольниковъ ученіямъ и развратамъ, отъ всякаго христіанскаго благочестія отставать и отъ церквей божіихъ удаляться стали съ такимъ отвращеніемъ, что божественные храмы, единственно для народнаго собранія на молитву и славословіе божіе поставленные, въ здѣшнемъ мѣстѣ во время совершаемыхъ службъ часто бываютъ пусты¹⁾. Не безынтересно поэтому знать, хотя бы въ качествѣ простой исторической справки, какъ же отнеслась къ расколу екатерининская законодательная комиссія? Какія права предположено было ею дать раскольникамъ? Но, къ сожалѣнію, на поставленные вопросы приходится отвѣчать почти полнымъ незнакомствомъ, потому что въ матеріалахъ комиссіи нѣтъ указаній относительно проекта правъ раскольниковъ. Даже учрежденія и сословія, особенно заинтересованныя въ тѣхъ или иныхъ постановленіяхъ о раскольникахъ, какъ, напр., Св. Синодъ, духовенство и т. д., обошли эти вопросы полнымъ молчаніемъ. И только въ нѣкоторыхъ наказахъ отъ городскихъ жителей можно встрѣтить упоминаніе объ одномъ изъ частичныхъ правъ раскольниковъ. Разумѣемъ наказы отъ жителей г.г. Ярославля²⁾ и Зарайска³⁾, и Шуйскаго купечества⁴⁾. Известно, что раскольники со времени Петра Великаго лишены были права занимать какія-либо гражданскія и общественныя выборныя должности. Повидимому, православные должны быть довольны этимъ. Но на самомъ дѣлѣ было иначе. Судя по упомянутымъ наказамъ, православные обыватели городовъ тяготились тѣмъ, что имъ однимъ приходилось проходить гражданскія и общественныя выборныя должности, и завидовали „раскольщикамъ“, свободнымъ

1) Сб. И. Р. И. О. т. 93, стр. 252.

2) Сб. И. Р. И. О. т. 93, стр. 336—345.

3) Сб. И. Р. И. О. т. 93, стр. 441.

4) Сб. И. Р. И. О. т. 93, стр. 357—370.

отъ этихъ обязанностей. Неудивительно поэтому, что они просили законодательную комиссію—дозволить раскольникамъ попрежнему занимать и гражданскія и общественныя выборныя должности. Любопытна самая мотивировка этого ходатайства. „Всепоподаннѣйше просимъ“, писали жители г. Зарайска, „чтобъ оныхъ имѣющихся въ зарайскомъ купечествѣ записныхъ раскольниковъ повелѣно-бъ было съ прочими купцами наряду выбирать ко всѣмъ дѣламъ въ гражданскія службы, кромѣ членовъ въ магистратѣ, и опредѣлить безъ всякаго запрещенія, ибо, если они, раскольники, противъ означеннаго духовнаго регламента впредь отъ службъ останутся свободными, то *предъ прочими купцами имѣть будутъ не малое облегченіе, а прочіе зарайскіе купцы, за увольненіемъ ихъ отъ службы, имѣютъ понести великое отягощеніе*“¹⁾. Подобная же просьба находится и въ наказѣ Шуйскаго купечества, и также точно мотивируется;—только въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ описываются всѣ тѣ „крайнія тягости“, которыя приходится нести въ данномъ случаѣ „маломощному“ православному купечеству, „приходившему въ большой упадокъ и лишеніе совсѣмъ капитала своего“²⁾. Нѣсколько иначе взглянуло на дѣло ярославское православное купечество. Также подробно описавъ „крайнія тягости“ православныхъ торговцевъ и выгоды тѣхъ, „которые будучи теперь въ вредномъ расколѣ, облегчены и расторговавшись живутъ и нынѣ торгуютъ праздно“, ярославскіе купцы просили: „дабы повелѣно было, чтобъ прочіямъ правовѣрнымъ купцамъ въ торгахъ, которыя ихъ ослуживаютъ, *отъ тѣхъ раскольниковъ не было-бъ имъ помѣшательства, понеже никакой отъ нихъ, вредныхъ людей, прибыли въ городъ ко обществу не состоитъ, торговать имъ запретить*“³⁾.

Вотъ все, что можно найти о правахъ раскольниковъ въ Екатерининской законодательной комиссіи! Очевидно, очень не много. Къ сожалѣнію, о причинахъ такого невнимательнаго отношенія законодательнаго собранія къ раскольникамъ

1) Сб. И. Р. И. О. т. 93, стр. 441—442.

2) Сб. И. Р. И. О. т. 93, стр. 366.

3) Сб. И. Р. И. О. стр. 342—343.

мы ничего не знаемъ, за неимѣніемъ данныхъ; только можно дѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя и правдоподобныя предположенія. Почему учрежденія и сословія, особенно заинтересованныя въ тѣхъ или иныхъ правовыхъ постановленіяхъ о раскольникахъ, какъ, напр., Св. Синодъ, духовенство, и т. д., совершенно обошли молчаніемъ вопросъ о правахъ этой, немалочисленной группы русскаго общества? Можетъ быть, потому, что уже съ самаго начала царствованія Императрицы Екатерины II (1762—1796) довольно ясно опредѣлилось отношеніе правительства къ расколу старообрядства. Императрица Екатерина II, вскорѣ же по восшествіи своемъ на престолъ, издала нѣсколько гуманныхъ распоряженій по отношенію къ раскольникамъ. Распоряженія начались (1762 г.) призывомъ заграничныхъ раскольниковъ возвратиться на родину: кромѣ выбора удобныхъ мѣстъ для поселенія, возвращающимся предоставлялась льгота „отъ всякихъ податей и работъ“ на шесть лѣтъ, съ освобожденіемъ отъ указаннаго платя и бритья бородъ. Затѣмъ послѣдовали узаконенія касательно всего раскола. Сюда относится указъ 1764 г.—о правѣ раскольниковъ всѣхъ вообще не брить бороду и носить неуказное платье¹⁾ и т. д. Можетъ быть, поэтому учрежденіямъ и сословіямъ, заинтересованнымъ въ постановленіяхъ о раскольникахъ, казалось не совсѣмъ удобнымъ и тактичнымъ выступать съ своими проектами о правахъ послѣднихъ въ то время, когда правительство уже намѣтило программу дѣйствій въ отношеніи къ раскольникамъ и твердо и послѣдовательно проводило ее въ жизнь. Подобное предположеніе вполне допустимо, особенно, если учрежденія и сословія, заинтересованные въ правовыхъ постановленіяхъ о раскольникахъ, не сочувствовали гуманнымъ распоряженіямъ о нихъ правительства, запретившаго впослѣдствіи употреблять въ духовныхъ росписяхъ и другихъ вѣдомостяхъ, а также въ словесныхъ разговорахъ и самое слово „раскольникъ“.

¹⁾ Смирновъ П. С. Исторія русскаго раскола старообрядства стр. 197—198. Мы привели только тѣ изъ распоряженій Императрицы Екатерины II о раскольникахъ, которые (распоряженія) изданы были до созванія „Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія“.

II.

Болѣе матеріала Екатерининская коммиссія даетъ *по вопросу о борьбѣ съ расколомъ*. По вопросу о томъ, чѣмъ и какъ бороться съ расколомъ, общественное мнѣніе русскихъ людей второй половины XVIII в. было неодинаково. Одни высказывались за мѣры принудительныя; другіе,—за мѣры т. н. духовнаго характера; нѣкоторыми рекомендовались и тѣ и другіе приемы въ борьбѣ съ расколомъ. Отъ разныхъ учреждений, сословій и лицъ различныхъ губерній и городовъ исходили различныя предложенія, такъ что нельзя сказать, чтобы такое или иное сословіе или учрежденіе высказалось исключительно за тѣ или нныя мѣры въ борьбѣ съ расколомъ. Но одно можно положительно утверждать, что болѣе преобладало направленіе—гуманное и миролюбивое: большинство русскихъ людей второй половины XVIII в. *высказывалось преимущественно за мѣры т. н. духовнаго характера въ борьбѣ съ расколомъ*. Во главѣ учреждений и сословій, рекомендовавшихъ Екатерининской коммиссіи нѣсколько принудительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ расколомъ, нужно поставить Синодъ и духовенство. Последніе твердо и рѣшительно заявивъ, что переходъ и совращеніе въ расколъ не должны быть допустимы ¹⁾, предложили нѣсколько мѣръ, правда уже не новыхъ и въ теченіе цѣлаго полустолѣтія уже испытанныхъ, но неудачныхъ и не достигшихъ своей цѣли. Это—во 1-хъ „чтобы отъ раскольниковъ рождающіяся дѣти крещены бѣ были православными священниками, и представлять оныхъ отъ седми лѣтъ къ церкви“ ²⁾, и во 2-хъ, раскольниковъ на православныхъ не вѣнчать, пока они не обратятся въ правосѣріе, ни подъ какимъ видомъ“ ³⁾. Первая мѣра, предложенная наказомъ Св. Синода и въ пунктахъ Преосвященнаго Гавріила, не достигала своей цѣли. Объ этомъ есть свидѣтельство и въ самыхъ матеріалахъ законодательной коммиссіи. Вотъ что писало Углицкое бѣлое духовенство въ наказѣ отъ г. Углича: „хотя прежними узаконеніями записнымъ раскольникамъ дѣтей, отъ нихъ рождаю-

1) Сб. И. Р. И. О. т. 43, стр. 52 и 420; т. 93, стр. 543.

2) Сб. И. Р. И. О. т. 43, стр. 52 и 420—пункт. 33 преосв. Гавріила.

3) Сб. И. Р. И. О. стр. 420 и п. 34 Гавріила, и т. 93, стр. 543.

щихся, записывать въ расколъ накрѣпко подѣ жесточайшимъ штрафомъ запрещено и повелѣно въ седмилѣтіе представлять къ духовникамъ для исповѣди и Святыхъ Таинъ причастія, но нынѣ многіе раскольники дѣтей своихъ въ расколъ записали неточію седмилѣтнихъ и ниже, но еще въ самомъ младенчествѣ, то есть году, полугоду и менѣе, кои еще никакого о вѣрѣ понятія и ни малѣйшаго разумѣнія о себѣ не имѣютъ, и потому каковая ихъ къ запискѣ въ расколъ воля и согласіе могутъ быть? 1) Такимъ образомъ, дѣти, крещенныя въ Православной церкви, чрезъ записъ въ двойной окладъ дѣлались оффициально раскольниками, и, слѣдовательно, самый расколъ увеличивался. Въ виду этого „дабы раскольники не могли дѣтей своихъ отводить (отъ Православной Церкви) и въ свою ересь нуждою приводить“, Углицкое духовенство просило комиссію, — „учинить благоразсмотрительное въ силу святыхъ правилъ узаконеніе“ 2). Преосвященный же Сильвестръ, епископъ Переяславскій, на томъ же основаніи, прямо высказывается противъ дозволенія записываться въ двойной окладъ, тѣмъ болѣе, что это дозволеніе давало раскольникамъ возможность „толковать“, „что ученіе ихъ не заблудительно“, и „якобы свобода нынѣ дается и правовѣрнымъ раскольникамъ быть каждаго по желанію“ 3).

Св. Синодомъ и духовенствомъ предложены были также мѣры и противъ пропаганды раскола. Извѣстно, что расколъ, съ самаго начала своего существованія, проявилъ оживленную литературную дѣятельность, продолжающуюся и донинѣ. Во мпожествѣ составлялись тетради, исполненныя нерѣдко всевозможными ругательствами и хулами на Православную Церковь; переписывались и раздавались не только между старообрядцами, но и православными. Нечего и говорить, конечно, что онѣ не могли не производить извѣстнаго дѣйствія; не могли не содѣйствовать распространенію раскола. Борцы съ послѣднимъ понимали это и принимали свои мѣры предосторожности. Но какія? Предложено было: „таковыя вымышленныя пись-

1) Сб. И. Р. И. О. т. 93, стр. 543—544, п. 6.

2) Тамъ-же.

3) Тамъ-же, т. 43, стр. 426, п. 11.

менныя тетрадки *совѣсть истребить* и, у кого оныя окажутся, *таковыя штрафовать*"¹⁾. Мѣра, несомнѣнно, и неосуществимая отчасти и вообще не достигающая своей цѣли.

Болѣе суровые приемы въ борьбѣ съ расколомъ предложены были дворянами Коломенскаго уѣзда. Нужно впрочемъ замѣтить, что дворянами въ давномъ случаѣ руководило не желаніе уничтожить или ослабить расколъ, какъ явленіе въ высшей степени печальное и вредное для Православной Церкви, но свои собственные выгоды и соображенія,—расколъ и дворянамъ, оказывается, причинялъ нѣкоторый матеріальный вредъ, а этого, конечно, было вполне достаточно, чтобы высказаться противъ раскольниковъ и просить о ихъ „истребленіи“. Дѣло въ томъ, что, „когда было велѣно раскольниковъ писать въ двойной окладъ, то таковыя, по словамъ дворянъ Коломенскаго уѣзда, не точію отъ расколовъ сами не возвращаются, но и къ тѣмъ своимъ расколамъ и вновь еще многихъ крестьянъ приводятъ, почему таковыя раскольники оказываются и въ дворянскихъ крестьянахъ“. Записавшись въ двойной окладъ, дворянскіе крестьяне—раскольники не въ состояніи были платить ни двойного оклада, ни „положенныхъ обыкновенныхъ подушныхъ денегъ“; „также и помѣщичьихъ работъ, за своими недостатками, отправлять не могли“. Въ результатѣ — „не малые побѣги“ крестьянъ, „которыхъ въ томъ побѣгѣ держатъ и укрываютъ въ своихъ домахъ вышписанные раскольники же“. „Дворяне чрезъ тѣ побѣги приходятъ въ крайнее развореніе, ибо за тѣхъ бѣглыхъ подушныхъ и всякихъ казенныхъ ноборовъ оставшіе крестьяне платить, по неимуществу своему, не могутъ, и чрезъ то происходитъ не малая доимка“²⁾. „Того ради низайше просимъ“, писали въ заключеніе коломенскіе дворяне „чтобъ повелѣно было *запретить* онимъ раскольникамъ, дабы впредь таковыхъ соблазновъ не чинили и въ свои расколы людей не превращали, то же бѣглымъ укрывательства въ домахъ своихъ не имѣли; а сжали они впредь людей въ свои расколы прев-

1) Сб. И. Р. И. О. т. 43, стр. 46. Наказъ Сянола, п. 4. Въ этомъ дѣлѣ полиція охотно обѣщала свое содѣйствіе, см. Наказъ полиціи, стр. 302, п. 38.

2) Сб. И. Р. И. О. т. IV, стр. 336, п. 13.

ращать будутъ, тоже и бѣглымъ укрывательства чинить станутъ, то таковыхъ, за вышеписанное повелѣно бѣ было, *по учиненіи указаннаго наказанія на торгу*, чтобы смотря на то другимъ того чинить не повадно было, *ссылать на поселеніе*¹⁾. На „не малые побѣги“ крестьянъ—раскольниковъ и „владѣльцамъ всеконечное раззореніе и утѣсненіе селеній“ жаловались и дворяне Верейскаго уѣзда. Пунктъ о раскольникахъ въ наказѣ верейскихъ дворянъ очень обширный; въ немъ подробно и въ вѣкоторыхъ мѣстахъ, пожалуй, даже картинно описывается весь вредъ, который приносится расколомъ Церкви и государству, и въ заключеніе просьба къ комиссіи: „*истребить вовсе оныхъ богопротивныхъ, святою церковью нетерпимыхъ и обществу зломыслящихъ раскольниковъ*“²⁾. Но какъ „истребить“, верейскіе дворяне не указываютъ; они только „всеподданнѣйше просятъ Ея Императорскаго Величества, не соизволить-ли указать, по изобрѣтенію средствъ“³⁾. Кстати замѣтимъ здѣсь, что только одни дворяне Верейскаго уѣзда осмѣлились высказаться противъ извѣстнаго, уже упомянутаго нами, распоряженія Императрицы Екатерины II, по которому заграничнымъ раскольникамъ, возвратившимся въ Россію, кромѣ выбора удобныхъ мѣстъ для поселенія, предоставлялась льгота „отъ всякихъ податей и работъ“ на шесть лѣтъ. Основаніемъ для возраженія послужили тѣ злоупотребленія, которыя раскольники позволяли себѣ при пользованіи льготнымъ для нихъ правительственнымъ распоряженіемъ. По свидѣтельству верейскаго наказа, многіе изъ раскольниковъ, возвратившись изъ-за границы въ Россію, только „до шестилѣтняго времени“ жили на поселеніи „во льготѣ, не хотя платить государственныхъ податей и производить работъ“, а потомъ снова „по привычкѣ своей обратно уходили за границу же“; оттуда паки возвращаясь, являются не къ тѣмъ, отъ которыхъ прежде на поселеніе отсылаются, и только что продолжаютъ такіе побѣги, препровождая время безъ всякаго платежа государственныхъ податей и работъ, по привычкѣ ихъ къ праздно-

1) Тамъ же. Сравни. наказъ дворянъ Керенскаго уѣзда, т. 68, стр. 436.

2) Сб. И. Р. И. О. т. IV, стр. 377, п. 11.

3) Тамъ же.

сти“¹⁾. Другіе же многіе изъ раскольниковъ, по свидѣтельству тѣхъ же дворянъ, „никогда не имѣя жительства за границею, а жили, дѣйствительно, въ Россіи“, нерѣдко показывали, что они „якобы выходцы оттуда“, и потому, уходя на поселеніе, освобождались отъ государственныхъ податей и работъ на шесть лѣтъ, „отъ чего никакого государственнаго плода и обществу пользы, кромѣ умноженія раскола и прельщенія въ ихъ ереси людей и препровожденія въ побѣгъ, быть не имѣеть, и за отпаденія отъ церкви и за отмѣнность христіанскаго закона, могутъ подвигнуть гнѣвъ Божій“²⁾.

III.

Предложенія мѣръ т. н. духовнаго характера въ борьбѣ съ расколомъ исходили отъ всѣхъ сословіи русскаго государства. Это мѣры уже не новыя, испытанныя въ теченіе почти цѣлаго столѣтія и доказавшія полную свою пригодность и цѣлесообразность въ борьбѣ съ расколомъ. Не даромъ же и въ настоящее время онѣ составляютъ одну изъ главныхъ сторонъ миссіонерской дѣятельности ревнителей православія и съ полнымъ успѣхомъ примѣняются на дѣлѣ.

Исторія раскола свидѣтельствуешь, что расколъ старообрядства упорно держался и усиливался, между прочимъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было мало православныхъ Церквей, гдѣ приходы были рѣдки и разбросаны на десятки—сотни верстъ въ окружности. Православные борцы съ расколомъ понимали гибельность подобнаго печальнаго явленія въ русской церковной жизни и по возможности старались парализовать его пагубныя послѣдствія. Православная миссія съ самаго начала своего существованія заботилась объ увеличеніи количества приходовъ и постройкѣ новыхъ храмовъ. То же рекомендовалось и Екатерининской комиссіи. По мнѣнію Преосвященнаго Гавриила, Архіепископа С.-Петербургскаго, необходимо „въ селѣхъ, гдѣ церквей нѣтъ, построить оныя, чтобъ не далѣе были, какъ въ десяти верстахъ одна отъ другой“³⁾.

1) Сб. И. Р. И. О. т. IV, стр. 376, и. 11.

2) Тамъ же.

3) Сб. И. Р. И. О. т. 43, стр. 418, и. 8.

Но сами по себѣ однѣ церкви были, конечно, недостаточны и безсильны въ борьбѣ съ прочно укоренившимся зломъ. Нужны надежные приходскіе пастыри. Сознаніе, что дѣло миссіи только тогда пойдетъ успѣшно, когда будутъ хорошіе приходскіе священники,—первые и самые главные миссіонеры въ приходѣ, было присуще всеѣмъ сословіямъ русскаго общества второй половины XVIII в. Приходскіе священники должны быть „добросостоятельные“¹⁾ и „способные поученіями просвѣщать простой народъ и своимъ образомъ житія примѣръ подавать поучаемому народу въ вѣрѣ спасительной“²⁾. По вопросу о приходскихъ священникахъ особенно подробно писали въ своихъ наказахъ дворяне Псковскаго и Керенскаго уѣздовъ. По мнѣнію ихъ, приходскіе священники должны быть не только „добросостоятельные“, но прежде всего—просвѣщенные и образованные, способные научать другихъ. „Духовенство нашего православнаго закона въ высочайшемъ градусѣ знанія“, читаемъ мы въ наказѣ дворянъ Псковскаго уѣзда, „но токмо оныхъ весьма малое число имѣется, а прочіе и наипаче кои въ обществѣ не просвѣщенныхъ, незнающѣе тѣхъ, коихъ научать долгъ имѣютъ, слѣдовательно, можетъ-ли незнающій научить незнающаго,—вѣтъ; а можетъ въ несправедливое увѣреніе довести“³⁾. „Какъ же непросвѣщенные простолюдины“, продолжали дворяне, „и незнающіе ни о чемъ могутъ познать о справедливости и о спасеніи души своей, если цѣлый вѣкъ свой живъ, не слышатъ о полезномъ и неполезномъ, и не имѣютъ отъ кого слышать?“⁴⁾ И въ заключеніе—всеподданнѣйшая просьба „повелѣть въ уѣздные священники опредѣлять изъ ученыхъ и выпускаемыхъ по достоинству изъ семинаріи“⁵⁾. Даже „въ дьячки и пономари при уѣздныхъ церквахъ“, по мнѣнію дворянъ, необходимо назначать, „по крайности тѣхъ, кои лучше грамотѣ умѣютъ“; да не худо бы „опредѣлить имъ имѣть школы словесныя и учить на основаніи, какъ въ прочихъ государ-

1) Тамъ же.

2) Сб. П. Р. Н. О. т. 43, стр. 438. Пункт. Кіевск. духовенства.

3) Сб. П. Р. Н. О. т. 14, стр. 396, п. 16.

4) Тамъ же. Сравни. т. 8. стр. 556 наказъ дворянъ Крапивнянскаго уѣзда.

5) Тамъ же.

ствахъ“¹⁾). Еще болѣе подробно и обстоятельно развивали ту же мысль дворяне Керенскаго уѣзда. Вотъ что они писали въ 1-мъ пунктѣ своего наказа: „чтобъ православная вѣра греческаго исповѣданія въ своей силѣ была по законамъ, и чтобъ священники посвящаемы были благоговѣйнаго житія и добраго состоянія и ученья, да и простой народъ могли обучать и до раскольниковъ не допускали, но всячески старались отъ того отвращать, ибо оныхъ раскольниковъ весьма умножилось, и все то происходитъ отъ неискусныхъ и нерадивыхъ священниковъ, а наконецъ опасно того, чтобъ и вся подлость въ ту ересь прельщена не была, ибо оныя настоящаго въ законъ поученія со исполненіемъ отъ приходскихъ священниковъ никогда не слышатъ, а той ереси раскольники, яко ханжи таскаясь по селамъ и деревнямъ, всячески прельщаютъ и склоняютъ простой народъ къ раскольнической ереси“²⁾).

„Добросостоятельнымъ“ и образованнымъ приходскимъ священникамъ рекомендовались различныя средства для борьбы съ расколомъ. Находясь подъ общимъ наблюденіемъ и руководствомъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ³⁾, священники должны были прежде всего дѣйствовать на раскольниковъ путемъ „увѣщанія“⁴⁾; иногда же путемъ „исправленія безъ всякаго послабленія“⁵⁾. Въ видахъ же предохраненія православныхъ отъ зараженія расколомъ, священникамъ предлагалось озаботиться просвѣщеніемъ простого народа, для чего они должны были „въ воскресные и праздничные дни послѣ литургіи обучать“ прихожанъ „господней молитвы, символа вѣры и десяти господнимъ заповѣдямъ“⁶⁾. Но особенно ревностно нужно духовенству заботиться о просвѣщеніи простого и темнаго люда *путемъ школьнымъ*. На школу, какъ одно изъ главныхъ и самыхъ вѣрныхъ средствъ въ дѣлѣ ослабленія раскола, неоднократно указывается въ Екатерининской законодательной

1) Сб. И. Р. И. О. т. 14, стр. 397.

2) Сб. И. Р. И. О. т. 68, стр. 436—437.

3) Сб. И. Р. И. О. т. 43, стр. 52.

4) Сб. И. Р. И. О. т. 43, стр. 51.

5) Тамъ же.

6) Тамъ же, и стр. 52.

коммисіи. Такъ, Преосвященный Гавріиль предлагалъ „привсякой градекой и сельской церкви для маленькихъ приходскихъ ребятъ, кои еще работать не могутъ, завести школы и священникамъ и діаконамъ обучать ихъ катихизиса и грамоты, по мѣрѣ понятія ихъ, въ удобное время“¹⁾. По мнѣнію же Аѳанасія, епископа Ростовскаго и Ярославскаго, „въ каждомъ приходѣ каждый крестьянинъ, имѣющій малолѣтняго сына, пришедшаго въ семилѣтвій возрастъ, непременно долженъ отдать приходскому своему священнику, діакону или причетнику, кому кто пожелаетъ, а оныя должны тѣхъ крестьянскихъ дѣтей обучать со всевозможнымъ раченіемъ“²⁾. Особенно же ратовало за школьное просвѣщеніе народа дворянское сословіе. Отъ школъ „немалый плодъ отечеству приносится“, писали сумскіе дворяне, „а невѣжды и развращенныя нравы, суевѣріе, расколы и прочее тому подобное, совсѣмъ къ сожитію благонаправнаго народа не потребное, *истребляетца*“³⁾. И въ заключеніе еще рѣшительнѣе заявляли: „какая жъ отъ наукъ можетъ въ просвѣщеніи разума послѣдовать польза, всему свѣту извѣстно“⁴⁾. Школы должны быть при церквахъ, церковно-приходскія. „За нужное находимъ учредить при церквахъ школы“, говорится въ наказѣ дворянства С.-Петербургскаго уѣзда, „въ которыхъ крестьянскія дѣти отъ семи до двѣнадцати лѣтъ, въ зимнее время, для обученія грамотѣ и первыхъ основаній закона, за умеренную плату, ходить могутъ“⁵⁾. То же самое предлагали дворяне Ямбургскаго уѣзда⁶⁾. Кромѣ школъ при церквахъ, дворянами рекомендовалось учрежденіе и вообще городскихъ училищъ⁷⁾.

Но одивъ въ полѣ не воинъ. Приходскимъ пастырямъ въ трудномъ дѣлѣ борьбы съ расколомъ должны содѣйствовать и сами православныя міряне. Извѣстно, что раскольники сильно нападаютъ на православныхъ за нѣкоторые недостатки,

1) Сб. И. Р. И. О. т. 43, стр. 418, п. 14.

2) Сб. И. Р. И. О. т. 43, стр. 422, п. 2.

3) Сб. И. Р. И. О. т. 68, стр. 276, гл. III.

4) Тамъ-же стр. 277.

5) Тамъ-же, т. 14, стр. 244, п. 6.

6) Тамъ-же, т. 14, стр. 249, п. 6.

7) Сб. И. Р. И. О. т. 68, стр. 276.

допускаемые ими въ религіозной и православной жизни. Эти недостатки они считаютъ, между прочимъ, даже одною изъ главныхъ причинъ своего отдѣленія отъ Православной Церкви. Имѣя въ виду это обстоятельство, духовенство и просило Ека- терининскую комиссію выработать какія-либо мѣры къ искорененію нѣкоторыхъ, соблазнительныхъ для раскольниковъ, недостатковъ у православныхъ. Прежде всего предложено было „наблюдать, чтобы богохуленія и ни какихъ во время бы- ваемаго церковнаго славословія непристойностей и въ цер- квахъ между собою разговоровъ отнюдь не происходило, о чемъ во всемъ и свѣтскимъ командирамъ во всѣхъ командахъ вспомо- гать“ ¹⁾. Много соблазна происходило также и отъ того печальнаго явленія русской жизни, что „въ Москвѣ и про- чихъ россійскихъ городахъ и мѣстахъ въ праздничные, вос- кресные и другіе торжественные дни, вмѣсто подлежащаго христіанамъ благоговѣйства, а особливо во время церковнаго служенія и крестнохожденія, происходитъ въ народѣ пьянство, и отъ того ссоры, драки и другія непотребства“ ²⁾, „что бла- гочестію христіанскому зѣло противно, а отъ инославныхъ наносится чрезъ то нарѣканіе и укоризна“ ³⁾. Для искорене- нія этого зла духовенство просило комиссію, чтобы „пове- дѣно бѣ было во всѣхъ мѣстахъ въ воскресные и праздни- чные дни до окончанія литургіи и крестнаго хожденія питей- ныхъ домовъ не отворять“ ⁴⁾; да и самыя питейныя дома не дозволяютъ строить близъ церквей ⁵⁾. Также не мало соблазна происходило и отъ „явно народнаго разоренія святыхъ по- стовъ, извиняемаго всегда и въ крѣпкомъ тѣла составѣ немо- щію“ ⁶⁾. Не удивительно поѣтому, что духовенство просило комиссію—„узаконить вновь о пресѣченіи такой вольности“ ⁷⁾. Не соблюдать посты разрѣшалось только „подлинно слабоспль-

¹⁾ Сб. И. Р. И. О. т. 43, стр. 52, п. 5.

²⁾ Сб. И. Р. И. О. стр. 53, п. 10. То же въ пунктахъ преосвященнаго Ава- насія, стр. 423, п. 5.

³⁾ Сб. И. Р. И. О. стр. 423.

⁴⁾ Сб. И. Р. И. О. стр. 53 и 423.

⁵⁾ Сб. И. Р. И. О. т. 43, стр. 53 и 423.

⁶⁾ Сб. И. Р. И. О. стр. 425, пункты Преосвященнаго Сильвестра, п. 5.

⁷⁾ Тамъ-же.

нымъ“, но не иначе, какъ „съ дозволенія духовныхъ и искусныхъ пастырей“, и „при всемъ томъ въ уединеніи и безъ соблазна“ ¹⁾).

Вотъ тѣ мѣры для борьбы съ расколомъ, за которыя высказалось общественное мнѣніе русскихъ людей второй половины XVIII в. Нужно замѣтить, что обсуждать ихъ въ Екатерининской законодательной комиссіи не пришлось: комиссія не окончила своихъ занятій, ибо, по случаю объявленія турецкой войны, была распущена.

Викторъ Крыловъ.

---

¹⁾ Тамъ-же, стр. 425—426.

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ МНѢНІИ.

Было бы весьма благодарной темой изслѣдовать, въ какой степени развитіе цивилизаціи въ послѣднее столѣтіе повліяло на психическую жизнь современнаго человѣчества. Кажется, что, вслѣдствіе сообщеній со всѣхъ пунктовъ земного шара о самыхъ разнообразныхъ событіяхъ, живость впечатлѣній, наблюдательность и самостоятельность въ сужденіяхъ ослабѣваютъ въ современномъ обществѣ, а вслѣдствіе получаемыхъ отовсюду извѣстій о происшествіяхъ, несчастіяхъ и преступленіяхъ, сочувствіе къ человѣческимъ страданіямъ уменьшается и равнодушіе къ общему благу возрастаетъ. Этому способствуютъ и другія общественныя условія, какъ-то: преобладаніе матеріальныхъ интересовъ, молниеносная быстрота, съ которой телеграфъ разноситъ по всему свѣту всякаго рода новости, легкость передвиженія, вызванная необыкновеннымъ развитіемъ морскихъ и сухопутныхъ средствъ сообщенія и т. под. Событія, которыя 100 лѣтъ тому назадъ занимали вниманіе современниковъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, въ настоящее время возбуждаютъ лишь мимолетный интересъ. Сто лѣтъ тому назадъ еще могла быть рѣчь „объ общественномъ чувствѣ“, „объ общественной совѣсти“. Въ настоящее же время существуетъ только общественное мнѣніе, а совѣсть остается достояніемъ отдѣльныхъ лицъ и лишь самыхъ незначительныхъ кружковъ общества. Тогда выраженіе: „это дѣло совѣсти“ означало такое священное и обязательное дѣло, уклоненіе отъ котораго крайне унижало человѣка, его достоинство и значеніе въ глазахъ общества. Нынѣ же, когда говорятъ: „это

дѣло совѣсти“, то этимъ хотятъ сказать, что это дѣло частное, личное, для общества не имѣющее значенія, что по немъ не слѣдуетъ судить о человѣкѣ и его достоинствахъ. Вотъ тому нѣсколько доказательствъ.

Молодой человѣкъ вступаетъ первый разъ въ общество. Его изящныя манеры, остроуміе, вѣжливость и предупредительность, его артистическіе таланты, которые онъ выказываетъ въ музыкѣ и танцахъ,—все это вызываетъ восторженныя похвалы общества: его называютъ прекраснымъ, умнымъ молодымъ человѣкомъ. Но вотъ солидный мужчина замѣчаетъ, что этотъ блестящій юноша имѣетъ слабости, наклонности и привязанности, которыя портятъ чистоту его сердца. „Это дѣло совѣсти“—отвѣчаютъ ему—„все же онъ прекрасный и достойный молодой человѣкъ“.

Молодой человѣкъ занимаетъ должностное мѣсто и успѣваетъ по службѣ: онъ пользуется уваженіемъ своихъ сослуживцевъ за дѣятельность, провицательный умъ и знаніе дѣлопроизводства. Товарищи въ своемъ кружкѣ описываютъ его достоинства и выставляютъ его въ примѣръ неопытной молодости. „Однако же“, замѣчаетъ одинъ старецъ, „слышно, что онъ нечистъ на руку, что онъ не пренебрегаетъ незаконными средствами обогащенія“. „Это ничего“,—отвѣчаютъ ему,—„это дѣло его совѣсти; главное въ томъ, что онъ умный и дѣловой человѣкъ“.

Молодой человѣкъ щипетъ руки любимой имъ дѣвицы. Онъ успѣлъ зарекомендовать себя предъ любимой особой своимъ умомъ, общественнымъ положеніемъ, связями и богатствомъ. Молодые члены семейства уже порѣшили, что онъ будетъ прекрасный мужъ, т. е., доставить своей будущей женѣ всѣ удовольствія свѣтской жизни. Только одна старушка въ семействѣ беспокоится, что этотъ юноша не религіозенъ, что онъ не посѣщаетъ Божія храма и не уважаетъ обрядовъ и учрежденій православной Церкви. „Помилуйте“—говорятъ старушкѣ молодые члены семейства—„этимъ нечего беспокоиться: это дѣло его совѣсти, и это не мѣшаетъ ему быть хорошимъ мужемъ и доставлять своей женѣ удовольствія хорошаго общества“.

Въ этихъ трехъ случаяхъ, которые, надѣмся, взяты изъ дѣйствительности, дѣло совѣсти разсматривается, какъ нѣчто постороннее для чести и достоинства человѣка, какъ нѣчто, не имѣющее вѣса предъ судомъ общества. Между тѣмъ въ этихъ трехъ случаяхъ, какъ видно само—собою, и нарушены обязанности человѣка къ себѣ, къ ближнему и къ Богу. И такъ нарушение главныхъ обязанностей считается дѣломъ, нисколько не роняющимъ чести и заслугъ человѣка.

Таковъ судъ общественнаго мнѣнія, которое нынѣ приобрѣтаетъ великую силу и вліяніе на умы. Что скажутъ въ свѣтѣ? Какъ станутъ смотрѣть на меня другіе? Вотъ роковые вопросы, которые задаютъ себѣ весьма многіе, когда долгъ и совѣсть борются въ нихъ съ мнѣніями и приличіями міра. Всѣ такъ думаютъ; таково общественное мнѣніе—вотъ основаніе для мысли и жизни едва ли не у большинства людей нашего времени. Хотя въ нашемъ обществѣ, какъ всѣ говорятъ, общественное мнѣніе еще не сложилось и отношенія къ нему частныхъ лицъ еще не опредѣлились, но мало видно крѣпкой борьбы частныхъ людей съ ошибочными приговорами этого мнѣнія. Напротивъ, оно влачитъ за собою массу людей, не имѣющихъ собственныхъ убѣжденій и не разсуждающихъ о томъ, куда они идутъ и куда придутъ, только бы ихъ какъ-нибудь не записали въ разрядъ такъ называемыхъ отсталыхъ.

Но слѣпо слѣдовать чужому мнѣнію, хотя бы и общественному, не согласно съ достоинствомъ человѣка, и свойственно лишь людямъ необразованнымъ или малообразованнымъ, которые сознаютъ невозможность выработки самостоятельнаго взгляда по тѣмъ или другимъ вопросамъ, и, во избѣжаніе упрековъ въ непостоянствѣ, охотно прикрываются господствующими въ окружающей ихъ средѣ мнѣніями. Кромѣ того, отъ направленія нашихъ мыслей, откуда бы мы ихъ ни заимствовали, и отъ качества нашихъ дѣлъ, чѣмъ бы они ни опредѣлялись, зависитъ наша судьба, за которую самимъ себѣ и Господу Богу мы одни отвѣчаемъ; общественное мнѣніе, которому многіе раболѣпствуютъ всю жизнь, не освободитъ насъ, конечно, отъ этой отвѣтственности, тѣмъ болѣе, что мы увлекаемся имъ на свой собственный страхъ и

за свой собственный счетъ. Поэтому намъ нужно, на основаніи слова Божія, разъяснить для себя, что такое общественное мнѣніе, каковы его плоды и какъ мы должны къ нему относиться.

Что такое общественное мнѣніе? Конечно, оно не есть мнѣніе цѣлаго человечества; не можетъ быть мнѣніемъ и цѣлаго народа, такъ какъ нельзя согласить цѣлый народъ, или каждаго въ немъ человѣка имѣть одно и то же понятіе о каждомъ предметѣ: разномысліе есть неисправимый недостатокъ человечества. Итакъ, общественное мнѣніе, по самому точному опредѣленію, есть сужденіе большинства въ извѣстномъ кругѣ людей, выраженіе господствующихъ въ немъ взглядовъ, правиль и вкусовъ.

По значенію своему общественное мнѣніе напоминаетъ хоръ въ античной трагедіи. Его значеніе въ сферѣ общественной жизни можетъ быть сравнено съ значеніемъ приговора присяжныхъ въ области уголовного суда. Общественное мнѣніе можетъ достигать подавляющаго вліянія на умы. Въ распоряженіи его имѣется цѣлый арсеналъ различныхъ оружій, посредствомъ которыхъ оно можетъ подчинять себѣ отдѣльныхъ лицъ, но главныя его оружія—это восхваленіе солидарныхъ съ нимъ и осмѣяніе тѣхъ, которые расходятся съ его требованіями. Страхъ предъ этими оружіями бываетъ обыкновенно такъ великъ, что весьма многіе единственно на основаніи правильно или ложно составленнаго убѣжденія въ томъ, что общественное мнѣніе произнесло свой приговоръ по тому или иному вопросу, подчиняются безъ всякаго ропота такому вердикту. Равнодушныя натуры не входятъ даже въ дальнѣйшую оцѣнку подобныхъ сужденій и повторяютъ выставляемые общественнымъ мнѣніемъ положенія съ такою же покорностью, съ какою повторяются слова судебной присяги. Слабохарактерные люди, своимъ умомъ дошедшіе до самостоятельнаго воззрѣнія, спѣшатъ признать его ошибочнымъ, какъ только общественное мнѣніе высказалось въ смыслѣ противоположномъ. Люди осторожныя предпочитаютъ хранить про себя взгляды, несогласныя съ общественнымъ мнѣніемъ, или выжидаютъ для безпрепятственнаго ихъ выраженія болѣе благо-

пріятнаго времени. Когда общественное мнѣніе достигаетъ высшей степени своего могущества, то лишь немногіе, исключительно смѣлыя и сильныя натуры, рѣшаются вступить съ нимъ въ борьбу, во имя своихъ личныхъ убѣжденій. Наоборотъ, въ эпохи поворотовъ въ направленіи общественнаго мнѣнія и возникновенія новыхъ вѣяній, громко раздаются воинственные голоса различныхъ рыцарей словесной и газетной борьбы, объявляющихъ войну общественному мнѣнію, предъ которымъ они еще такъ недавно преклонялись. Такова сила и власть общественнаго мнѣнія.

Если бы міръ стремился къ истинѣ, добру и справедливости, то для насъ было бы весьма полезно подчиняться водителству общественнаго мнѣнія: оно могло бы открыть намъ прямой путь къ царству Божію. Но среди христіанства есть міръ, который самъ далекъ отъ духа Христова и удаляетъ отъ него другихъ, образуя среди христіанъ мірское христіанство, сыновъ вѣры превращая въ сыновъ міра. Однако, общественное мнѣніе и при этомъ условіи имѣетъ право на признаніе уже въ виду того, что истина, добро и справедливость даже инстинктивнымъ образомъ дѣйствуютъ въ сознаніи человѣческомъ. Кромѣ того, бывають случаи, когда общественное мнѣніе является выраженіемъ общественной совѣсти, съ которой однако отнюдь нельзя смѣшивать его, такъ какъ оно часто можетъ быть и безъ совѣсти. Таково именно было общественное мнѣніе, жертвою котораго сдѣлался Богочеловѣкъ, распятый на крестѣ по гласу всего народа. Но въ общемъ общественное мнѣніе страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что истина и ложь, правда и неправда, добро и зло являются здѣсь по большей части въ нечистомъ смѣненіи и лучшіе элементы господствуютъ по преимуществу только случайно. Отсюда не лишено основанія замѣчаніе, что общественное мнѣніе въ одно и то же время можно уважать и презирать, и что каждый, кто хочетъ сдѣлать что либо въ пользу истины, добра и правды, долженъ ставить себя въ двоякое къ нему отношеніе. По воззрѣнію Гоголя, оно достойно уваженія по своей внутренней сущности и презрѣнія—по формѣ своего конкретнаго проявленія. И дѣйствительно, когда совѣсть народа находится въ

дремлющемъ состояніи, общественное мнѣніе въ большинствѣ случаевъ не заслуживаетъ иного къ себѣ отношенія, какъ презрѣнія, такъ какъ оно вводитъ въ общество массу соблазновъ, располагая своихъ адептовъ къ мірскому образу мыслей, къ заносчивымъ суетнымъ иллюзіямъ. Но, съ другой стороны, гдѣ общественная совѣсть бодрѣе и живѣе, тамъ общественное мнѣніе, получая внушенія отъ совѣсти, согласныя съ высшими религіозно-нравственными началами, несомнѣнно, приноситъ великую пользу обществу и заслуживаетъ поэтому полного уваженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ цивилизованныхъ государствахъ общественное мнѣніе такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, приноситъ пользу общественной нравственности. Такъ, вся Европа, ведя борьбу противъ жестокаго обращенія съ животными, видитъ въ боѣ быковъ проявленіе грубыхъ животныхъ инстинктовъ, чѣмъ такъ услаждаются испанцы, а Англія вооружается даже противъ практикующей въ наукѣ такъ называемой вивисекціи. Такъ, не говоря уже объ уничтоженіи торговли неграми, во многихъ образованныхъ государствахъ общественное мнѣніе враждебно относится къ дуэли, къ порпографическимъ картинамъ, въ родѣ картинъ „Наны“ Сухоровскаго и „Минуты нѣги“ Ростовскаго, которыя прямо рассчитаны на любострастные инстинкты толпы,—къ разнымъ спекуляторскимъ объявленіямъ, оскорбляющимъ нравственное чувство, въ родѣ тѣхъ, которыя содержатъ, напр., восхваленіе темныхъ ростовщическихъ предпріятій, или одобреніе и пропанду секретныхъ медицинскихъ средствъ и т. под. Къ сожалѣнію, общественное мнѣніе не успѣло во время вооружиться противъ нечестныхъ финансовыхъ приемовъ, противъ фальсификаціи жизненныхъ средствъ, противъ недобросовѣстности, охватившей въ настоящее время торговый и промышленный людъ. Объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ своевременный судъ общественнаго мнѣнія навѣрное достигъ бы болѣе существенныхъ результатовъ, чѣмъ самое добросовѣстное примѣненіе уголовныхъ законовъ со стороны правительственной власти.

Но какъ ни велики результаты, которыхъ достигло и мо-

жетъ достигнуть общественное мнѣніе въ положительномъ направленіи, все же вліяніе его въ отрицательномъ направленіи несравненно сильнѣе и сопровождается необыкновеннымъ успѣхомъ. Это объясняется, во 1-хъ, тѣмъ, что гораздо легче большое число людей соединяется на отрицаніи какихъ-либо положеній, чѣмъ обратно, а во 2-хъ, тѣмъ, что въ отрицательномъ направленіи продолжительность воздѣйствія общественнаго мнѣнія обезпечена въ ббльшей степени, чѣмъ въ положительномъ. Извѣстно, что идеи отрицательнаго свойства легче проникаютъ въ сознаніе, чѣмъ утвержденія положительнаго характера, и не нуждаются для своего поддержанія въ какихъ-либо повыхъ усиліяхъ воли и ума. Но нигдѣ такихъ великихъ успѣховъ въ отрицательномъ направленіи общественное мнѣніе не сдѣлало и не дѣлаетъ, какъ, къ стыду нашему, въ Россіи, въ нашемъ дорогомъ отечествѣ. Оно у насъ, какъ говорятъ, еще не сложилось, а между тѣмъ уже производитъ большія опустошенія въ вѣрованіяхъ, добрыхъ нравахъ и обычаяхъ православныхъ христіанъ. Прослѣдимъ разрушительныя его дѣйствія у насъ по тремъ главнымъ обязанностямъ нашимъ: къ Богу, къ ближнему и къ самому себѣ.

Любовь къ Богу требуетъ, чтобы христіанинъ имѣлъ благоговѣніе предъ Нимъ, не только въ душѣ своей, но и выражалъ это благоговѣніе въ видимыхъ дѣйствіяхъ и знакахъ. Правда, *Богъ есть Духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духъ и истинѣ* (Іоанн. IV, 24); однакожь это нисколько не исключаетъ обязанности выражать свое богопочтеніе въ наружныхъ знакахъ. Само Свящ. Писаніе повелѣваетъ намъ прославлять Бога *въ душахъ и тѣлесяхъ нашихъ, яже суть Божія* (1 Кор. VI, 20). Въ чувствѣ ревности о славѣ Божіей боголюбивый пророкъ Давидъ восклицаетъ: *молитвы моя воздамъ Господеву предъ всеми людьми*. Этотъ высокій долгъ возлагаетъ на насъ Самъ Спаситель нашъ: *такъ да просвѣтитъ васъ свѣтъ вашъ предъ челоуки, говоритъ Онъ, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ* (Мѣ. V, 16). Истинное чувство благоговѣнія къ Богу, по тѣсной связи души съ тѣломъ, не можетъ не открываться во-внѣ. Съ другой стороны, наружныя дѣйствія

богопочтенія, каковы: крестное знаменіе, поклоны, колѣнопреклоненія и проч. возбуждаютъ и поддерживаютъ чувство благочестія внутренняго. И можно-ли, имѣя въ душѣ любовь къ Богу, отказываться выражать ее открыто предъ всѣми, когда слава Божія должна быть для насъ дороже всего, когда выраженіе чувства благочестія, согласное съ духомъ вѣры и уставами церкви, должно составлять славу и честь для насъ? Однакожъ есть много христіанъ, у которыхъ, такъ сказать, не достааетъ духу показаться набожными по-православному, которые боятся, напр., пойти ко всеобщей вмѣсто театра или концерта, соблюсти постъ, помолиться предъ столомъ и послѣ стола и т. под. Ихъ смущаетъ и удерживаетъ въ этомъ случаѣ страхъ предъ судомъ людей, водящихся духомъ міра и вносящихъ въ дѣла вѣры модные обычаи вѣка. „Меня назовутъ ханжой, подвергнутъ нареканію, какъ человѣка дурного тона или глупца, не понимающаго существа вѣры, если я стапу открыто и съ надлежащею правильностью соблюдать всѣ обряды общественнаго богослуженія“, говоритъ иной въ свое оправданіе. Какое неразумное опасеніе! Кто же назоветъ? кто осудитъ? „Шопоть, хохотня глупцовъ“, по выраженію поэта Пушкина, характеризующаго этими словами общественное мнѣніе? И однакожъ изъ-за этого-то шопота, изъ-за этой-то хохотни глупцовъ весьма многіе, забывая угрозу Христа Спасителя *постыдятся при Своемъ второмъ славномъ пришествіи стыдящихся Его и словъ Его въ родъ семъ прелюбодѣйнемъ и грѣшнѣмъ* (Мар. VIII, 38), положительно перестаютъ креститься, знаменать себя крестомъ, или дѣлаютъ вмѣсто того какія-то неправильныя, не имѣющія смысла, движенія руки, нерѣдко даже не обнаженной. Эта нравственная болѣзнь русскихъ христіанъ нашего времени, которою и пользуются искусно наши враги. „Опомнитесь!“ восклицаетъ преосвященный Никаноръ въ одной изъ своихъ сильныхъ проповѣдей. „У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ постыдно отречься отъ историческаго знамени. А крестъ Христовъ—высшее, древнѣйшее, священнѣйшее знамя русскаго царства... Крестъ—наше спасеніе, церкви утвержденіе, побѣдный знакъ царей, вѣнецъ царскихъ--вѣнца, державы и скипетра, вѣнецъ русскаго государственнаго герба“.

Любовь ко Христу требуетъ, чтобы мы выражали ее въ ревности по вѣрѣ, въ защищеніи истины Христовой отъ враговъ ея, никогда не позволяя себѣ изъ челоуѣкоугодія, по какимъ-либо земнымъ расчетамъ, измѣнять своимъ вѣрованіямъ даже на словахъ. И христіанинъ, исполненный пламенной любви ко Христу Спасителю, когда иные, къ великому соблазну слабыхъ, подрываютъ и хулятъ спасительныя истины евангельскія, не замедлитъ вооружиться противъ нечестивыхъ мнѣній; онъ пожертвуетъ пріязнью къ себѣ людей ради истины, и сохраняя всю скромность въ отношеніяхъ къ нимъ, смѣло пойдетъ противъ заблужденія, хотя бы за то подвергся оскорбленіямъ. Что же дѣлаютъ многіе православные христіане, когда видятъ и слышатъ, какъ гонится и попирается истина Христова?.. Иной и основательно образованъ въ предметахъ вѣры, безъ труда можетъ опровергнуть возраженія мнимыхъ мудрецовъ и хвастливыхъ говоруновъ противъ предметовъ священныхъ; онъ даже проникнутъ святыми убѣжденіями и въ сердцѣ чувствуетъ потребность говорить въ пользу истины. Но рабскій страхъ—вооружить противъ себя другихъ, подвергнуться разнымъ укорамъ и двусмысленнымъ колкостямъ останавливаетъ его, заставляетъ молчать или даже присоединять свой голосъ къ голосу другихъ противъ вѣры... Нигдѣ не допускаютъ, чтобы въ обществѣ каждый думалъ, говорилъ, дѣлалъ, что хочетъ, не обращая вниманія на установленныя правила и порядокъ. Только у насъ, въ образованныхъ кружкахъ, по отношенію къ св. вѣрѣ и Церкви существуетъ такое, нигдѣ не виданное, исключеніе. У насъ всѣ вѣрующіе, всѣ христіане: и лжетолкователи и порицатели, и отрицатели, и хулители; для многихъ стало все равно: еврей ли, магометанинъ ли, язычникъ ли. Лишь бы были богаты, да держали себя прилично; на нравственно-религіозныя убѣжденія никакого не обращается вниманія. Полный религіозный индифферентизмъ.

Любовь къ ближнему требуетъ отъ христіанина, чтобы онъ дорожилъ ихъ честью, берегъ ихъ доброе имя и былъ снисходителенъ къ ихъ слабостямъ и недостаткамъ, всегда помня заповѣдь Спасителя: *не судите, да не судими будете* (Мѡ.

VII, 1). Но какъ бываетъ въ свѣтѣ, среди людей, именуемыхъ христіанами? Часто, очень часто случается, что въ обществѣ предметомъ насмѣшливыхъ отзыовъ и язвительныхъ пересудовъ служатъ слабости и недостатки отсутствующихъ, а иногда и присутствующихъ ближнихъ, слабости и недостатки, которые нерѣдко представляются таковыми только по неправильному взгляду на истинное достоинство человѣка, или по клеветѣ враговъ. Истинный христіанинъ въ томъ убѣжденіи, что гораздо лучше защитить оскорбленную честь своего брата, чѣмъ заслужить одобреніе злорѣчивыхъ, вступится за ближняго своего, опровергнетъ несправедливую клевету, постарается остановить потоки рѣчей, обидныхъ для другого, и самая немощи его покроетъ христіанскою любовію. Но такъ ли поступаютъ обыкновенно христіане? Не часто ли приходится наблюдать, какъ иной, едва замѣтитъ, что своимъ противорѣчіемъ можетъ навлечь на себя неудовольствіе другихъ и подать поводъ считать себя ревнителемъ не по разуму, худымъ собесѣдникомъ, своимъ вмѣшательствомъ разстраивающимъ живость и занимательность общаго разговора, начинаетъ молчать, или же и самъ принимаетъ участіе въ оскорбительныхъ и противныхъ духу христіанства пересудахъ.

Любя всѣхъ ближнихъ, христіанинъ въ особенности долженъ любить тѣхъ, кои связаны съ нимъ узами вѣры и крови, имъ оказывать особенное расположеніе и помощь; ибо, по слову апостола, *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. V, 8). Что же бываетъ нерѣдко въ свѣтѣ? Вотъ иной дѣлается знатымъ и богатымъ, достигаетъ высокаго мѣста и значенія въ обществѣ; но онъ возвысился изъ состоянія простаго и не знатнаго; его родители и родственники остаются въ первоначальномъ своемъ званіи и положеніи. Не только по ученію христіанскому, но и по здравому смыслу бѣдность и незнатность не должны препятствовать человѣку, тѣмъ паче христіанину, видимо для всѣхъ оказывать свое благорасположеніе и любовь къ своимъ *приснымъ*, напротивъ, должны побуждать быть простѣе, свисходительнѣе и добрѣе къ нимъ. Что же думаетъ, или говоритъ сынъ міра сего? „Я не дорожу

своимъ именемъ, унижаюсь въ глазахъ другихъ, нарушаю приличіе свѣта, когда стану обращаться съ бѣдными и простыми по званію, хотя бы то и родными“? Какое неосновательное сужденіе! Но изъ него происходитъ то, что прежде добрый и почтительный сынъ дѣлается холоднымъ къ своимъ родителямъ, прежде ласковый родственникъ теперь съ презрѣніемъ смотритъ на своихъ кровныхъ, прежде услужливый товарищъ теперь недоступенъ своимъ сверстникамъ, конемъ не суждено выйти изъ неизвѣстности. Есть даже такіе рабы людского мнѣнія, которые нарочито скрываютъ свое происхожденіе отъ другихъ, какъ будто происхожденіе дѣлаетъ безчестіе человѣку, собственными заслугами и талантами возвысившемся на поприщѣ общественной службы.

Любовь къ самому себѣ требуетъ отъ христіанина, чтобы онъ, приобрѣтая себѣ истинное счастье, блаженство чрезъ любовь къ Богу и ближнимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ для достиженія того же счастья и блаженства, старался непосредственно объ усовершенствованіи себя чрезъ самоотверженіе, чрезъ воздержаніе отъ страстей и похотей, по заповѣди Спасителя: *уже хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе* (Мар. VIII, 34). И христіанинъ, всасывая, такъ сказать, съ молокомъ матери евангельское ученіе, съ дѣтства долженъ стыдиться того, что повреждаетъ чистоту его души и тѣла. Такъ, должно быть,— такъ и бываетъ съ благовоспитанными дѣтьми и юношами. Едва замѣтная черта безнравственности повергаетъ ихъ въ стыдливость, вызывая румянецъ на лицѣ, какъ слѣдствіе созпанія своей грѣховности. Но увы, какъ часто этотъ истинный стыдъ, поддерживающій благонравіе, теряется, замѣняется ложнымъ, который оканчивается безстыдствомъ. Вотъ юноша благонравный, но неопытный, по какому-либо случаю попадетъ въ общество товарищей дурныхъ, порочныхъ: онъ врагъ всякаго воздержанія, но насмѣшки злонравныхъ сверстниковъ надъ его скромностью, невинностью мало по малу увлекаютъ его къ воздержанію: онъ напивается вина, къ которому вовсе не привыкъ. И тогда уже этотъ юноша, стыдившійся сначала порока, наконецъ, стыдится отстать отъ другихъ въ преступныхъ удовольствіяхъ, разстраивающихъ душу

и тѣло. Какое зло! Но откуда оно? „Оставьте“, говорятъ въ свѣтѣ родителямъ и воспитателямъ, „оставьте этотъ блестящій, улыбающійся лучъ утра, который освѣщаетъ и украшаетъ жизнь; заботы и труды еще успѣютъ прійти, не говорите юношѣ о борьбѣ, не охлаждайте его воображенія разными опасеніями“. Другими словами: оставьте его въ обманѣ, въ заблужденіи, дѣлайте одно увеселеніе изъ времени, которое должно быть приготовленіемъ къ серьезной жизни, пусть разслабляются отъ лѣности и нѣги самыя драгоценныя, нравственныя его силы. Какое гибельное нерадѣніе! Законъ христіанскій прямо отвергаетъ эту извѣженную мечтательность, которая отнимаетъ у жизни истинную прелесть. Самая блестящая мечта—все же мечта, и когда на мѣсто ея является дѣйствительность, то неминуемо возбуждаетъ въ сердцѣ юноши разочарованіе и томительную скуку. Вотъ секретъ насмѣшливаго скептицизма и мрачной мизантропіи, которыми въ наше время тщеславятся многіе, едва перешагнувшіе за предѣлы юности. Впрочемъ, это еще лучшія стороны взгляда, какимъ смотритъ свѣтъ на юность; нужно сознаться, что свѣтъ не всегда довольствуется предоставленіемъ юношеству однихъ призраковъ и мечтаній. Часто свѣтъ смотритъ весьма снисходительно на самыя отступленія юношей отъ строгой нравственности, полагая, кажется, что такія отступленія также тѣсно связаны съ этою порою жизни, какъ дожди и бури съ извѣстнымъ временемъ года. Съ какимъ-то сознаніемъ своей опытности провозглашается иногда въ свѣтѣ, что „юность сама собою пройдетъ и человѣкъ остепенится, только дайте ему время *перебѣситься*“. Какое жалкое ослѣпленіе! Нельзя, конечно, справедливѣе назвать порочнаго увлеченія, какъ бѣснованіемъ; но что касается предоставленія безнадзорной свободы въ мысляхъ и дѣлахъ юношамъ и оставленія ихъ на произволь пробуждающихся страстей, то всей злокачественности этого взгляда и изобразить невозможно. Да и нѣтъ надобности говорить о томъ, что на глазахъ всѣхъ обнаруживается на дѣлѣ съ такою прискорбною ясностью, въ тѣхъ великихъ безпорядкахъ, которые въ послѣднее время переживаетъ общество.

Весьма часто вредитъ общественное мнѣніе и внѣшнему

благосостоянію человѣка, разстраиваетъ его земное счастье. Нѣкоторые, напр., повели свою жизнь слишкомъ блистательно и дѣлаютъ издержки, далеко превышающія ихъ доходы. Благо-разуміе требовало бы ограничить себя, устранить издержки, кои употребляются единственно на предметы роскоши, или моды, на суетныя развлеченія, на удовлетвореніе страсти къ удовольствіямъ и наслажденіямъ, словомъ—измѣнить образъ жизни. „Но что скажутъ въ свѣтѣ? Какъ станутъ смотрѣть на меня другіе? Меня осудятъ, станутъ считать бѣднякомъ или отсталымъ отъ вѣка“. И вотъ, чтобы не отстать отъ другихъ, многіе начинаютъ отверзать свою руку для даровъ благодарности, или же доходятъ до крайней бѣдности, которая сама по себѣ не порокъ, но предосудительна въ тѣхъ, кои впали въ нее и сдѣлались неоплатными должниками потому только, что прежде хотѣли казаться не по состоянію богатыми и жили роскошно.

Можемъ ли мы, положа руку на сердце, похвалиться своею общественною жизнью, народной нравственностью, въ области которой общественному мнѣнію должна, безъ сомнѣнія принадлежать судящая власть? Святость родительской власти, святость супружескаго союза осмѣяны: дѣвицѣ, ушедшей изъ дома родителей, нерѣдко рукоплещетъ и общество, и литература; жену, бросившую мужа, часто по ничтожному поводу, въ повѣстяхъ и разсказахъ возводятъ въ идеаль. И вотъ изъ-за постыдной боязни показаться въ глазахъ свѣта и прослыть людьми старыхъ мнѣній, деспотами въ семействѣ у насъ падаетъ всякій семейный режимъ, который между тѣмъ, наперекоръ нашептываніямъ духа времени: *будете, яко бози, въдыще доброе и лукавое* (Быт. III,—5), долженъ бы напоминать семьѣ волю Божию: *смертию умрете* (Быт. 11, 17).

Самое обыкновенное благоразуміе можетъ разсудить, что настоящая жизнь наша должна быть болѣе поприщемъ для трудовъ въ потѣ лица, а удовольствія, даже самыя чистыя, должны только, такъ сказать, стирать съ насъ этотъ потъ, освѣжать и ободрять наши силы; слѣдовательно, изрѣдка лишь позволительны намъ послѣ долгаго напряженія силъ, во время важной дѣятельности. Какъ же объяснить это странное явле-

ніе въ обществѣ, что весьма многіе въ извѣстные часы чуть не ежедневно предаются театральнымъ удовольствіямъ, или играми занимаются, едва ли не больше неопустительно, нежели дѣлами званія и службы? Не иначе можно это объяснить какъ тѣмъ, что разсудительные, хотя внутренно и признають суетность такого времяпрепровожденія, но боятся быть отлученными отъ общества, въ которомъ суета сдѣлалась закономъ, и потому раболѣпствуютъ суетѣ и убиваютъ ею время и болѣе, нежели одно время, достояніе и жизнь.

Охотнѣе всего общественное мнѣніе высказывается у насъ по вопросамъ уголовнаго правосудія, въ лицѣ института присяжныхъ. И что же? Было время, когда наши суды своими приговорами смущали простую совѣсть русскаго человѣка, и приводили въ недоумѣніе весь образованный міръ. „Русская простота“, справедливо говоритъ Преосвященный Никаноръ по поводу такихъ приговоровъ нѣкоторыхъ нашихъ судовъ, „изумлена фактами, что присяжные оправдали женщину, которая изрѣзала пьянаго мужа въ куски и спрятала въ воду въ погребъ; оправдали цѣлую деревню, которая сожгла женщину, какъ колдунью: они-де не знали, что дѣлають худо; оправдали двухъ мальчиковъ, 11 и 10 лѣтъ, которые, сознавая, что дѣлають худо, отрѣзали голову третьему девятилѣтнему: они-де невинныя дѣти, оправдали почти всѣхъ, кто стрѣляль, рѣзалъ, душиль изъ половой любви, изъ ревности изъ за невѣрности: тамъ подруга съ возможнымъ равнодушіемъ на вечерѣ при знакомыхъ убиваетъ своего охладѣвшаго друга и ее оправдываютъ, здѣсь женихъ беретъ на прощанье руку, именно лѣвую, такъ и просить лѣвую, и пускаетъ пулю прямо въ сердце дѣвицы, которая равнодушна къ нему и не желаетъ быть его невѣстою и его почти извиняють. Оправдали Вѣру Засуличъ при рукоплесканіяхъ всего собора чиновнѣйшихъ и образованнѣйшихъ лицъ въ столицѣ“. „Не ясно ли“, замѣчаетъ Преосвященный Никаноръ, „что мы подрубаемъ сукъ дерева, на которомъ сидимъ“ (Т. II, стр. 78). Припомнимъ здѣсь также и судебныя дѣла Свиридова, Мельницкаго, Рыкова, Булахъ, психопатки Семеновой и т. под. лицъ, которыя были разбираемы лѣтъ 17—18 тому назадъ. Какая масса нравственной

грязи обнаружилась предъ публикой?! Но что всего замѣчательнѣе и прискорбнѣе, такъ это то, что нѣкоторая часть публики не только не видѣла ничего преступнаго въ поведеніи судимыхъ лицъ, но даже считала своимъ долгомъ высказать одобреніе и чуть не благоговѣніе предъ ними. Извѣстно, какой чести со стороны нѣкоторыхъ лицъ удостоена была Семенова, по выходѣ изъ залы суда, за свое безстыдство, переступившее всѣ границы человѣческаго приличія; не менѣе также замѣчательно извѣстное изъ газетъ сообщеніе, что, по окончаніи процесса дѣтей Мельницкаго, въ свидѣтельскую комнату, гдѣ находился отецъ Мельницкій, вошла хорошо одѣтая и приличной наружности дама, попросила ближайшихъ къ ней лицъ указать Мельницкаго, подошла къ нему и благоговѣйно, поцѣловала ему руку, послѣ чего, совершивъ поклоненіе герою дня, молча удалилась.

Столь гибельны результаты общественнаго мнѣнія, развивающагося въ нашемъ отечествѣ пока въ одномъ отрицательномъ направленіи! Но если кто либо, въ успокоеніе себя, скажетъ, что указаные нами гибельные результаты, какіе даетъ общественное мнѣніе въ нашемъ отечествѣ, относятся только къ самой небольшой части русскихъ людей, къ верхнимъ, такъ называемымъ образованнымъ слоямъ общества и вовсе не примѣнимы къ простому многомилліонному русскому народу, то мы тому отвѣтимъ слѣдующее: да, дѣйствительно, благодареніе Богу, губительная язва общественнаго мнѣнія пока не охватила нашъ простой народъ, но, къ сожалѣнію нашему, она уже начиаетъ въ послѣднее время проникать и сюда и по тѣсной органической связи всѣхъ сословій и членовъ общества, она неминуемо рано или поздно должна заразить весь организмъ русскаго народа. Вредный примѣръ можетъ имѣть только вредныя послѣдствія, и тѣмъ вреднѣйшія, чѣмъ лица, подающія этотъ примѣръ, выше другихъ поставлены и по своему положенію, и по состоянію, и по образованію. Ужаснымъ подтвержденіемъ этой мысли служить исторія страданій Христа Спасителя. Народъ, по своей вѣрѣ и любви къ Іисусу Христу, не далекъ былъ отъ истины, но представители жизни народной, по зависти къ великому успѣху дѣла

Христовая, пустивъ въ ходъ всѣ неправды, сбили народъ съ истиннаго пути. И вотъ тотъ народъ, который такъ недавно, въ чувствѣ глубокой благодарности къ своему величайшему Благодарителю, взывалъ: осанна! осанна! теперь подъ наущеніемъ своихъ представителей уже вопить неистово: распни, распни Его. Послѣдствія этого торжества враговъ Христовыхъ намъ извѣстны: Богочеловѣкъ распятъ, пригвожденъ къ дереву крестному, а народъ, распявшій его, потерялъ свою самостоятельность и доселѣ остается отверженнымъ.

Подобный ужасный результатъ общественное мнѣніе можетъ имѣть, во главѣ съ такими сильными заправителями, всегда и во всякомъ народѣ, если не положить ему заблаговременно надлежащихъ преградъ. По предреченію Христа Спасителя предъ Его вторымъ пришествіемъ будетъ опять такое же общественное мнѣніе: *придетъ часъ, говорилъ Онъ своимъ ученикамъ въ прощальной бесѣдѣ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнѣтся службу приносить Богу* (Іоан. XVI, 2). Посему высшимъ сословіямъ, желающимъ заправлять общественнымъ мнѣніемъ, не мѣшаетъ помнить это горькое предреченіе Христа Спасителя, въ качествѣ грознаго для себя предостереженія, ибо *горе человеку тому, иже соблазнъ приходитъ* (Мѡ. XVIII, 7) *Иже аще соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, говоритъ Христосъ Спаситель; иже есть ему, да объсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣи* (Мѡ. XVIII, 6) *Иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, говоритъ также Христосъ Спаситель, и научитъ тако человекъ, мнѣи наречетъся въ царствѣи небесныхъ: а иже сотворитъ и научитъ, сей велии наречетъся въ царствѣи небесныхъ* (Мѡ. V, 19). Не должны ли бы эти грозныя слова Христа Спасителя, въ неизмѣнности которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія (Мѡ. XXIV, 35), служить достаточнымъ побужденіемъ для высшихъ сословій обратить свое просвѣщенное вниманіе на положительныя задачи жизни, равнодушное отношеніе къ которымъ дѣлаетъ насъ предметомъ поношенія сосѣдямъ нашимъ и *притчею во языцехъ* (Іс. 43, 14—15)?

Говорятъ и говорятъ справедливо, что ничто такъ не мѣшаетъ распространенію вѣры Христовой между язычниками,

какъ дурная жизнь христіанъ. Смотри на эту жизнь, язычники, въ оправданіе себя, могли бы указать: на страшно распространенный между христіанами губельный порокъ пьянства, на крайне частые случаи хищенія чужой собственности, даже посвященной Имени Божію, на хищническое отношеніе къ природѣ, подъ вліяніемъ котораго плодородныя мѣста обращаются чуть не въ пустыни, на обманы въ торговлѣ вещами и выгодными съѣстными припасами, отъ употребленія въ пищу которыхъ нерѣдко умираетъ цѣлая семья, на роскошь и расточительность среди вопіющихъ нуждъ общественныхъ и всеобщихъ жалобъ на затрудненія въ средствахъ жизни, на открытое незаконное сожителство подъ формою непризнаннаго нашимъ закономъ такъ называемаго гражданскаго брака, яли и того хуже, на странный голосъ среди отечества противоотечественныхъ интересовъ и стремленій ослаблять основы народной жизни, на пристрастіе къ театральнымъ увеселеніямъ, доходящее до неуваженія къ великимъ праздникамъ и постамъ, на пристрастіе къ пѣвцамъ и пѣвицамъ, заставляющее иныхъ пресмыкаться предъ ними съ совершеннымъ забвеніемъ своего человѣческаго достоинства; на грубость нравовъ, самолюбіе и холодный эгоизмъ, на кровавую мечь за оскорбленіе чести, подъ облагороженной формою дуэли, на мапію самоубійства среди обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, на омерзительное сквернословіе, стономъ стоящее по градамъ и весямъ земли русской, православной, на дерзкое и публичное нарушеніе святости воскреснаго дня, на неблагоговѣйное и прямо невѣжливое поведеніе въ храмѣ во время богослуженія и т. под.

Причина отрицательнаго направленія общественнаго мнѣнія въ нашемъ отечествѣ заключается, какъ намъ думается, въ томъ, что мы, вопреки заповѣди апостола Павла: *не будьте дѣтьми умоузъ; на злое будьте младенцы, а умоузъ будьте совершеннолѣтми* (1 Кор. XIV, 20), мы всетаки остаемся „младенцами“ по уму, *колеблющимися и увлекотщимися всякимъ вѣтромъ ученія. по лукавству челоуѣковъ, по хитрому искусству оболыщенія* (Еф. III, 14). Не имѣя собственныхъ твердыхъ и разумныхъ убѣжденій, мы водимся такъ называемыми ходячими мнѣніями, которыя съ жадностью ловимъ изъ устъ

людей, выдающихся по своему положенію въ обществѣ, или беремъ на прокатъ изъ печати безъ всякаго разбора. Одною изъ характерныхъ особенностей нашего общества является то, что всякое воззрѣніе, выраженное печатно, пользуется въ его глазахъ особеннымъ авторитетомъ не въ силу своего внутренняго достоинства, а главнымъ образомъ въ силу самаго факта появленія въ печати. Хотя бы мы въ печати прочитали разсужденія людей, которые въ свое время убоялись бездны премудрости и изъ какого-нибудь V класса возвратились вспять, но мы безразлично напечатанному болѣе вѣримъ, чѣмъ сказанному, особенно по долгу службы или совѣсти. При этомъ, вслѣдствіе недостаточнаго развитія внутренней духовной стороны жизни и усиленнаго стремленія къ чувственнымъ наслажденіямъ, намъ въ особенности нравится то, что говорятъ или пишутъ о разнузданности плоти, страстей и эгоизма, а въ этомъ въ настоящее время нѣтъ недостатка.

Нашъ вѣкъ, подобно коню, сбросившему съ себя узду, несетя неудержимо впередъ, *на страну далеце*, а глашатаи его кричатъ во всѣ голоса: „не отставайте отъ вѣка“. И вотъ мы, по слабости ума и дремотѣ совѣсти, не имѣя въ себѣ нравственной твердости, уносимся впередъ неудержимою толпою, толкая и поощряя другъ друга, куда зовутъ насъ голоса разныхъ заносныхъ ученій. Прежде всего наши передовыя словія уклонились отъ дѣлости православной вѣры и правилъ христіанской жизни, за ними потянулись средніе классы, а теперь дѣло доходитъ уже и до простого народа, этой сердцевины нашего отечества. Уклоненіе это случилось не вслѣдствіе тщательнаго изученія православной Церкви, ея догматовъ и постановленій, и сознательнаго убѣжденія, что предки наши приняли не истинную религію, и мы нашли лучшую. Ни чуть не бывало. Знать чужое и не знать своего и затѣмъ погрѣшности чужихъ христіанскихъ исповѣданій, обращать въ вину своей православной Церкви—это обычное, хотя и прискорбное, явленіе въ нашемъ образованномъ обществѣ. Нѣтъ—мы просто чувствуемъ для себя препятствіе въ ученіи вѣры православной въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ грѣховныхъ стремленій, почему единственно и устра-

няемъ изъ своего сознанія ученіе вѣры православной, которое сопровождается такими неудобными для насъ напоминаніями, предостереженіями, и преклоняемъ ухо къ другимъ ученіямъ, которыя льстятъ нашимъ грѣховнымъ стремленіямъ, усиливаясь оправдывать ихъ всевозможными соображеніями. Найдя такимъ образомъ поддержку для своихъ грѣховныхъ стремлений и получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность спокойно грѣшиться, мы охотно подчиняемся подобнымъ ученіямъ, повторяя въ оправданіе себя, со точностью эха, чужія громкія фразы, хотя и называемъ ихъ своими убѣжденіями.

Но что можетъ быть безчестнѣе и безславнѣе для существа, одареннаго умомъ и свободою, какъ сдѣлаться совершеннымъ рабомъ чужого мнѣнія до послѣдней мысли и до послѣдняго душевнаго чувства? Этимъ можетъ характеризоваться только полная несостоятельность личности какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніяхъ, особенно когда дѣло касается отрицательнаго отношенія къ вопросамъ вѣры и нравственности. Поведеніе жалкое и особенно позорное для христіанъ, которые призваны *изъ тьмы въ чудный свѣтъ; дабы являться посреда рода строптива и развращена, якоже свѣтила въ мѣрѣ*. (Филип. 11, 15). Цоклонники чужихъ мнѣній по истинѣ подобны тѣмъ идоламъ, которыхъ описываетъ Псалмопѣвецъ: они имѣютъ уста, но ими не дерзаютъ говорить, или же повторяютъ съ подобострастіемъ только то, что принято въ свѣтѣ; имѣютъ слухъ, но только отверзтый для того, чтобы принимать приказанія общественнаго мнѣнія, какъ бы нелѣпы они ни были; имѣютъ очи, но смежили ихъ и смотрятъ ва все глазами другихъ. Лицемѣріе есть порокъ самый презрѣнный и гнусный, но приверженность къ чужимъ мнѣніямъ, особенно въ дѣлахъ вѣры и благочестія, преступнѣе самаго лицемѣрія. Лицемѣръ выказываетъ, ради мірской славы, добродѣтели, которыхъ у него никогда не было, а поклонникъ мнѣній свѣта, не желая быть отлученнымъ отъ него, выказываетъ такіе пороки, которыхъ въ немъ вовсе нѣтъ. Но лицемѣръ, выказывая мнимыя добродѣтели, по крайней мѣрѣ, питаетъ къ нимъ уваженіе, а рабъ чужихъ мнѣній благоговѣетъ предъ пороками, которые самъ же въ своей совѣсти

презираетъ. Христосъ Спаситель запрещаетъ дѣлать добрыя дѣла изъ желанія угодить людямъ (Мѡ. VI, 1); что же Онъ скажетъ въ день суда тѣмъ, которые по этому же побужденію совершаютъ дѣла преступныя?

Всѣмъ, кто сознаетъ, что ихъ ожидаетъ судъ, что они должны будутъ дать отчетъ, весьма важно знать, имѣеть-ли какое либо оправданіе для себя раболѣпное служеніе мнѣніямъ и приличіямъ міра, чѣмъ такъ страдаютъ русскіе христіане нашего времени?

До пришествія въ міръ Того, Кто изрекъ о Себѣ: *азъ есмь свѣтъ міру: ходяи по мнѣ не имать ходити во тмѣ* (Іоан. VIII, 12), челоуѣчество не имѣло истины, а находилось, даже въ лицѣ богоизбраннаго народа, только въ области *тѣней и иданій*. Язычество искало истины и познавало ее до нѣкоторой степени, но всегда оставалось вѣѣ завѣсы, скрывавшей ея свѣтъ, такъ что пришло, наконецъ, къ горькому сознанію невозможности познать ее безъ откровенія свыше. Поэтому время до пришествія въ міръ Христа Спасителя было временемъ блужданія умовъ, постоянныхъ сомнѣній, безвыходныхъ противорѣчій, самыхъ грубыхъ заблужденій, среди которыхъ язычество вынуждено было разбираться только при помощи мнѣній. Эти мнѣнія, группируясь между собою, сообразно индивидуальнымъ особенностямъ людей, раздѣлявшихъ ихъ, и образовывали такъ называемое общественное мнѣніе, которое по истинѣ служило для язычника якоремъ спасенія среди бури сомнѣній и заблужденій. Такъ какъ въ язычествѣ не было никакого иного критерія истины, кромѣ согласія большинства по тому или другому вопросу, то у язычниковъ голосъ всего народа приравнивался даже къ голосу Божества (*vox populi, vox Dei*) и имѣлъ такое же безусловное значеніе.

У грековъ мнѣніе народа въ такой степени преобладало надъ мнѣніемъ отдѣльныхъ лицъ, что послѣднія во избѣжаніе кары народной за попытку къ возвышенію надъ общимъ уровнемъ, могли находить выраженіе для своихъ мнѣній, лишь ссылкой на мнимыя внушенія оракуловъ. Не съ меньшей силой проявлялось общественное мнѣніе и у римлянъ, въ отрицательномъ дѣйствіи *вето* трибуновъ и въ положительномъ

вмѣшательствѣ цензуры, которая преслѣдовала цѣль охраненія правовъ внѣ предѣловъ вліянія законодательства. Такой подавляющей авторитетъ общественнаго мнѣнія въ греко-римскомъ мірѣ объясняется отсутствіемъ какого-либо высшаго внѣшняго авторитета, отсутствіемъ всякой другой внѣшней опоры для сужденія отдѣльныхъ лицъ объ истинномъ и ложномъ, о добромъ и зломъ.

Но было бы крайне неправильно считать общественное мнѣніе непогрѣшимымъ, и утверждать, что ему по праву принадлежало въ язычествѣ такое господство и такая власть надъ мнѣніями отдѣльныхъ лицъ. Христіанское ученіе и исторія свидѣтельствуютъ, что всѣ люди склонны къ заблужденіямъ и могутъ принять ложное направленіе, особенно въ отношеніи нравственно-религіозной жизни, цѣлыми массами, цѣлыми народами. Часто, подъ вліяніемъ народныхъ страстей, общественное мнѣніе теряетъ всякую истинность и даже иногда искусственно направляется на ложные пути разными не призванными просвѣтителями народа. Во всѣхъ сферахъ жизни можно наблюдать, что чѣмъ выше стоитъ извѣстное дѣло, или личность, тѣмъ менѣе можно полагаться на сужденіе толпы о нихъ, тѣмъ менѣе способна толпа присуждать честь или безчестіе. Въ особенности оправдывается эта мысль, когда рѣчь идетъ объ отношеніи ко Христу Спасителю и Его дѣлу. Если и существуетъ и даже болѣе распространень взглядъ противоположный, что гдѣ большинство, тамъ именно и истина, что истинѣ присуща необходимость имѣть большинство на своей сторонѣ, то этотъ взглядъ, вѣрный въ идеѣ, въ дѣйствительности требуетъ большихъ ограниченій, такъ какъ истина зависитъ отъ чистоты намѣреній. То правда, что истина, добро и справедливость въ неразвитомъ состояніи находятся во внутреннемъ существѣ cadaго человека, но наша воля со времени грѣхопаденія стала болѣе удобопреклонна къ лжи, злу и неправдѣ, получила предрасположеніе предпочитать себя и міръ Богу и царству Божію. Со времени грѣхопаденія проявленія совѣсти, этого голоса Божія въ человекѣ, сдѣлались до крайности различны какъ у разныхъ народовъ въ различные вѣка, такъ и у отдѣльныхъ современныхъ между

собою лицъ, такъ что для насъ долженъ быть вполне понятнымъ скептическій вопросъ Пилата: „что есть истина?“ Гдѣ ее можно найти и въ чемъ дѣйствительно она состоитъ, если такъ часто совершенно противоположныя другъ другу вещи допускаются или признаются совѣстью, если такъ часто самыя страшныя преступленія совершаются подъ прикрытіемъ совѣсти, какъ бы оправдываются ею? Что же касается ума, которымъ такъ гордятся современные люди, то чего только не оправдывалъ онъ, покорный своему порочному повелителю—сердцу? Онъ оправдывалъ въ мірѣ языческомъ „тиранноубійство, да и въ христіанскомъ съ его санкціи происходило не только стремленіе къ разнузданному произволу, къ анархіи, но и служеніе разврату, даже во имя служенія Божеству, въ лицѣ пресловутой богини разума. Исторія страданій Христа Спасителя даетъ намъ надлежащую мѣрку, чтобы правильно цѣнить тѣ отвѣты, какіе духъ времени, народныя массы, вожаки народа, даютъ на вопросъ: что такое истина, что такое праведность?

Слѣдуетъ ли послѣ сего, ничтоже сумняся, устроить свою жизнь, направлять свое жизненное теченіе по приговору общественнаго мнѣнія? Есть ли какое нибудь основаніе въ области теоріи, или въ данныхъ опыта полагать, что тотъ путь жизни, которымъ оно ведетъ насъ, есть путь истины, добра и правды? Язычники могли оправдывать себя въ работѣнномъ служеніи мнѣніями и приличіями міра, незнаніемъ истины, добра и справедливости, такъ какъ у нихъ не было сверхъестественнаго откровенія о сихъ предметахъ, а естественный способъ познанія, со времени грѣхонаденія, сдѣлался весьма недостаточнымъ. Однако апостоль Павелъ и язычниковъ признаетъ безотвѣтными предъ Богомъ (Рим. 1, 20), такъ какъ и они могли познавать отчасти истину, добро и справедливость (Рим. 1, 10), какъ это и показали на себѣ многіе языческіе мудрецы, проповѣдывавшіе ученіе, согласное съ откровеніемъ сверхъестественнымъ. Чѣмъ же христіане будутъ оправдываться на нелицепріятномъ судѣ Божіемъ въ своемъ слѣпомъ слѣдованіи водительство общественнаго мнѣнія, когда у насъ есть всегда открытый свѣтляльникъ слова Божія и вѣ-

ры, при которомъ мы можемъ повѣрить и исправить всякое сужденіе міра о томъ, что хорошо или худо, честно или безчестно? Мы не можемъ сомнѣваться во внушеніяхъ своей совѣсти при различеніи истины и лжи, добра и зла, правды и неправды, что такъ естественно было язычникамъ: мы всегда можемъ озарить ее откровеннымъ закономъ Божиимъ, свѣтомъ молитвы и благодати Божіей. Христіане поэтому будутъ совершенно безотвѣтны предъ Богомъ въ своей жизни по духу міра сего, по мнѣніямъ и приличіямъ свѣта, а не по духу и правиламъ вѣры Христовой, неложной истолковательницей которой является во всѣ времена Церковь Христова. Ученіе Христово, воплощаемое въ живыхъ людяхъ, хранимое въ цѣлости и развиваемое въ неповрежденности, достаточно не только для опредѣленія и оцѣнки всѣхъ движеній нашего вѣка, но и всѣхъ вѣковъ грядущихъ, такъ что христіане въ этомъ отношеніи находятся при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Если же гдѣ не ученіе Христово служитъ критеріемъ истины, добра и правды, а общественное мнѣніе, тамъ, значитъ, христіанство перестаетъ интересоваться обществомъ и разсматривается лишь какъ дѣло отдѣльныхъ лицъ, тамъ, значитъ, христіанскія убѣжденія трактуются только, какъ „различные взгляды“, не имѣющіе никакого вліянія на общественную жизнь. Но такое состояніе общества подобно тому, которое имѣетъ быть, по предреченію Христа Спасителя предъ Его вторымъ пришествіемъ, когда совѣсть будетъ жить только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицахъ, а въ большей части общества потухнетъ озаряющій и согрѣвающій ее свѣтъ, когда „Сынъ Человѣческій, пришедши найдетъ ли спру на землю (Лук. XVIII, 8).

Въ какое же положеніе долженъ ставить себя по отношенію къ общественному мнѣнію истинный христіанинъ, для котораго Христосъ есть *путь, истина и животъ* (Іоан. XIV—6). Такъ какъ всѣ люди склонны къ заблужденіямъ, то ни наука человѣческая, ни познанія, ни дарованія, ни высокое общественное положеніе не могутъ служить для него ручательствомъ за истину высказываемаго мнѣнія, будь оно частное, или общественное. Но, съ другой стороны, онъ отнюдь не долженъ относиться и пренебрежительно къ

чужому мнѣнію, особенно общественному, потому что всякое мнѣніе, такъ или иначе предполагаетъ истину, прямо или косвенно ведетъ насъ къ ней, какъ и исходитъ изъ нея. Мало того. Истина, добро и справедливость, будучи въ объективномъ смыслѣ едины и неизмѣнны, въ субъективномъ не только допускаютъ, но и прямо требуютъ множества и разнообразія для себя отображеній, въ видѣ представленій, мнѣній, соотвѣтственно неодинаковому характеру, темпераменту и условіямъ жизни людей. Сравните Писанія и дѣйствія апостоловъ Петра, Іакова и Павла, и увидите, что одна и та же истина, одинъ и тотъ же лучъ благодати различно отражается въ этихъ первопрестольныхъ ученикахъ Христовыхъ, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ каждаго. Но истина отъ этого нисколько не страдаетъ, напротивъ, проявляется еще въ большемъ блескѣ и величіи, подобно солнечному лучу, который гораздо ярче сіяетъ переливными цвѣтами, когда его разлагаютъ посредствомъ свѣтоваго спектра на составные элементы.

Обыкновенно идеи истины, добра и справедливости таятся по частямъ во всей массѣ индивидуумовъ, закрываемыя нашими печалями, искажаемыя нашими заблужденіями, затмѣваемыя нашими ошибками. Но какъ бы ни была плотна груда пепла, накопляющагося въ нашихъ душахъ, замѣтьте это, священныя искры не погасаютъ и одно благопріятное духовеніе можетъ извлечь изъ нихъ свѣтъ, могущій вдругъ озарить сердца не только большаго или меньшаго кружка людей, но и цѣлаго народа. Бываютъ такіе въ исторіи человечества періоды, когда всѣ, при разнообразіи характеровъ, мыслятъ и желаютъ одного и того же, когда всѣ вдохновляются общимъ сознаніемъ и общей волей, когда каждый членъ общества проникнуть бываетъ сознаніемъ нуждъ и недостатковъ цѣлаго общества. Когда такъ бываетъ настроенъ весь народъ, тогда не только отдѣльныя личности, но и всѣ вмѣстѣ имѣютъ непосредственное отношеніе къ Богу и тогда по истинѣ гласъ народа бываетъ гласомъ Божиимъ, что особенно ясно выступаетъ въ молитвѣ Господней, въ которой одинъ молится, какъ всѣ, и всѣ, какъ одинъ, въ раздѣльномъ и совмѣстномъ общеніи. И мы вѣруемъ, что придетъ время, когда всѣ хитро-

сплетенія лжи и неправды падуть, когда истина Христова окончательно восторжествуетъ въ мірѣ, и всѣ люди единомысленно сердцемъ будутъ вѣровать и *едиными усты* выражать свою вѣру, т. е., достигнуть того единомыслія и единогласія, о которомъ пока св. Церковь только молится на литургіи, въ лицѣ пастырей. Но и теперь не одно въ мірѣ зло, хотя онъ и развращенъ, хотя, по слову апостола, онъ весь во злѣ лежитъ: онъ и при своемъ развращеніи сохраняетъ естественное чувство истины, добра и справедливости. Онъ не слѣдуетъ истинѣ, не исполняетъ добродѣтели, не соблюдаетъ справедливости, но онъ уважаетъ ихъ. Много людей лживыхъ, порочныхъ и несправедливыхъ, но не много такихъ, которые бы хотѣли казаться такими. Назовите какой-нибудь порокъ, который пользовался бы уваженіемъ всего міра и укажите хоть одну добродѣтель, которая была бы предметомъ его презрѣнія. Посмотрите, въ цѣломъ мірѣ, во всѣхъ странахъ, во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ званіяхъ; какого человѣкъ домогается мнѣнія? честнымъ ли онъ хочетъ прослыть или порочнымъ?... И доселѣ еще, какъ во времена Премудраго, одна истинная премудрость составляетъ предметъ всеобщей похвалы и уваженія (Прем. VIII, 10—13).

Конечно, въ современной мудрости нельзя найти мира и спасенія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ произведенія и завоеванія современнаго ума человѣческаго, все научное богатство, всѣ разнообразныя сокровища знанія представляли собою одно зло. Можно, конечно, сказать, что современной мудрости недостаетъ завершенія, потому что ей недостаетъ Бога; но изъ того, что извѣстному поколѣнію недостаетъ высшаго блага, еще не слѣдуетъ, чтобы оно не обладало какимъ-либо относительнымъ благомъ. Можно, конечно, сказать, что вся современная мудрость носитъ въ себѣ неразрѣшимое противорѣчіе, что вся она въ сущности есть только суета, какъ это ясно уже изъ того, что она привела лишь къ матеріализму и пессимизму. Тѣмъ не менѣе, не смотря на несомнѣнность этого положенія, цѣнность есть и въ мірѣ семъ: царство міра и его слава не есть чистая суетность и ничтожество, объ этомъ свидѣтельствуетъ само Евангеліе въ

извѣстной притчѣ о жемчужинѣ. Оно сравниваетъ въ этой притчѣ царство небесное съ купцомъ, который искалъ добрыхъ жемчужинъ, и когда нашелъ одну драгоцѣнную, то продалъ все, что имѣлъ, и пошелъ купить ее. Та собственность купца, которую онъ продалъ, состояла отнюдь не изъ простыхъ, фальшивыхъ грошей, или старыхъ лохмотьевъ, но имѣла, безъ сомнѣнія, дѣйствительную цѣнность, дѣйствительное значеніе. Евангеліе, слѣдовательно, признаетъ за падшимъ человѣкомъ, даже и въ состояніи его грѣховности, нѣкоторую собственность, дѣйствительное благо, хотя и относительное. Современная мудрость для всякаго, кто только понялъ ее достаточнымъ образомъ, во всякомъ случаѣ есть блистательное доказательство силы и богатства, которыми еще обладаетъ человѣкъ, даже и внѣ христіанства и области религіи.

Какъ же долженъ относиться христіанинъ къ этой, во многомъ отчужденной отъ Бога и Христа, современной мудрости, которая, несомнѣнно, сильно отражается, громко звучитъ въ голосѣ общественнаго мнѣнія? „Одна слава была для меня пріятна“, говоритъ св. Григорій Богословъ, отличатся знаніями, какія собрали Востокъ и Западъ и краса Еллады—Аѳины; надъ симъ я трудился много и долгое время. Но всѣ сіи познанія повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ, чтобы они уступили слову великаго Бога, которое затмѣваетъ собою всякое извитіе и многообразное слово ума человѣческаго“. *„Я все почитаю тщетою, говоритъ о себѣ ап. Павелъ, ради превосходства познанія Христа Іисуса, Господа моего (Филип. III, 8). И точно, просвѣтятся разумѣніемъ Христовымъ, ап. Павелъ отвергъ все, чѣмъ прежде могъ хвалиться. Онъ самъ говоритъ: для Него я отъ всего отказался и все почитаю за соръ, чтобы пріобрѣсть Христа. Да, св. апостоль все отвергъ, что не могло стоять вмѣстѣ съ его новымъ разумѣніемъ: отвергъ превосходство рода (еврей отъ евреевъ), знаменитость секты (по ученію фарисей), славу защитника ветхой синагоги (по ревности гонитель церкви Божіей); отвергъ и свое прежнее знаніе Писаній, т. е., фарисейское, какъ противное знанію истинному, отвергъ и правду законную, чтобы принять оправданіе Христово. Но не отвергъ*

ап. Павелъ, или лучше, самъ Господь въ немъ оставилъ, оживотворилъ, освятилъ все то, что могло быть обращено въ пользу вѣры и во славу Христову. Такъ, знаніе Писаній въ немъ осталось, но уже не фари́сейское: оно возродилось и соединилось съ тѣмъ духомъ Христовымъ, который дышетъ во всѣхъ апостольскихъ посланіяхъ. Осталась и ревность по правдѣ, но также не фари́сейской, и оживленная благодатію содѣлала Павла столь-же ревностнымъ блюстителемъ и поборникомъ вѣры Христовой, сколько прежде, съ именемъ Савла, былъ онъ ревностнымъ врагомъ ея. Таково же должно быть и наше отношеніе къ мудрости вѣка сего.

Задача, которую такимъ образомъ ставитъ намъ современная мудрость съ своими плодами, состоитъ не въ томъ только, чтобы относиться къ ней критически и съ осужденіемъ, но равнымъ образомъ и въ томъ, чтобы усвоить ее себѣ, и развивать въ виду своего назначенія. Должно, говоритъ св. Василій Великій, бесѣдовать... со всякими людьми, отъ которыхъ можно ожидать какой либо пользы для образованія души, но не должно слѣдовать за ними, говоритъ тотъ же св. отецъ, куда они ни поведутъ, напротивъ, заимствуя у нихъ все, что есть полезнаго, надобно умѣть иное и отбросить (Твор. св. отц. Т. VIII, ч. 4, 1846 стр. 345). Ибо стыдно будетъ для насъ, если мы, умѣя отвергать вредную для тѣла пищу, не будемъ дѣлать никакого разбора въ томъ, что питаетъ душу; но, подобно весеннему потоку, увлекаая за собою все встрѣчающееся, будемъ нагружать тѣмъ душу (стр. 356). Со всякимъ охраненіемъ надобно оберегать душу, чтобы, находя удовольствіе въ словахъ, незамѣтно не принять чего-нибудь худого. Въ этомъ случаѣ св. Василій Великій представляетъ въ примѣръ пчелъ. „Какъ въ цвѣтахъ“, говоритъ онъ, другіе любятъ только пріятнымъ запахомъ или красивымъ видомъ, а пчелы собираютъ съ нихъ еще и медъ: такъ и здѣсь, кто гоняется не за одною сладостью и пріятностью рѣчей, тотъ можетъ застисъ изъ нихъ и нѣкоторою пользою. Пчелы не на всѣхъ цвѣтахъ равно останавливаются, не силятся уносить съ собою цѣлыми тѣ цвѣты, на кои садятся; но, собравъ съ нихъ то, что нужно имъ для ихъ работы, прочее оставляютъ. Такъ и мы,

если благоразумны и цѣломудренны, будемъ выбирать изъ бесѣдъ съ людьми только нужное для себя и согласное съ истиною, а прочее оставлять безъ вниманія (стр. 349). Если кормчій не полагается безразсудно на вѣтры, но направляетъ корабль къ пристани; стрѣлокъ бросаетъ стрѣлу въ цѣль, мѣдникъ и плотникъ стремятся къ концу своего искусства: то согласно ли съ разумомъ, если мы оказываемся хуже даже этихъ рабочихъ, хотя и можемъ вѣрно усматривать цѣль своей жизни? Если же всякое произведеніе ремесленниковъ имѣетъ какую-нибудь цѣль, то ужели одна жизнь человѣческая не имѣетъ цѣли, сообразно съ которою долженъ говорить и дѣйствовать тотъ, кто не хочетъ совершенно уподобиться безсловеснымъ? Или души наши, не управляемая кормиломъ ума, должны, подобно нагруженнымъ кораблямъ, по произволу, безъ всякой цѣли, носиться сюда и туда по волнамъ жизни. Нѣтъ, мы должны поступать такъ же, какъ борцы или музыканты, которые занимаются именно тѣмъ, за что намѣреваются получить награду, такъ что усовершенствующійся въ борьбѣ, отнюдь уже не будетъ упражняться въ игрѣ на лирѣ или на свирѣли“ (стр. 356)... *Возлюбленные!* пишетъ св. Іоаннъ Богословъ, *не всякому духу вѣрйте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ міръ* (1 Іоан. IV—1). *Кто хочетъ творить волю Божію, говоритъ Самъ Христосъ Спаситель, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно* (Іоан. XVII, 17). *Все испытывайте, хорошаго держитесь, заповѣдуетъ ап. Павелъ* (1 Сол. V, 21).

По этому всякому ученому и общественному дѣятелю должна быть воздаема нами подобающая честь, если онъ со скромнымъ сознаніемъ человѣческой ограниченности и благожелательствомъ предлагаетъ свои взгляды, для пользы общества; но только по всестороннему обсужденію и продолжительному опыту подобные взгляды должны быть возводимы на степень несомнѣнной истины, служащей ко благу человечества. Если же вы слышите въ устной бесѣдѣ, или въ печати недавно гдѣ-либо зародившіяся мысли, многими принимаемая съ восторгомъ, и предлагаемая вамъ за чистыя истины во имя науки или всесвѣтныхъ человѣческихъ авторитетовъ, и при-

томъ съ гордостью, самоувѣренностью и обличеніемъ васъ „въ невѣжествѣ“,—вспоминайте фарисеевъ, которые говорили о народѣ, вѣровавшемъ во Христа: *народъ невѣжда въ законъ, проклятъ онъ*. Народъ не могъ тогда, конечно, спорить съ своими учителями, этими учеными и властными мужами, хотя и чувствовалъ, что истина на его сторонѣ. Только однажды слѣпорожденный, получивши отъ Господа исцѣленіе, поразилъ этихъ учителей силою своего здраваго смысла; на слова фарисеевъ: *мы знаемъ, что съ Моисеемъ говорилъ Богъ, а сего, (Иисуса Христа) мы не знаемъ, откуда онъ*, слѣпорожденный отвѣчалъ: *это и удивительно, что вы не знаете, откуда Онъ, а Онъ отверзъ мнѣ очи* (Іоан. IX, 29—30). Такъ и мы должны въ подобныхъ случаяхъ обращаться къ собственному чувству истины и справедливости, къ своему или чужому здравому смыслу, если только онъ не затемненъ предвзятыми взглядами и мнѣніями, вытекающими изъ отвлеченныхъ идей и ученій. Не слѣдуетъ кому бы то ни было слишкомъ полагаться на свои научныя познанія и соображенія, состоящія нерѣдко на служеніи у порочнаго сердца, а слѣдуетъ присматриваться и прислушиваться къ простымъ людямъ, которые, не зная науки, бываютъ однако же крѣпки здравымъ смысломъ и мудры опытомъ. Тѣмъ болѣе это имѣетъ значеніе въ отношеніи простыхъ людей изъ христіанъ, составляющихъ Церковь Божию, руководимыхъ Божіею благодатію, слѣдовательно, имѣющихъ духовный вкусъ и чувство истины и правды еще въ большей степени, чѣмъ составлявшій церковь ветхозавѣтную, народъ Іудейскій, такъ вѣрно угадавшій, въ лучшей своей части, во Христѣ своего обѣтованнаго Мессію. Что же составляетъ, спросятъ иные, достоинство мнѣнія этого „невѣжды въ законѣ“, какъ говорили о народѣ фарисей? То, что большею частію присуще бываетъ собственно народному мнѣнію: прямота, искренность и внутренняя честность, при внѣшней темнотѣ, неточности и неопредѣленности. Вотъ почему никому и не слѣдуетъ свысока относиться къ простому народу, а должно вникать въ его мысли и думы, прислушиваться къ біенію его сердца, которое обыкновенно испытываетъ беспокойство и тревогу, когда вводятся въ общество соблазны.

Сколько случаевъ представляетъ опытъ, когда слово простаго, повидимому, человѣка наводило на раздумье самыхъ многоученыхъ людей и обращало на путь спасенія! Рѣшительными же цѣнителями, окончательными судьями истиннаго значенія распространяемыхъ въ обществѣ новыхъ взглядовъ, должны служить для христіанъ во все время „слуги Христовы, строители тайнъ Божіихъ“ (1 Кор. IV—1); пастыри, которыхъ Христосъ Спаситель уполномочилъ, въ лицѣ апостоловъ, быть проповѣдниками, хранителями и защитниками Его святой истины. Для царей древней Іудеи голосъ пророковъ являлся наиболѣе яснымъ и сильнымъ выразителемъ народныхъ воззрѣній. Съ другой стороны, представляется вполне естественнымъ, чтобы пророки имѣли рѣшающее вліяніе на развитіе и укрѣпленіе народнаго мнѣнія. Самъ Христосъ Спаситель, спросилъ у апостоловъ, для утвержденія ихъ въ вѣрѣ: *за кого люди почитаютъ меня, Сына Человѣческаго*, и выслушавъ о Себѣ мнѣніе лучшей части народа, окончательный отвѣтъ предоставилъ дать апостоламъ: *Вы же за кого Меня почитаете?* спрашиваетъ ихъ наконецъ Господь.

Но такъ ли у насъ бываетъ? Кто теперь спросить и послушаетъ своего батюшку, когда среди такъ называемыхъ передовыхъ людей, идущихъ во главѣ общественнаго мнѣнія, дурнымъ тономъ признается разногласіе съ кѣмъ бы то ни было, расходиться въ словѣ и дѣлѣ, особенно по вопросамъ вѣры и нравственности? Не скорѣе ли найдутся люди, которые съ нескрываемымъ удовольствіемъ станутъ, слушать всякія рѣчи противъ своего отца духовнаго, вѣрить всякой самой гнусной клеветѣ на служителей церкви, распускаемой словесно или печатно. Добрый сынъ Церкви долженъ бы или заградить уста злоязычному строгимъ обличеніемъ или, по крайней мѣрѣ, отворотить отъ клеветника свой слухъ и наказать его молчаніемъ и взоромъ состраданія. Но изъ за столь уважаемой въ обществѣ терпимости, которая является тождественною съ терпѣніемъ заблужденія и въ сущности есть только прикрытая трусость, мы часто выслушиваемъ клевету съ величайшимъ участіемъ и вниманіемъ, а иногда, въ угоду клеветнику, присоединяемъ и свой голосъ. О если бы мы были болѣе внима-

тельны къ себѣ, если бы всякій разъ съ полною строгостью оцѣнивали подлинныя побужденія многихъ нашихъ отношеній къ ближнимъ, то не разъ, а можетъ быть постоянно, даже по совершеніи; видимо, добраго дѣла, намъ пришлось бы слышать обличительный голосъ совѣсти: *лобзаніемъ ли Сына Человѣческаго предаеши* (Лук. XXII, 48). Не однажды, какъ апостолу Петру, а всю жизнь, быть можетъ, пришлось бы намъ плакать горько (Лук. XXII, 62), такъ какъ нерѣдко до самой постыдной измѣны Христу Спасителю увлекаетъ васъ это слишкомъ далеко простираемое бонтонное желаніе ни съ кѣмъ не разногласить и быть въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всѣмъ свѣтомъ. И, что опаснѣе всего, эта ложная терпимость, эта крайняя угодливость, нерѣдко носить на себѣ признаки истинной, имѣетъ столько видимаго съ нею сходства, что самый благомыслящій человѣкъ можетъ страшно ошибаться насчетъ ея, если не озаряетъ его свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всякаго человѣка. Въ предосторожность отъ такого заблужденія, пагубнаго и для временнаго нашего благополучія и для вѣчнаго спасенія, мы всегда должны помнить, какъ далеко простирается обязательная сила христіанскаго угожденія.

Правда, любовь къ ближнему обязываетъ насъ всячески угождать ему; но эта высочайшая добродѣтель не можетъ, конечно, внушать намъ угоженій преступныхъ. Послушаемъ, какъ объ этомъ учитъ апостоль языкъ. *Каждый изъ васъ, говоритъ онъ римлянамъ, долженъ угождать ближнему во благо къ назиданію* (XV, 2). Но къ Галатамъ Онъ писалъ: *если бы я и понималъ угождалъ людямъ, то не былъ бы рабомъ Христовымъ*. Здѣсь св. ап. Павелъ, конечно, не противорѣчитъ себѣ и не постановляетъ въ различныя времена противорѣчивыя правила. Нѣтъ. Духъ Святой, Который говорилъ его устами, предохранилъ его отъ всякихъ несообразностей и противорѣчій. Но въ этихъ двухъ посланіяхъ великій апостоль говоритъ о двухъ совершенно различныхъ предметахъ. Въ первомъ мѣстѣ онъ внушаетъ одинъ образъ угожденія ближнему, а въ послѣднемъ осуждаетъ другой.

Можно угождать ближнему или для него или для себя; можно имѣть въ виду или благо тѣхъ, кому угождаемъ, или собствен-

ныя выгоды. Такимъ образомъ, кто желаетъ угождать другому, тотъ имѣетъ побужденіемъ къ тому или любовь или самолюбіе. Первое изъ этихъ началъ сообщаетъ всѣмъ поступкамъ, какіе оно внушаетъ, характеръ благородства, чистоты и святости, второе кладетъ на всѣ дѣйствія, въ которыхъ выражается, печать низости, нечистоты и порока. Апостоль Павель представляетъ намъ въ своемъ лицѣ образецъ самыхъ безкорыстныхъ и самыхъ тонкихъ угожденій, къ какимъ только способна истинная любовь. Совершенно свободный по своему состоянію, онъ дѣлался рабомъ для всѣхъ: съ іудеями былъ іудеемъ, съ язычниками язычникомъ; для чего же это?—для того, чтобы тѣхъ и другихъ приобрести Богу. Съ слабыми онъ и себя показывалъ слабымъ; для чего же—чтобы обратить ихъ къ вѣрѣ. Онъ для всѣхъ былъ всѣмъ; это для чего?—чтобы всѣхъ спасти. Что онъ ни дѣлалъ, все это для Евангелія, для успѣшнѣйшаго распространенія вѣры Христовой (1 Кор. IX, 10). Онъ и насъ убѣждаетъ любить всякаго человѣка, быть ему добрымъ сосѣдомъ и согражданиномъ, помогать ему въ нуждѣ, служить всѣмъ, чѣмъ можемъ „Дѣлите съ ними“, такъ убѣждаетъ онъ насъ, ихъ радости и печали; входите въ ихъ чувствованія (Рим. XII, 15—16); предупреждайте ихъ вашимъ уваженіемъ. Вотъ благоприличія жизни общественной и вмѣстѣ добродѣтели христіанскія. Но гдѣ начинаются требованія вѣры и нравственности, тамъ должно оканчиваться наше угожденіе, тамъ внутренній міръ нашъ долженъ быть не для всякаго открытъ и доступенъ. Излишне, кажется, доказывать это; ибо какой христіанинъ не убѣжденъ въ томъ, что должно повиноваться Богу болѣе, нежели людямъ, что ни изъ какихъ видовъ, не слѣдуетъ жертвовать истиной, добромъ и правдой, ради того или другого человѣка. Но угожденіе перестаетъ быть для насъ обязательнымъ и въ такихъ случаяхъ, которые сами по себѣ позволительны, даже имѣютъ добрую сторону и только въ приложеніи къ особеннымъ обстоятельствамъ могутъ оказываться дурными и производить зло.

Уступчивость, напр., есть, безъ сомнѣнія, добродѣтель прекрасная. Не безъ основанія говорятъ: умный уступаетъ. Но это умное выраженіе не во всѣхъ отношеніяхъ справедливо.

Тамъ, гдѣ нужно обуздать тщеславіе, сокрушить дерзость, сломить упорство, унижить надменность, смирить гордость, тамъ мы должны, даже въ самыхъ маловажныхъ предметахъ, стоять твердо за правду, утѣшая себя тою благою мыслию, что въ такихъ случаяхъ, правильно говоря, мы оказываемъ ближнему ббльшую услугу, когда не оказываемъ никакой.

Достохвальна также снисходительность. Мы сами всего чаще нуждаемся въ снисхожденіи ближнихъ: какъ же не быть и намъ снисходительными къ ихъ слабостямъ? Но гдѣ благотворныхъ и спасительныхъ послѣдствій можно ожидать только отъ строгости, тамъ снисходительность—порокъ. Подумайте, какой отвѣтственности мы подвергаемся, когда своею снисходительностью ободряемъ легкомысліе, способствуемъ къ полному забвенію долга и проч. Подумайте, что даже тѣ самые, которымъ мы поблажаемъ и потворствуемъ, когда нибудь могутъ воздать намъ ненавистью и проклятіемъ за наше пагубное добродушіе.

Милосердіе, безспорно, одна изъ высокихъ добродѣтелей христіанина. И однакоже каждый согласится, что и касательно этой добродѣтели есть мудрыя правила, которыхъ не должно терять изъ виду. Доброхотно дающаго, говорится въ Свящ. Писаніи, любить Богъ (2 Кор. IX—7), но, конечно, не безразсуднаго. Есть люди, которые не хотятъ развить и употребить какъ должно, ни одной изъ силъ, дарованныхъ Богомъ, только потому, что они надѣются на наше добродушіе, которымъ они злоупотребляютъ и которое постоянно усиливаетъ и питаетъ въ нихъ страсти. Въ такихъ случаяхъ суровость часто бываетъ благодѣяніемъ и рѣшительный отказъ—добродѣтелью. Къ тому же, оказывая помощь нуждающимся, христіанинъ въ особенности долженъ помогать тѣмъ, кои связаны съ нимъ узами вѣры и крови. *Будемъ дѣлать добро вѣрнѣ,* говоритъ апостоль, *и наипаче своимъ по вѣрнѣ* (Гал. VI, 10); *если же кто о своихъ,* говоритъ тотъ же апостоль, *въ другомъ мѣстѣ, и въ особенности о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго* (1 Тим. V—8). Между тѣмъ въ свѣтѣ милосердіе проявляется безотчетно и чаще всего, въ качествѣ выраженія торопливаго желанія, такъ сказать,

успокоить нервы, раздраженные зрѣлищемъ страданія, нерѣдко только мнимаго. Таковы границы истинно христіанскаго угожденія, т. е. угожденія, побужденіемъ къ которому служитъ любовь, а цѣлью—благо ближняго.

Но есть угожденіе ложное, проистекающее не изъ любви къ ближнему, а изъ самолюбія, и имѣющее цѣлью не благо ближняго, а пріобрѣтеніе себѣ похвалы, или избѣжаніе осужденія. Оно есть низкое, рабское чувство души, заставляющее дѣйствовать часто вопреки совѣсти, только изъ одного желанія стяжать себѣ одобреніе, или избѣгать насмѣшекъ. Этого рода угожденіе, которымъ такъ удачно пользуется общественное мнѣніе, для подчиненія насъ своему вліянію, не только порочно по своему источнику, но и совершенно несостоятельно по своей цѣли.

Конечно, мы должны заботиться о томъ, чтобы сдѣлать себя достойными добраго мнѣнія, или чести, которая, несомнѣнно, есть благо, хотя и относительное. Честь—благо, потому, что составляетъ важное условіе нашей дѣятельности, при усгроеніи чего-либо среди людей, а также и потому, что человѣкъ имѣетъ потребность встрѣтить признаніе своей дѣятельности со стороны другихъ, потребность быть уважаемымъ. Не отвергаетъ чести самъ ап. Павелъ, напротивъ, онъ даже защищаетъ себя, напр., отъ нападавшихъ на его служеніе и желавшихъ унижить его во мнѣніи другихъ. *Для меня лучше умереть, говорить онъ, нежели, чтобы кто уничтожилъ мою похвалу* (1 Кор. IX, 19). Но это—честь не внѣшняя только (почетъ), а и внутренняя (достоинство), вполне совпадающая съ долгомъ, съ служебнымъ правомъ и авторитетомъ апостола. Съ другой же стороны, тотъ же апостоль, указывая на безконечно относительное значеніе внѣшней чести, къ которой такъ стремятся рабы людскаго мнѣнія, на ея непостоянство и крайнюю измѣнчивость, не менѣе рѣшительно говоритъ: *для меня очень мало значить, какъ судите о мнѣ вы, или какъ судятъ другіе люди; судія же мнѣ Господь* (1 Кор. IV, 3—4). Въ отношеніи къ земнымъ, лишь кажущимся почестямъ, для него не важно подлежать суду со стороны людей, такъ какъ главное для него имѣть честь предъ Богомъ. Посему, съ

христіанской точки зрѣнія, только долгу можетъ принадлежать безусловное значеніе, и тамъ, гдѣ честь сталкивается съ долгомъ, необходимо жертвовать первою ради послѣдняго, умирая или угасая во мнѣніи людей, или оставляя въ ихъ представленіи искаженное отображеніе своей личности. Когда первосвященники и книжники потребовали отъ апостоловъ Петра и Іоанна, чтобы они не говорили и не учили объ Іисусѣ Христѣ, апостолы сказали имъ въ отвѣтъ: *судите, справедливо-ли васъ слушатъ болѣе, чѣмъ Бога* (Дѣян IV, 19). Здѣсь средняго ничего не должно быть: мы служимъ не двумъ господамъ, а одному Господу; есть одна только воля, которая да будетъ и на землѣ, какъ на небѣ, въ вещахъ небесныхъ и земныхъ. Да никто и не можетъ, по словамъ Писанія, служить двумъ господамъ (Мѡ. VI, 24). Кто хочетъ быть другомъ міру, говоритъ апостоль Іаковъ, тотъ становится врагомъ Богу (IV, 4). Въ самомъ дѣлѣ, если-бы мы, не желая липиться чести у людей, стали сообразовать свои поступки съ мнѣніемъ людей, съ требованіями духа времени, съ его мѣркою для того, что заслуживаетъ почета, то мы никакъ не могли бы сообразоваться съ тѣмъ, чего требуетъ отъ насъ божественная воля: *какъ вы можете въроватъ, говорить Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, когда другъ отъ друга принимаетъ славу, а славы, которая отъ Единого Бога, не ищете* (V, 44).

Но, допустимъ, вы не боитесь лишиться чести у Бога, уповая на Его долготерпѣніе и безконечную милость; вы страшитесь потерять ее у міра, который ни на мвнуту не терпитъ измѣны себѣ и не падитъ своихъ бѣглецовъ. Не вадѣйтесь: вы не имѣете никакихъ средствъ избѣжать того несчастія, котораго вы такъ страшитесь. Поставьте себя въ какое угодно положеніе, изберите какой угодно родъ жизни,—и вы нигдѣ не укроетесь отъ обвинителей и порицателей вашего поведенія. Невозможно, чтобы тамъ, гдѣ находится такая удивительная противоположность предразсудковъ, склонностей, выгодъ, желаній и страстей, не было противорѣчія между сужденіями и толками. И нельзя не признать, что люди, вообще говоря, составляютъ другъ о другѣ лишь крайне неудачныя представленія, и что есть громадное различіе между тѣмъ, что такое:

человѣкъ самъ по себѣ, и тѣмъ, какъ во мнѣніи другихъ людей отражается образъ его личности. Слыханное ли дѣло, чтобы кто-нибудь изъ людей успѣлъ заслужить всеобщія похвалы и избѣгнуть порицаній? Самъ Богочеловѣкъ какимъ не подвергался противорѣчіямъ, клеветамъ и обвиненіямъ человеческой злобы! Враги Его распространяли о Немъ мнѣвіе, какъ о самозванномъ учителѣ, льстящемъ народу, отвергающемъ законъ Моисеевъ и отеческія преданія, совершающемъ чудеса силою бѣсовскою и опасномъ возмутителѣ народа противъ существующихъ властей. Посему, честь и уваженіе, какими христіанинъ пользуется у людей, онъ долженъ имѣть, какъ бы не имѣющій ихъ, будучи всегда готовымъ умереть или угаснуть въ представленіи людскомъ. Имѣя въ виду исторію страданій Христа Спасителя, мы должны при всякомъ „осанна“ представлять себѣ въ умѣ и соотвѣтственное „распи Его“, при всякой славѣ, при всякомъ знакѣ почтенія, какими мы пользуемся, должны мы слышать мысленно и соотвѣтственное порицаніе и насмѣшки, слѣдующія за нами по пятамъ. Народъ убѣжденъ былъ въ чистотѣ и святости Того, Кого одни почитали за Іоанна Крестителя, другіе за Ілію, а иные за Іеремію или за котораго—нибудь изъ пророковъ; даже разбойники, бродившіе въ горахъ Палестины, знали, что Онъ *ни единаго зла сотвори* (Лук. XXII, 41). Но тѣмъ не менѣе, мнѣніе враговъ Христа Спасителя, поддерживаемое властью, насиліемъ, подкупомъ и клеветою, достигло, какъ извѣстно, того, что тотъ самый народъ, который нѣсколько дней тому назадъ не зналъ границъ восторга, взывая: „осанна, осанна!“ нынѣ выходитъ изъ всякихъ предѣловъ, крича въ ярости: „распи, распни Его!“ Вотъ почему тѣмъ, кои желаютъ быть учениками и служителями Христа Спасителя, надлежитъ быть готовыми идти по тому пути, который поведетъ ихъ между честью и стыдомъ, между добрыми и злыми слухами. Апостоль Павелъ предрекаетъ эту участь всѣмъ праведникамъ, когда говоритъ: *есть, желающіе жить благочестиво во Христѣ Іисусѣ, будутъ гонимы* (2 Тим. III, 12). И такой земной жребій истинныхъ послѣдователей Христовыхъ нисколько не долженъ смущать васъ, но еще, напротивъ ободрять можетъ насъ на-

деждою, что мы на правомъ пути находимся. *Если міръ васъ ненавидитъ*, говоритъ Господь, *знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ* (Іоан. XV, 18). Знать это для насъ утѣшительно потому, что міръ, ненавидящій вѣрныхъ слугъ Христовыхъ, старается придать своей ненависти такой видъ, будто онъ не за Христа противъ нихъ враждуетъ, а осуждаетъ ихъ, какъ не истинно Христовымъ путемъ идущихъ. Образъ мыслей и жизни, управляемый христіанскими началами и потому не такой чувственный и разсѣянный, какой любятъ въ мірѣ, міръ называетъ неразумною строгостью, преувеличеніемъ горячихъ головъ, простоту и смиреніе—малостью и пизостью духа или скупостью, расположеніе къ духовнымъ упражненіямъ и жизни созерцательной—склонностью къ мечтательству или лицемѣріемъ, ревность по вѣрѣ,—фанатизмомъ, прощеніе обидъ—слабостью характера, уединеніе отъ общества—нелюдимостью. Но когда мы знаемъ, что и Христу Спасителю, при Его Божественныхъ дѣлахъ и ученіи, не разумѣвшіе таинствъ Божества и спасенія, говорили: *какія странныя слова!* (Іоан. VI, 60), *кто это, который богохульствуетъ?* (Лук. V, 21), онъ одержимъ бѣсомъ и безумствуетъ (Іоан. X, 20): тогда укоризны міра перестаютъ быть для насъ странными, потому что уподобляютъ путь нашъ пути Христову, и мы должны поэтому относиться къ нимъ съ терпѣніемъ и чистой совѣстью, какъ къ дѣлу не новому. Къ тому же Христосъ Спаситель увѣряетъ насъ, что поношеніе людей будетъ для насъ источникомъ одного изъ вѣчныхъ блаженствъ (Мѡ. V, 11). Всякое незаслуженное униженіе, которому міръ будетъ подвергать насъ, сдѣлается для насъ новымъ правомъ на славу. Каждый ударъ, который нанесутъ нашей чести, спокойствію и благосостоянію, подвигнетъ насъ ближе къ небу, гдѣ, по выраженію одной церковной пѣсни, долженъ быть *край* всѣхъ нашихъ *желаній*. Настанетъ же, наковецъ, не разъ предвозвѣщенный день воздаянія, когда всѣ предстанутъ предъ Судницею Христовою, гдѣ непризнанные и неизвѣстные всетаки будутъ признаны (2 Кор. VI, 8), тогда каждому будетъ похвала отъ Бога (1 Кор. IV, 5). Но часто, по устроенію Провидѣнія, это признаніе происходитъ и похвала воздается и здѣсь, на землѣ. Міръ

чувствуетъ нѣкоторую почтительную боязнь къ твердой добродѣтели, которая осмѣливается отказать ему въ томъ, чего онъ не вправѣ отъ нея требовать. Онъ въ сущности никого столько не уважаетъ, сколько тѣхъ, которые имѣютъ смѣлость противиться ему, и подъ конецъ начинаетъ слѣдовать тѣмъ, кого въ началѣ отвергалъ. Греки убиваютъ Сократа, потомъ превозносятъ его славу и въ честь его воздвигаютъ статуи. Руками іудеевъ челоуѣчество пригвозждаетъ къ древу Іисуса изъ Назарета, потомъ, по зову нѣсколькихъ лодочниковъ и нѣкоего дѣлателя палатокъ, оно приходитъ въ движеніе и идетъ вслѣдъ за Распятымъ. Поэтому, всякій благонамѣренный служитель истины, добра и правды да утѣшается мыслию, что доколѣ въ мірѣ не угаснетъ совѣсть и не изсякнетъ духъ Христовъ, всякій благонамѣренный дѣятель, рано или поздно, но непременно будетъ оцѣненъ по достоинству, и слово его, хотя бы онъ былъ и одинокъ, въ концѣ концовъ перевѣситъ во вниманіи и сочувствіи лучшей части народа громкія вѣщанія цѣлаго полка книжниковъ и фари́сеевъ, которыми такъ богато современное такъ называемое образованное общество.

Мѡ. Соколовъ.

Николай Яковлевич Гротъ (1852 † 1899 г.) и его философскіе труды.

(Продолженіе *).

Г л а в а II.

Второй (идеалистическій) періодъ философской дѣятельности Грота (1885—1894). „Дж. Бруно и пантеизмъ“, „Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно“; „О душѣ въ связи съ ученіемъ о силѣ“; „Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“; „Что такое метафизика“.

„Классификація наукъ“ была послѣднимъ произведеніемъ, въ которомъ симпатіи Грота примыкали еще къ тѣмъ направленіямъ¹⁾, которыми онъ сочувствовалъ въ своей молодости (позитивизму и эволюціонизму). Но вскорѣ же за этой статьёй являются новыя произведенія, въ которыхъ симпатіи Грота окончательно уже наклоняются въ другую сторону. Эти сочиненія: „Дж. Бруно и пантеизмъ“ и „Задачи философіи, въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно“. Къ какимъ воззрѣніямъ и какимъ путемъ пришелъ авторъ въ этихъ своихъ сочиненіяхъ, мы постараемся опредѣлить и выяснитъ теперь же, основываясь преимущественно на его собственныхъ словахъ. Гротъ, по его словамъ, все еще колебался, признать или не признать независимую (въ природѣ) отъ нашихъ чувствъ субъективную внутреннюю цѣну вещей. Но разборъ содержанія *искусства* покончилъ съ этими колебаніями. Выходя изъ того положенія, что

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 15.

1) См. объ этомъ цитируемую уже нами статью Грота: „О задачахъ и направленіяхъ моей философіи“.

есть такія произведенія искусства, красота которыхъ никѣмъ не оспаривается и никогда не испаряется (хотя бы напр. красота такихъ созданій, какъ Мадонна Рафаэля), Гротъ дѣлаетъ тотъ справедливый выводъ, что во всѣхъ личныхъ и относительныхъ чувствахъ эстетическихъ есть какой-то неличный остатокъ. Слѣдовательно, есть красота и внѣ чувства красоты; иначе, спрашиваетъ нашъ мыслитель, отчего бы люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій и воззрѣній на вещи, но съ одинаковымъ эстетическимъ развитіемъ, поражались красотой нѣкоторыхъ художественныхъ типовъ и признавали ее (красоту) безусловною? Безъ сомнѣнія, есть красота (а также и безобразіе, какъ противоположность ея) внѣ чувствъ красоты и безобразія, которыя въ насъ суть только орудія познанія соответствующихъ сторонъ объекта. Но если въ насъ есть развивающееся чувство красоты, то само собою слѣдуетъ, что и въ природѣ есть такое свойство, или состояніе или отношеніе, которое называется красотой. Но чувства красоты и безобразія суть чувства удовольствія и страданія; слѣдовательно, заключаетъ Гротъ, и вообще чувства удовольствія и страданія имѣютъ цѣну не только личную, но и общую. Отсюда же нашъ мыслитель дѣлаетъ новый рядъ такихъ выводовъ: философія сродни искусству; чувство красоты, эстетическое чувство—параллельно чувству добра, нравственному чувству. Если есть красота, то есть и добро—внѣ относительной, личной оцѣнки. Добро есть такой же законъ природы, какъ и красота, добро есть такое же внутреннее свойство вещей, какъ и красота. Но красота и добро суть свойства, оцѣниваемые сознаниемъ. Если въ природѣ существуютъ независимо отъ нея—красота и добро, то есть въ ней и сознание, которое ихъ постигло, оцѣнило, создало и дало людямъ средства познавать ихъ при посредствѣ чувствъ.

Ко всѣмъ указаннымъ мыслямъ Гротъ пришелъ, прежде всего, подъ вліяніемъ изученія сочиненій Джордано Бруно. Бруно первый далъ ему философскую идею „сознанія вселенной“, безъ которой красота и добро были бы только пустыми звуками; благодаря Дж. Бруно, онъ понялъ, что если чрезъ-

свое чувство мы можемъ познать свою и чужую (другихъ людей и существъ) субъективную, внутреннюю жизнь, то черезъ то же чувство мы можемъ познавать и внутреннюю жизнь и смыслъ жизни вселенной. Будучи убѣждаемы черезъ свое самосознаніе въ существованіи личнаго сознанія у другихъ существъ, мы въ правѣ быть убѣжденными и въ существованіи личнаго сознанія и у цѣлаго организма вселенной. А это убѣжденіе, по воззрѣнію нашего мыслителя, является уже зерномъ, зачаткомъ понятія о Богѣ.

Всѣ эти мысли находятся въ вышеупомянутомъ сочиненіи Грота: „Дж. Бруно и пантеизмъ“. Для большаго ознакомленія съ міровоззрѣніемъ нашего мыслителя, мы приведемъ наиболѣе характерныя мысли изъ этого его произведенія.

Свою статью о „Дж. Бруно и пантеизмѣ“ Гротъ начинаетъ съ указанія того, какія въ настоящее время господствуютъ среди культурнаго человѣчества міровоззрѣнія. Онъ находитъ, что въ необразованной массѣ господствуетъ абсолютный и крайне грубый дуализмъ, т. е., ученіе о безусловной двойственности началъ всего сущаго. Въ образованномъ же обществѣ абсолютный монизмъ, т. е., ученіе о единствѣ—всѣхъ началъ въ природѣ, теорія матеріи—силы. Абсолютный дуализмъ логически ведетъ къ теоріи фатализма; абсолютный же монизмъ приводитъ къ теоріи случая и нравственной необходимости. Является вопросъ: какъ же выйти изъ этихъ двухъ противоположныхъ и одинаково крайнихъ міровоззрѣній современной намъ эпохи? Нашъ мыслитель рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что истина находится въ синтезѣ монизма и дуализма, въ доктринѣ монодуалистической. Шире и правильнѣе всего эта доктрина раскрывается въ пантеистическихъ міровоззрѣніяхъ. Пантеизмъ же бываетъ 3-хъ видовъ: во 1-хъ пантеизмъ эманационный, признающій міръ истеченіемъ изъ Божества; во 2-хъ пантеизмъ имманентный, по которому идея Бога сливается съ идеею всеобщей души, по коему въ міровъ, составляющихъ безконечную вселенную, нѣтъ Бога, какъ особаго личнаго сознанія; и въ 3-хъ пантеизмъ синтетическій, стремящійся примирить предположенія имманентности и транс-

цендентности Божества; идею Бога, какъ начала жизни и какъ личнаго безконечнаго сознанія вселенной. Этотъ видъ пантеизма является какъ бы продуктомъ сліянiя идеи безконечности вселенной и разумной цѣлесообразности бытія. Какъ таковой, этотъ видъ только однажды проявился въ чистомъ своемъ видѣ въ эпоху возрожденiя, въ философіи Дж. Бруно, у котораго пантеизмъ является настоящимъ монодуализмомъ, примиренiемъ единства и двойственности началъ во вселенной, примиренiемъ религіознаго и научнаго воззрѣній на міръ. Нашъ мыслитель далѣе въ своей статьѣ и выясняетъ это значеніе пантеизма. Наука по своему существу всецѣло матеріальна и монистична; религіозное же воззрѣніе оказывается чисто духовнымъ и неизбѣжно дуалистическимъ міровоззрѣніемъ, такъ какъ оно противопоставляетъ Бога веществу, духъ—тѣлу. Изъ такого противоположнаго характера науки и религіи естественно является вопросъ: насколько религія и наука могутъ допустить синтезъ этихъ двухъ противоположныхъ воззрѣній на міръ въ философіи? Нашъ мыслитель находитъ, что онѣ могутъ допустить этотъ синтезъ, такъ какъ религія, основывающая свое воззрѣніе на дуализмъ,—не отвергаетъ и монизмъ, ибо она признаетъ единаго Бога въ основѣ жизни вселенной, признаетъ взаимодействіе духовнаго и матеріальнаго началъ, объяснимое только извѣстною ихъ конечною однородностью, дифференціаціею изъ одной общей основы: на заднемъ фонѣ всѣхъ религіозныхъ дуалистическихъ воззрѣній мы усматриваемъ монизмъ,—ученіе о единствѣ всего сущаго, по единой первоосновѣ. Но точно также и наука нисколько не безусловно враждебна дуализму, ибо она признаетъ за предѣлами явленій нѣчто недоступное ея анализу: на заднемъ фонѣ науки можно, въ свою очередь, усмотрѣть молчаливое признаніе дуализма, двусторонности сущаго. Истинная наука не только не отрицаетъ бытія самого въ себѣ, внѣ феноменальнаго существованія, но напротивъ, принципiально допускаетъ необъяснимость самой загадки бытія путемъ приемовъ познанія научнаго. Считая своимъ объектомъ матерію и силу, истинная наука сознается, что не знаетъ, что такое жизнь и сознаніе, откуда

явилась жизнь въ существахъ органическихъ, откуда взялись первоначальные элементы матеріи. Наука не можетъ знать, откуда взялся міръ, сопряжено ли развитіе міра съ совершенствованіемъ первоначальнаго бытія, или же оно есть только простая трансформация этого бытія. Эти загадки и берется разрѣшить монодуалистическій пантеизмъ. Онъ долженъ исходить изъ той основной идеи, что не безсознательная сила дорабатывается въ мірѣ до сознанія, а напротивъ, сознаніе, какъ высшая въ мірѣ форма силы и какъ одна изъ двухъ первоначальныхъ основъ или сторонъ единого, распредѣляясь въ дифференцирующемся веществѣ, превращается въ различныя другія низшія формы силы. Но здѣсь является вопросъ: можно ли предположить, если только признать сознаніе основой силы, что оно все безъ остатка перешло въ силу, чтобы послѣ снова все безъ остатка перейти въ сознаніе? Нашъ мыслитель допускаетъ здѣсь такое предположеніе: положимъ, что земля есть извѣстное количество матеріи и силы, нѣкоторая часть этой силы и матеріи индивидуализировалась въ предметахъ и существахъ, находящихся на поверхности земли, но является вопросъ,—вся ли матерія и сила земли индивидуализировалась? Конечно нѣтъ, отвѣчаетъ Гротъ, ибо тогда не было бы и земли, какъ цѣлаго. Земля, какъ цѣлое, несомнѣнно живетъ своею особою жизнью, независимо отъ жизни индивидуализованныхъ на ея поверхности частицъ. Возможнымъ представляется нашему мыслителю и то, что и солнечныя системы, каждая въ цѣломъ, имѣютъ еще особую жизнь цѣлаго, независимо отъ жизни отдѣльныхъ планетъ и солнца; восходя еще далѣе къ цѣлой вселенной, мы можемъ тоже предположить, что и она имѣетъ свое особое индивидуальное бытіе, независимо отъ индивидуальнаго бытія солнечныхъ системъ, отдѣльныхъ небесныхъ тѣлъ и индивидуализованныхъ на нихъ предметовъ и существъ. Но также допустимо признаніе индивидуальной жизни и за частями цѣлаго. Организмъ живетъ, какъ цѣлое,—это фактъ. Но рядомъ съ нимъ стоитъ и другой фактъ, что организмъ есть многочисленная колонія мевшихъ

организмовъ, клѣтокъ, которыя тоже всѣ должны жить какою то своею особою, индивидуальною жизнью.

Теперь является вопросъ: какова же жизнь земли, какъ цѣлаго, солнечной системы, какъ цѣлаго, наконецъ вселенной, какъ цѣлаго, сравнительно съ нашею жизнью?

Нашъ мыслитель убѣжденъ, что жизнь вселенной, какъ цѣлаго, не можетъ быть менѣе сложна, совершенна и сознательна, чѣмъ жизнь нашего организма,—атома вселенной. Какъ нельзя допустить, чтобы наши кровяные шарики имѣли высшія знанія, высшую науку, чѣмъ мы сами, такъ нельзя допустить, что человѣкъ, эта крохотная клѣточка міра, живетъ высшимъ сознаниемъ, чѣмъ организмъ вселенной; но если допустить, что вселенная, какъ цѣлое, живетъ особою сознательною жизнью и что эта сознательная жизнь не хуже и не ниже нашей, то само собою слѣдуетъ тотъ выводъ, что духъ вселенной одаренъ и мыслью, и чувствомъ, и волею, и движеніемъ, согласнымъ съ этою волею. Если далѣе мы предположимъ, что сознание вселенной несравненно совершеннѣе нашего и даже болѣе того, что оно абсолютно, всесовершенно, ибо вселенная есть абсолютно все, абсолютно цѣлое, абсолютное бытіе, то мы должны, предположить, что это сознание вселенной такъ тонко, что оно ощущаетъ ея малѣйшіе элементы и малѣйшія въ ней перемѣны, и дѣйствуетъ сообразно такому всесовершенному самоощущенію и самосознанію. Такое же предположеніе вполнѣ естественно приводитъ насъ къ признанію вѣроятности всевѣдѣнія и всемогущества сознанія, или духа вселенной, т. е. Бога. Таковы, по возрѣнію нашего мыслителя, основныя разсужденія истиннаго пантеизма. Представитель этого чистаго вида пантеизма, Дж. Бруно, отъ геоцентрической точки зрѣнія на міръ перешелъ къ точкѣ зрѣнія космоцентрической. Но эта космоцентрическая точка зрѣнія у него есть и теоцентрическая, т. е., признающая истиннымъ центромъ вселенной Бога. Если вселенная есть все и есть безгранична, то въ ней матеріальнаго центра и окружности быть не можетъ: всякая точка есть въ ней центръ и часть окружности; а слѣдовательно, если у нея

и есть центръ, то только духовный. Этотъ центръ и есть Божество,—сознаніе, духъ вселенной. Къ идеѣ Бога, сознанія вселенной, мы приходимъ путемъ внутренней, интуиціи, путемъ самосознанія, распространяющаго основной признакъ нашего собственнаго бытія на всякое бытіе вообще. Но если мы признаемъ, что есть сознаніе въ мірѣ вообще, т. е. Богъ, то конечно мы должны признать и то, что это сознаніе, наполняющее безконечное все, и само должно быть тоже безконечнымъ. А такъ какъ двухъ безконечныхъ быть не можетъ, то Богъ и вселенная—одно и то же, двѣ стороны одного бытія. Въ томъ абсолютѣ нѣтъ контрастовъ, въ немъ матерія и форма, матерія и духъ—одно; но основнымъ производительнымъ началомъ въ этомъ абсолютѣ, т. е., настоящею его сущностью, является сознаніе, Богъ, мысль; міръ же, вселенная является лишь продуктомъ раскрытія, экспликаціи Бога. Этотъ процессъ раскрытія или дифференціаціи единого бытія и есть процессъ происхожденія. Таковы главныя мысли и воззрѣнія, проводимыя Гротомъ въ изложенномъ нами его произведеніи „Дж. Бруно и пантеизмъ“. Мы видѣли, что въ этомъ своемъ произведеніи Гротъ проводитъ совсѣмъ новое міровоззрѣніе. Характеръ и направленіе этого міровоззрѣнія еще болѣе рельефно выразились въ послѣдующихъ работахъ нашего мыслителя. Такъ, уже въ слѣдующей работѣ: „задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно“—мы видимъ отраженіе характера новаго міровоззрѣнія нашего философа; именно, въ этой статьѣ новое міровоззрѣніе Грота отразилось въ новой его теоріи философскаго метода. Методъ свой нашъ мыслитель называетъ методомъ субъективной индукціи, въ противоположность научной объективной индукціи, потому что Гротъ все таки и въ этомъ сочиненіи еще не признавалъ самостоятельной отъ индукціи дедукціи, и независимаго отъ опыта и апріорнаго метода познанія, т. е. метафизики. То, что у метафизиковъ называется апріорнымъ методомъ, у Грота носитъ названіе метода чувства. Для лучшаго уясненія взглядовъ автора, воспроизведемъ ходъ мыслей его въ этой небольшой, но содержательной лекціи.

Прежде всего, нашъ мыслитель касается любопытнаго и очень важнаго вопроса о возможности и условіяхъ въ наше время возрожденія философіи. Гротъ находитъ, что возрожденіе философіи можетъ начаться только при убѣжденіи, что такая новая философія возможна; другими словами, возрожденіе философіи возможно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если будутъ поняты задачи ея въ отношеніи къ задачамъ другихъ сферъ дѣятельности человѣческаго духа (религіи, науки, искусства). Въ чемъ же заключается истинное отношеніе философіи къ религіи, искусству, наукѣ? Для объясненія этого отношенія Гротъ опредѣляетъ значеніе каждой изъ этихъ сферъ дѣятельности духа.

Религія, рассматриваемая съ теоретической стороны, есть, по нашему мыслителю, міровоззрѣніе, вырабатывающееся всецѣло на почвѣ чувства, субъективныхъ, нравственныхъ потребностей нашей природы. Наука стремится, наоборотъ, къ выработкѣ міровоззрѣнія чисто объективнаго, всецѣло основаннаго на объективныхъ ощущеніяхъ и переработкѣ ихъ опытнаго содержанія мыслью, съ устраненіемъ всякаго участія чувства. Философія, наконецъ, стремится объединить и связать въ одно высшее гармоническое цѣлое—міровоззрѣнія—субъективное и объективное, религіозное и научное, уничтожить разладъ той двойной бухгалтеріи души, которую мы ведемъ подъ вліяніемъ чувства и мысли—въ области вѣры и въ области знанія.

Въ противоположность этимъ тремъ, тѣсно связаннымъ другъ съ другомъ, сферамъ познанія міра, искусство стремится не столько познать міръ, сколько выразить, воплотить въ подходящихъ формахъ наличныя идеи и міровоззрѣнія человѣчества, и сдѣлать ихъ въ этомъ видѣ вполне доступными пониманію массы. И Гротъ находитъ, что въ этомъ смыслѣ искусство, воплощающее въ себѣ самыя широкія философскія идеи и воззрѣнія, имѣетъ близкое родство съ философіей, какъ синтетическимъ знаніемъ, примиряющимъ всѣ односторонности. Соединяясь же другъ съ другомъ, философія и искусство образуютъ органическое цѣлое, художественно проявля-

ющееся въ лучшихъ великихъ философахъ и писателяхъ, таковы Дж. Бруно, Спиноза, Шекспиръ, Гёте, Лессингъ; изъ русскихъ—Пушкинъ, Гоголь, отчасти Лермонтовъ, Толстой и др. И нужно замѣтить, разъясняетъ свою мысль нашъ авторъ, что искусство, какъ совокупность извѣстныхъ формъ творчества, есть лучшее оружіе воплощенія результатовъ философскаго проникновенія въ смыслъ и внутреннюю гармонію вещей. Какъ совокупность же извѣстныхъ идей о гармоніи или міросозерцанія, воплощаемыхъ въ этой или другой художественной формѣ, искусство, по Гроту, и есть сама философія на той или другой бессознательной, полусознательной, или вполнѣ сознательной ступени развитія. Выходя изъ наиболѣе конкретныхъ и наиболѣе отвлеченныхъ родовъ искусства, отъ архитектуры и ваянія, до музыки, живописи и поэзіи, нашъ мыслитель видитъ постоянное возвышеніе сознательности міровоззрѣнія художника, и—„кто знаетъ,—воскликаетъ онъ,—есть ли предѣлъ этому процессу увеличенія сознательности воплощенія идей въ произведеніяхъ искусствъ, и не сольется-ли впослѣдствіи высшее искусство по содержанію своему съ сознательною высшею философіею. такъ что философія и искусство станутъ двумя сторонами одного цѣлаго—содержаніемъ и формою одной и той же высшей дѣятельности человѣческаго духа“¹⁾. Указывая далѣе на то, что такое великое познавательное значеніе искусства предполагаетъ и способъ познанія другой, чѣмъ тотъ, которымъ пользуется наука,—не объективный, а субъективный опытъ, Гротъ задается вопросомъ: не можетъ ли это различіе говорить противъ значенія произведеній искусства—философіи? Нашъ мыслитель рѣшительно даетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ свой вопросъ: новѣйшая философія,—говоритъ онъ,—доказала пока только то, что внутреннее значеніе вещей, сущность ихъ внутренняго бытія, нельзя постигнуть однимъ умомъ, опирающимся въ своихъ заключеніяхъ на данные объективнаго опыта; но новѣйшая философія совсѣмъ не доказала того, что сущность

¹⁾ „Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно“; Одесса 1885 г стр. 16.

вещей нельзя постигнуть иначе. Нѣтъ, напротивъ того, она допускаетъ (напр. въ лицѣ Канта, Шопенгауэра и др.) возможность постигнуть ее хотя отчасти, изъ нашего самосознанія. Къ тому же допущенію приходитъ и современная наука. Она, по убѣжденію Грота, уже несомнѣнно доказала единство законовъ вселенной, доказала, что человѣкъ—органическая часть природы, микрокосмъ, отражающій въ себѣ бытіе всей вселенной. Отсюда же, по нашему мыслителю, слѣдуетъ, что недостаточно отъ свойствъ вещей и процессовъ природы, опредѣляемыхъ въ ихъ законахъ наукою (путемъ объективнаго опыта), заключать о свойствахъ веществъ и процессовъ человѣческаго организма. Необходимо признать столько же естественнымъ и необходимымъ и обратный процессъ заключеній—отъ тѣхъ данныхъ, бытіе которыхъ человѣкъ узнаетъ только въ себѣ, изнутри, въ своемъ чувствѣ жизни, къ сущности жизни, бытія вселенной, заключеній отъ своихъ лучшихъ, высшихъ нравственныхъ свойствъ, отъ своихъ стремленій къ добру, правдѣ и красотѣ—къ лучшимъ, божественнымъ свойствамъ природы, къ ея безконечному по глубинѣ самосознанію, къ ея безконечнымъ стремленіямъ къ природѣ, красотѣ и добру,—словомъ, къ идеѣ Бога—вселенной, къ идеѣ души вселенной. И Гротъ считаетъ себя въ правѣ сказать, что такого рода заключенія и будутъ, въ своемъ родѣ, опытными заключеніями, но основанными не на внѣшнемъ, объективномъ, а на внутреннемъ, субъективномъ опытѣ, на индукціи субъективной, внутренней. Указывая на то, что методъ такой субъективной, внутренней индукціи, еще не выработанъ мыслью человечества, нашъ мыслитель справедливо замѣчаетъ, что въ примитивномъ своемъ видѣ этотъ методъ уже прилагается нами въ жизни постоянно, когда, на основаніи своего чувства жизни, мы стараемся понять жизнь другихъ существъ природы. Такъ, суживая свое чувство жизни, мы этимъ методомъ чувства имѣемъ возможность постигать и переживать жизнь дѣтей и людей низшаго развитія, а также понимать отчасти и жизнь животныхъ. Расширяя же свое чувство жизни, мы этимъ методомъ постигаемъ жизнь людей высшаго развитія, жизнь ве-

дикихъ геніевъ человѣчества. Наконецъ, этимъ же путемъ, путемъ субъективной дедукціи, люди приближаются и къ постиженію Бога. Итакъ, дѣлаетъ заключеніе нашъ мыслитель, этотъ методъ, съ одной стороны, позволяетъ намъ спуститься въ процессъ ограниченія своего чувства жизни до пониманія біенія пульса жизни безсознательной природы, до пониманія жизни растеній и предметовъ неодушевленныхъ, съ другой стороны, онъ намъ способствуетъ подняться въ процессъ безпредѣльнаго расширенія своего чувства жизни до живаго пониманія самосознанія вселенной и сущности ея—Бога. Но этотъ же методъ, по возрѣнію Грота, даетъ намъ возможность убѣдиться въ великой гносеологической проблемѣ, что сущность вещей постижима, но не сущность объективная, ибо такой вовсе и не можетъ быть, а сущность субъективная, внутренняя. Это же убѣжденіе даетъ возможность признать и обосновать значеніе философіи—этой теоріи жизни вселенной, и возможность новаго возрожденія ея, путемъ объединенія данныхъ объективнаго научнаго и субъективнаго, религіознаго опыта человѣчества. Въ заключеніе нашъ мыслитель и приглашаетъ итти навстрѣчу этой новой философіи, а чрезъ нее и навстрѣчу новой, обновленной жизни, ибо, говоритъ онъ, безъ участія философіи невозможно и обновленіе жизни, такъ какъ философія и есть, прежде всего, „исторія жизни вселенной“¹⁾.

Дойдя философскимъ путемъ до понятія Бога, Гротъ счелъ возможнымъ коснуться и понятія религіи. Онъ находитъ, что признаніе полнаго параллелизма науки и философіи заключаетъ въ себѣ какую-то фальшь, ибо философія, опираясь на чувство, все таки строится мыслью и беретъ свои основанія у наукъ. Когда же нашъ мыслитель субъективнымъ методомъ вывелъ идею Бога, то онъ понялъ и чисто субъективное, т. е., основанное на чувствѣ, какъ особомъ методѣ познанія, значеніе религіи, всецѣло опирающейся на вѣру. вмѣстѣ съ тѣмъ Гротъ теперь, по его собственнымъ словамъ²⁾, созналъ и то,

1) „Зад. филос. въ связи съ уч. Дж. Бруно“ 18 стр.

2) См. объ этомъ въ той же статьѣ Грота: „о направ. и зад. моей философіи“.

что ранѣе онъ ставилъ философію на мѣсто, принадлежащее религіи; сознавши же это, онъ принужденъ былъ признать, что философія стремится примирить мысль и чувство, науку и религію, и сложить въ одно цѣлое ихъ воззрѣнія. Эти свои мысли нашъ мыслитель обосновалъ въ изложенной нами статьѣ, а потомъ повторилъ въ статьѣ „Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи“¹⁾. Въ послѣдней статьѣ Гротъ старается обосновать свой взглядъ на истинныя задачи философіи путемъ историческимъ. Сперва онъ рисуетъ современное состояніе этого вопроса. Онъ находитъ, что въ настоящее время этотъ вопросъ нисколько не подвинулся впередъ съ эпохи Канта. Догматическая метафизика, противъ которой усиленно боролся Кантъ, пережила послѣ него новые періоды расцвѣта и упадка, но и теперь, по словамъ Грота, мы также мало знаемъ, возможна ли метафизика, какъ наука, и чѣмъ должна быть философія—какъ и во времена Канта. Въ этомъ отношеніи философія находится, по мнѣнію нашего мыслителя, и теперь еще въ странномъ, исключительномъ положеніи, а сужденія о ней еще въ большей степени, чѣмъ прежде, полны противорѣчій. Будучи древнѣе всѣхъ спеціальныхъ наукъ, философія все еще не установила своихъ задачъ и методовъ; мечтавъ издавна быть руководительницею жизни человѣческой, философія и теперь не можетъ похвалиться ни одною твердой позиціей, которая бы обезпечила ей вліяніе на жизнь. Наконецъ, хотя на разработку ея содержанія и потрачены были лучшія силы многихъ гениальныхъ мыслителей, она не можетъ указать въ области своей ни на одну истину неоспоримую, всеми признанную. Вотъ поэтому то, замѣчаетъ Гротъ, и сужденія о ней противорѣчивы: одни считаютъ ее „уже устраненною ступенью“ въ наукѣ; другіе продолжаютъ ждать отъ нея рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ знанія и жизни; иныя считаютъ ея услуги знанію въ прошломъ неизмѣримыми; другіе думаютъ, что она всегда была препятствіемъ на пути развитія истиннаго „научнаго“ знанія; многіе преклоняются предъ воз-

1) „Русс. Мысль“, 1886, II „Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи“.

вышенностью ея идей и глубиною ея открытій; другіе же видятъ въ этой предполагаемой высотѣ и глубинѣ одну только пустую заносчивость. Вслѣдствіе такой разнородности сужденій о философіи и происходитъ, по мнѣнію нашего мыслителя, то, что многіе отрицаютъ даже возможность „общей“ философіи, говорятъ, что философіей будетъ столько же, сколько философовъ ¹⁾. Но, спрашиваетъ Гротъ, имѣютъ ли значеніе эти сомнѣнія въ возможности философіи? Нѣтъ, рѣшительно отвѣчаетъ онъ, эти сомнѣнія не имѣютъ значенія; возможно вполне и окончательно установить и опредѣлить истинныя задачи философіи. Возможность эта достигается съ помощью двухъ новыхъ методовъ: историческаго и психологическаго. Эти методы, созданные въ нашъ вѣкъ, не даютъ права отчаяваться въ будущемъ философіи, а, напротивъ, позволяютъ надѣяться, что при помощи критики, основанной на данныхъ исторіи философіи и психологіи, удастся проникнуть въ смыслъ истинныхъ задачъ и въ характеръ настоящихъ методовъ философіи и опредѣлить путь ея дальнѣйшей разработки единообразно и безповоротно. Пользуясь историческимъ методомъ, Гротъ и обосновываетъ, прежде всего, понятіе „философіи“. „Философію“, по мнѣнію нашего мыслителя, въ настоящее время необходимо разсматривать исключительно, какъ область знанія *общаго*, стремящагося связать—въ *одно цѣлое* ученіе о мірѣ—всѣ знанія спеціальныя. Только при такомъ выдѣленіи индивидуальнаго характера философіи, можно надѣяться уяснить себѣ ея истинныя задачи и назначеніе. Но, замѣчаетъ Гротъ, историческое развитіе идеи философіи, какъ пути къ общему міровоззрѣнію, далеко не шло въ надлежащемъ направленіи. Настоящее пониманіе философіи, какъ практической мудрости, какъ синтеза этики и теоріи міра, господствовало только въ древне-греческой философіи до Аристотеля. Аристотель, раздѣлившій первую (теорію міра, метафизику) и вторую философію, далъ философіи холодный, резонерствующій характеръ, сдѣлавши ее чисто *те-*

¹⁾ Последняго воззрѣнія, какъ мы уже видали, держался и самъ Гротъ въ первыхъ своихъ трудахъ, въ чемъ онъ здѣсь вполне откровенно и сознается. Сл. 31 стр.

оретической наукой. Съ тѣхъ поръ взглядъ Аристотеля укрѣпился въ исторіи философіи. Его „первая философія“ сперва родила схоластику, а потомъ—„догматическую“ метафизику XVIII в. и, наконецъ, крайность метафизическихъ системъ нѣмецкаго идеализма XVIII и XIX вѣка. И вотъ, говоритъ Гротъ, упорно, вѣка за вѣками, повторялись попытки втиснуть философію, какъ теорію міра, въ узкія рамки спеціальной науки; упорно и тщетно повторялись опыты приложенія къ ея изслѣдованіямъ приемовъ (методовъ) науки—псевдоматематическаго и псевдофизическаго. Философы—приводитъ сравненіе нашъ мыслитель—какъ дѣти, подражающія взрослымъ и заставляющія куколъ своихъ ѣсть и пить изъ игрушечныхъ чашекъ и тарелокъ, хотѣли заставить философію черпать свои истины изъ мнимо-математическихъ построеній и quasi—физическихъ наблюденій: въ результатѣ и выходила одна только ложь и мертвенность. Нравственныя же задачи философіи почти во всѣхъ системахъ отступали на второй планъ: этика заняла второстепенное мѣсто въ философскихъ системахъ новаго времени. И даже тамъ, гдѣ она играла главную роль (напр. у Спинозы, Шопенгауэра), псевдонаучные методы лишали ее жизненной силы. Въ общемъ, замѣчаетъ Гротъ, новая философія пошла по слѣдамъ метафизическихъ построеній Аристотеля: идея мудрости, задача построенія нравственнаго идеала отступила на второй планъ, на первый планъ выступила идея науки о мірѣ, т. е., идея чисто теоретическаго изслѣдованія первыхъ причинъ вещей. Указывая на то, что только въ самое послѣднее время стали находиться философы (какъ Шопенгауэръ), которые на первый планъ ставятъ нравственный вопросъ философіи, Гротъ замѣчаетъ, что эта-то задача—воротиться къ древнему (до Аристотелевскому) широкому взгляду на философію и есть задача нашего времени. Но здѣсь естественно является вопросъ, какъ достигнуть этого? Какъ оправдать эти задачи и какъ отнестись собственно къ метафизикѣ? Нужны ли всетаки, иронически спрашиваетъ Гротъ, подъемныя машины метафизическаго изслѣдованія сущностей и вопроса о степени познаваемости ихъ. чтобы отъ „явленій жизни“ подняться къ „идеалу

жизни“ и отъ знанія научнаго къ идеѣ мудрости? Нашъ мыслитель, не считая возможнымъ окончательно рѣшить поставленный имъ вопросъ, даетъ нѣсколько мыслей о способѣ разрѣшенія его. Мы приведемъ эти мысли. Общій анализъ духовной природы человѣка приводитъ къ тому заключенію, что мысль и чувство—двѣ *равноправныя* области сознанія человѣка и стороны жизни его. Нельзя безнаказанно поработать мыслью чувству, какъ это стремились дѣлать средневѣковые руководители человѣческой мысли, но нельзя безнаказанно поработать и чувство мысли, какъ это дѣлали философы за послѣдніе 3 вѣка. Гармонія мысли и чувства—вотъ высшій идеаль человѣка, стремящагося къ развитію своихъ силъ своей природы. Потребностямъ чувства, независимо отъ мысли, отвѣчаетъ религія; потребностямъ мысли, независимо отъ чувства, отвѣчаетъ наука. Наука изучаетъ дѣйствительность объективно, безстрастно, чтобы овладѣть ею въ видахъ человѣка, подчинить человѣку внѣшнюю природу и сдѣлать его собственную организацію послушнымъ орудіемъ воли. Но является вопросъ, ради чего нужно человѣку овладѣть природою и своей собственной организаціей? Чтобы жить—отвѣчаетъ нашъ мыслитель. Но опять являются новые вопросы: зачѣмъ жить, какъ жить, чего хотѣть, куда стремиться? Наука, замѣчаетъ Гротъ, не говоритъ объ этомъ; она не говоритъ, куда человѣкъ долженъ направить свою волю: она не способна опредѣлить цѣли жизни, ибо корень жизни индивидуальнаго человѣка—въ его чувствѣ. Куда направится чувство, туда устремится воля. Религія, вліяя на чувство, можетъ направлять волю человѣка; но религія и сама всецѣло опирается на чувство; религія нуждается во вспомогательной силѣ, которая насадила бы ее въ сознаніе личности и чрезъ то обезпечила ей господство надъ волею. Этою вспомогательною силою былъ сначала единичный опытъ жизни, индивидуальный опытъ человѣка. Но съ теченіемъ времени этотъ личный опытъ, въ искусственныхъ условіяхъ человѣческой жизни, извратился, пересталъ служить правильнымъ мѣриломъ чувства и указаніемъ на его истинныя потребности, но потребовалъ замѣны себя. Замѣнитъ же его,

по убѣжденію нашего мыслителя, можетъ лишь опытъ всего человѣчества, лишь постиженіе смысла жизни, путемъ работы самосознанія, путемъ данныхъ чувства и мысли всего человѣчества. Эту же задачу высшаго синтеза, по Гроту, и можетъ выполнить только философія. Философія одна способна, путемъ сличенія данныхъ внѣшняго и внутренняго опыта, путемъ открытій мысли и внутреннихъ откровеній чувства, восстановить полную картину жизни, выяснитъ всестороннее значеніе человѣка, его мѣсто въ природѣ, разумныя цѣли его существованія и его дѣятельности. Она одна можетъ дать волѣ человѣка разумныя идеалы, такъ какъ корень этихъ идеаловъ въ субъективномъ чувствѣ, провѣренномъ объективной работой мысли. Изъ этого же нашъ мыслитель дѣлаетъ тотъ выводъ, что задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы дать общее нравственное міровоззрѣніе, но это міровоззрѣніе должно быть *научнымъ*, иначе оно неспособно будетъ удовлетворять научно развитое сознаніе—образованнаго общества. Отношеніе философіи къ наукѣ, нашъ мыслитель и опредѣляетъ такъ: философія должна внести въ свое міровоззрѣніе всѣ, уже вполне доказанныя и провѣренныя общія истины науки, и въ своихъ дальнѣйшихъ построеніяхъ не должна допускать никакого противорѣчія этимъ истинамъ и отступленія отъ нихъ. Поэтому-то, заключаетъ Гротъ, философія и должна быть наукою, какъ справедливо и утверждаютъ современные позитивисты. Но, стремясь быть „научною“, философія, по нашему мыслителю, не должна, вслѣдствіе этого, хотѣть, сама быть „наукою“. Понятія: „наука“ и „философія“ не должно смѣшивать: у философіи есть свои задачи. Чтобы достигнуть цѣльнаго нравственнаго міровоззрѣнія, она должна не только изслѣдовать, но и построить, т. е., прибѣгать часто къ творчеству, а это, въ отличіе отъ науки, сближаетъ ее съ искусствомъ. Въ силу же такого особаго характера философіи, она должна имѣть и свой особенный методъ. И дѣйствительно, замѣчаетъ нашъ мыслитель, философія имѣетъ свой особый методъ—субъективную индукцію,—съ помощью которой она и стремится разрѣшить и обосновать нравственное

міровоззрѣніе—свою главную задачу ¹⁾. Итакъ, заключаетъ Гротъ: 1) не теоретическое всевѣдѣніе, а лишь здоровое истолкованіе смысла и нравственныхъ задачъ жизни, вотъ идеаль философіи, къ которому она должна стремиться; 2) она должна достигнуть такого пониманія своихъ задачъ не путемъ метафизическаго пережевыванія теоріи сущности вещей, а путемъ внимательнаго изученія жизни въ самомъ корнѣ ея, т. е., въ нашемъ самосознаніи, и въ проявленіяхъ ея, т. е., въ жизни общества, а также путемъ критической повѣрки и объединенія въ одно цѣлое міровоззрѣніе выводовъ „спеціальныхъ наукъ“ о природѣ и человѣкѣ. Одно безъ другого, приводитъ сравненіе Гротъ, такъ же мало можетъ оплодотворить нравственное сознаніе разумнаго человѣка, какъ землю сдѣлать плодоносною одно лѣтнее солнце безъ дождя, или одинъ дождь безъ содѣйствія живительныхъ лучей солнца. Влага, дѣлающая плодоносною мысль философа, это научныя истины, точныя знанія; лучи солнца, согрѣвающие эту мысль, это нравственные идеалы, высшіе идеалы субъективнаго чувства. Указывая на то, что эти нравственные идеалы уже лежатъ готовыми въ христіанской религіи, нашъ мыслитель опредѣляетъ всю задачу философіи лишь въ томъ, чтобы свести эти идеалы съ неба на землю и дать вразумительное для ума и удобоисполнимое для воли нравственное истолкованіе жизни человѣка. Съ этой точки зрѣнія философія, по нашему автору, не есть ни наука, ни искусство, ни религія, а нѣчто особое, такъ сказать, только философія. Отношенія же философіи къ другимъ родственнымъ сферамъ сознанія Гротъ выражаетъ такъ: изъ науки она черпаетъ матеріалъ, у искусства беретъ методъ обработки этого матеріала (творческой синтезъ), съ религіею сходится въ конечныхъ цѣляхъ—дать человѣку нравственныя начала жизни. Наука есть организованная умственная дѣятельность, стремящаяся къ идеалу истины, искусство есть организованное удовлетвореніе чувства, независимо отъ воли стремящееся къ воплощенію идеала красоты; религія есть

¹⁾ О методѣ субъективной индукціи авторъ говоритъ здѣсь почти то же самое, что сказано имъ въ выше изложенной лекціи о Бруно и задачахъ философіи.

организація воли, стремящаяся къ осуществленію идеала добра. Но всѣ эти идеалы надо примирить, надо согласить другъ съ другомъ запросы ума, чувства и воли, а къ этому и стремится философія, слагающая въ одно эстетически—законченное цѣлое расчлененные наукой элементы дѣйствительности, ради нравственныхъ цѣлей. Она не можетъ замѣнить ни науку, ни искусство, ни религію, а можетъ лишь дополнять ихъ, такъ какъ первыя удовлетворяютъ спеціальнымъ потребностямъ сознанія, рядомъ съ которыми существуетъ въ насъ общее стремленіе къ единству личной жизни и къ гармоніи; этому-то послѣднему стремленію и удовлетворяетъ философія. Таковы послѣдніе выводы Грота въ изложенной нами статьѣ: „Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи“.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Августа № 16. 1903 года.

Содержаніе. Наставленіе причастникамъ.—Высочайшая награда.—Списокъ лицъ, коимъ за заслуги по духовному вѣдомству преподано благословеніе Святѣйшаго Синода.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода о введеніи программъ учебныхъ предметовъ для школъ церковнаго вѣдомства.—Распоряженіе Епархіальнаго начальства 1) о распространеніи издаваемыхъ Синодальною типографіею листовъ религиозно-нравственнаго содержанія и металлическихъ крестиковъ, 2) изданія „Почаевскій Листокъ“ и 3) о объ освобожденіи отъ гербоваго сбора ящовъ на жительство, отпускныхъ билетовъ и прошеній о нихъ.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта.—Отъ совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Дополнительныя правила о снабженіи церквей Харьковской епархіи просфорами.—Списки лицъ, служащихъ въ Харьковскомъ, Купяскомъ, Сумскомъ духовныхъ училищахъ за 1902—1903 уч. г.—Епархіальныя извѣщенія.—Грозный судъ Божій надъ хулителемъ преп. Серафима Саровскаго.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

НАСТАВЛЕНІЕ ПРИЧАСТНИКАМЪ *).

1) Какъ готовится къ св. Причащенію.

Правила Святыхъ Отецъ, изложенныя въ нашемъ служебникѣ повелѣваютъ христіанамъ цѣлую седмицу предъ причащеніемъ говѣть, то есть ежедневно ходить на всѣ церковныя службы и пребывать въ постѣ и воздержаніи. Такъ и должно исполнять въ Великомъ Посту, когда живешь въ домѣ твоёмъ.

Но если ты пришелъ ясновѣдываться и причащаться въ далекую обитель, то вмѣсто седмичнаго говѣнія тебѣ вмѣняются труды, понесенныя во время пути. Однако и здѣсь не забывай, что написано въ св. Библии: „Сынъ мой, если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою“ (Сирах. 2, 1). Старайся хотя три дня быть на всѣхъ службахъ и уже непременно выстоять всѣ службы хотя бы одного дня, то есть вечерню, утреню и литургію; приступать же къ причащенію, не бывши у вечерни или у всенощной, воспрещено святыми правилами и бываетъ то причащеніе во осужденіе, а не въ пользу. Кромѣ вечерни должно прослушать и правило ко Святому Причащенію—три канона и абаѣсть, а наипаче внимать молитвамъ ко святому причащенію.

---

*) Почаевскій листокъ № 33.

Кто грамотенъ и можетъ купить себѣ молитвословъ, тотъ хорошо слѣдуетъ, если прочтаетъ эти молитвы самъ послѣ вечерни въ церкви или предъ отходомъ ко сну.

2) Какъ подходить къ св. чашѣ Причащенія.

1) Когда подходишь ко святой чашѣ, устремивъ свои мысли ко Господу, призывай Его со смиреніемъ, чтобы Онъ благоволилъ войти въ твою душу и очистить тебя отъ грѣховъ твоихъ.

2) Стой прямо, сложивъ руки твои на груди, но не крестись, подходя къ причастію и отходя, дабы не опрокинуть рукой святую чашу.

3) Говори вслухъ свое имя, когда спросятъ, ясно, чтобы слышалъ священникъ. Говори настоящее твое, имя, которое дано тебѣ во святомъ крещеніи въ честь Святаго Угодника Божія, а не коверкай своего имени; не говори: Грицко, или Гапка, или Евка; такъ не назывались святые, въ честь которыхъ крестили тебя, но говори правильно: Григорій, или Агаѳія, или Евдокія. Стыдно даже малому дитяти не знать своего имени. Христіанинъ долженъ ежедневно молиться своему Святому: какъ-же онъ будетъ призывать его, если и назвать его не умѣетъ? Если тебя привыкли называть польскимъ именемъ, какого нѣтъ въ православной вѣрѣ, напримѣръ, Франциска или Терезы, то пойдѣ къ священнику своему и проси его найти въ метрикахъ свое настоящее христіанское имя, съ которымъ ты крещенъ в этомъ имени называйся.

4) Принявъ святое причастіе, цѣлуй чашу внизу, но не цѣлуй руку священника или архіерея, пока ты не заплывъ святаго причастія, и до тѣхъ поръ не твори земныхъ поклоновъ, не харкай и не плюй.

5) Послѣ причащенія и литургіи не уходи изъ церкви, а слушай, какъ будутъ читать благодарственные молитвы, и отъ всего сердца благодарь Господа, долготерпѣвшаго къ твоимъ грѣхамъ и не отрывушаго тебя отъ причащенія Его святыхъ таинъ.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 25-го іюля 1903 г., на награжденіе, за 10-лѣтніе труды по народному образованію, *серебряною*

медаллю съ надписю „за усердіе“, для ношенія на груди, на Александровской лентѣ діакона Дмитріевской церкви гор. Харькова Алексія *Брайловскаго*.

Списокъ лицъ, коимъ за заслуги по духовному вѣдомству преподано благословеніе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ отъ 7—19 февраля 1903 года за № 711 преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, безъ грамотъ, въ Харьковской епархіи: мѣщанину Алексѣю *Мигелю*, крестьянину Василію *Кононенко* и дворянкѣ Александрѣ *Климовой*.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 20—27 мая сего 1903 года за № 2318 постановлено: составленный Учлищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ программы учебныхъ предметовъ для школъ: а) церковно-приходскихъ, б) второклассныхъ и в) церковно-учительскихъ утвердить и ввести ихъ въ употребленіе въ названныхъ школахъ, въ видѣ опыта на шесть лѣтъ, съ предоставленіемъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ, въ случаѣ, если программы эти гдѣ-либо, по мѣстнымъ условіямъ или другимъ уважительнымъ причинамъ, окажутся въ чемъ-либо невыполнимы, съ разрѣшенія мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго, входить съ ходатайствами въ Учлищный при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтъ объ измѣненіи оныхъ.

Распоряженіе Епархіальнаго начальства

о распространеніи 1) издаваемыхъ Синодальною типографіею листовъ религіозно-нравственнаго содержанія и металлическихъ крестиковъ, 2) изданія „Почаевскій листокъ“ и 3) объ освобожденіи отъ гербоваго сбора вѣдъ на жительство и отпускныхъ билетовъ.

I.

Харьковская Духовная Консисторія, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, доводитъ до свѣдѣнія духовенства Харьковской епархіи слѣдующее: Управленіе Московской Синодальной типографіи отношеніемъ, отъ 30 іюня 1903 года за № 11681, сообщило Харьковской Духовной Консисторіи, что Московская Синодальная типографія въ настоящее время приступила къ изданію „Листковъ“

для назидательнаго и душеспасительнаго чтенія православнаго русскаго народа. Содержаніе „Листковъ“ заключается въ жизнеописанія чтимыхъ Православною Церковію святыхъ, въ объясненіи Св. Писанія, церковныхъ службъ и пѣснопѣній и въ другихъ полезныхъ и нравоучительныхъ свѣдѣніяхъ, изложенныхъ простымъ и доступнымъ пониманію языкомъ. Много „Листковъ“ уже вышло изъ печати и продается по слѣдующимъ цѣнамъ: 1 экз.—2 коп., 25 экз.—35 коп., 50 экз.—70 коп. и 100 экз. 1 р. 40 к. Постепенно будутъ выпускаемы еще новые „Листки“ разнообразнѣйшаго содержанія. Кромѣ того, при типографіи открыто штамповальное отдѣленіе для изготовленія металлическихъ тѣльныхъ крестиковъ. Крестики изготовляются по рисункамъ, исполненнымъ по выбору и заказу самой типографіи въ разнообразныхъ видахъ и формахъ. Цѣны ихъ указаны въ особомъ каталогѣ. При чемъ управление типографіи препроводило въ Консисторію нѣсколько экземпляровъ „Листковъ“ и крестиковъ, съ просьбою оказать свое содѣйствіе къ распространенію таковыхъ среди епархій чрезъ посредство настоятелей церквей и монастырей, присовокупивъ, что эти лица, посѣщая Консисторію по дѣламъ службы, могутъ непосредственно ознакомиться какъ съ „Листками“, такъ и съ крестиками, равнымъ образомъ и съ условіемъ пріобрѣтенія ихъ. О чемъ и объявляется духовенству Харьковской епархій въ свѣдѣнію.

II.

Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Антоній, Епископъ Волынской и Житомирской, обратился къ нашему Владыкѣ, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, со слѣдующимъ письмомъ:

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастырь.

При Свято-Успенской Почаевской Лаврѣ и на ея исключительно средства, съ 1887 года издается „Почаевскій Листокъ“, имѣющій своею цѣлію доставить православному русскому народу общедоступное, занимательное и назидательное чтеніе, понятное и простолюдину. Запросъ на такого рода духовныя изданія, какъ „Почаевскій Листокъ“, среди простаго русскаго народа годъ отъ года растетъ, и священники, настоятели православныхъ приходо-вѣ, нерѣдко затрудняются тѣмъ, какъ бы поразнообразнѣе и пошире удовлетворить духовнымъ потребностямъ своихъ пасомыхъ чрезъ чтеніе имъ или предложеніе къ прочтенію чего-либо по-

вятнаго и назидательнаго. „Почаевскій Листокъ“, заключающа въ каждомъ отдѣльномъ выпускѣ одну или нѣсколько вполне законченыхъ статей, согласныхъ съ духомъ Евангельскаго ученія, съ жизнію святыхъ отцовъ и учителей Церкви, идетъ тѣмъ самымъ на встрѣчу духовнымъ потребностямъ простаго русскаго народа.

Препровождая при семъ на Архипастырское благоусмотрѣніе Вашего Высокопреосвященства нѣсколько №№ „Почаевскаго Листка“ за минувшій и настоящій годы, имѣю честь почтительнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство, не признано ли будетъ полезнымъ рекомендовать „Почаевскій Листокъ“ *) вниманію духовенства ввѣренной Вашему Высокопреосвященству епархіи для церковно-приходскихъ библіотекъ, какъ душеполезное чтеніе, доступное пониманію простаго русскаго народа.

Поручая себя святымъ молитвамъ Вашимъ, съ сыновнимъ почтеніемъ и преданностію, имѣю честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшій послушникъ *Епископъ Антоній*.

На подлинномъ резолюція Его Высокопреосвященства 9 августа 1903 года послѣдовала между прочимъ такая: „Дѣло весьма полезное и достойное одобренія; рекомендую для выписки духовенству и школамъ для распространенія въ народѣ“.

III.

Въ алфавитномъ перечнѣ бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и взятыхъ отъ него, составленномъ на основаніи ст. 10 Высочайше утвержденнаго 10 іюня 1900 г. Устава о гербовомъ сборѣ (приложен. къ отд. 1 Собр. узак. и распоряженій Прав. за 1902 г., № 73, ст. 759) изложено (№ 258, V, п. 11): прошенія по дѣламъ, касающимся видовъ на жительство (кромеъ заграничныхъ паспортовъ) и отсрочекъ по онимъ, а равно (№ 212) отпускные билеты, выдаваемые при увольненіи въ отпускъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, военной, морской и гражданской, какъ пользующихся правами оной, такъ и вольнонаемныхъ, отъ гербоваго сбора изъяты (75 ст. п. 3 Уст. о гербовомъ сборѣ).

О чемъ Харьковская Духовная Консисторія, на основаніи своего опредѣленія, утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ 9 августа н. г., и сообщаетъ къ свѣдѣнію епархіальнаго духовенства.

*) *Примѣч.* „Почаевскій Листокъ“ еженедѣльное изданіе, выходящее по воскресеньямъ въ видѣ листка въ 4 страницы и содержащее въ себѣ одну или нѣсколько назидательныхъ статей. Цѣна годовому изданію безъ пересылки 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к. Адресъ: въ мѣст. Почаевъ Волынской губ., въ Редацію Почаевскаго листка.

Отъ Харьковскаго Епархіального Училищнаго Совѣта.

При Зміевской соборной (мужской) церковно-приходской школѣ состоятъ вакантною должность учителя—регента; къ занятію этой должности приглашается лицо, способное управлять церковнымъ хоромъ, преимущественно изъ окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи. Условія службы: 40 руб. въ мѣсяцъ при готовой въ школѣ квартирѣ. Могутъ быть и частные доходы за пѣніе хора при совершеніи требъ.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища.

Совѣтъ училища съ чувствомъ глубочайшей благодарности доводитъ до свѣдѣнія духовенства Харьковской Епархіи, что Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, соизволилъ пожертвовать въ пользу училища двѣ 4⁰/₁₀₀ Государственныхъ ренты по 100 руб. каждая съ тѣмъ, чтобы проценты съ пожертвованнаго капитала ежегодно выдавались одной изъ бѣднѣйшихъ воспитанницъ училища, окончивающихъ курсъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРАВИЛА

о снабженіи церковей Харьковской епархіи просфорами.

§ 1. На основаніи 2 пункт. ст. 1617 уст. общ. призрѣнія т. XIII св. закон. по прод. 1868 г. къ средствамъ призрѣнія—общимъ для всего служащаго при церквахъ духовенства отнесено: опредѣленіе вдовъ и сиротъ женскаго пола въ просфорны. Въ указѣ Св. Синода отъ 26 іюня 1867 года сказано, что вдовы и сироты не молодыхъ лѣтъ опредѣляются въ просфорницы при церквахъ. А потому при всѣхъ церквахъ епархіи должны быть просфорницами вдовы и не молодыхъ лѣтъ дѣвицы, сироты священно-церковно-служителей, неужоризненнаго поведенія.

Примчаніе. Вопросъ о возрастѣ сиротъ дѣвицъ, дающемъ имъ право занять просфорническую должность, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставляется рѣшать Попечительству.

§ 2. Когда при церкви освобождается мѣсто просфорницы, причтъ вмѣстѣ съ старостой избираютъ новую просфорницу изъ вдовъ или сиротъ духовнаго званія, живущихъ или въ самомъ приходѣ, или вблизи его, составляетъ актъ избранія и представ-

ляетъ таковой мѣстному Благочинному; Благочинный актъ вмѣстѣ съ свѣдѣніями о лѣтахъ, поведеніи в семейномъ и имущественномъ положеніи избранной представляетъ въ Епархіальное Попечительство, которое и ходатайствуетъ предъ Преосвященнымъ объ утвержденіи новой просфорницы.

Примѣчаніе. При составленіи акта избранія просфорницы, въ немъ необходимо обозначать слѣдующее: время составленія акта, причины избранія просфорницы, точное опредѣленіе лица, избираемаго на просфорническую должность и полное прописаніе условий, на которыхъ состоялось соглашеніе причта и старосты съ избираемой просфорницей, именно: какое годовое вознагражденіе назначается просфорницѣ за печеніе служебныхъ просфоръ, будетъ ли мука пріобрѣтаться старостой на церковныя деньги, или же церковь будетъ уплачивать просфорницѣ стоимость муки деньгами и въ какомъ именно количествѣ, на какихъ условіяхъ просфорница будетъ доставлять церкви просфоры, продаваемыя послѣднею богомольцамъ. Самый актъ избранія подписывается обязательно всѣми членами причта, церковнымъ старостой и избранной просфорницей; правильность избранія и нравственная правоспособность избранной свидѣлствуется на самомъ актѣ мѣстнымъ Благочиннымъ.

§ 3. Если въ приходѣ или вблизи его не окажется вдовъ или сиротъ духовнаго званія, правоспособныхъ къ занятію просфорнической должности, причтъ чрезъ Благочиннаго, немедленно доноситъ объ этомъ Епархіальному Попечительству, которое публикуетъ въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ о вакантномъ мѣстѣ, принимаетъ прошенія отъ желающихъ занять его и представляетъ достойное лицо на утвержденіе Епархіальнаго Архіерея.

§ 4. Мѣста просфорницъ, объявленныя Попечительствомъ вакантными, остаются таковыми не долѣе шести мѣсяцевъ со времени опубликованія, послѣ чего Попечительство предоставляетъ причтамъ и старостамъ входить въ соглашеніе о доставкѣ просфоръ съ кѣмъ либо изъ утвержденныхъ просфорницъ ближайшихъ церквей, составлять о томъ актъ в указанномъ порядкомъ (§ 2) представлять таковой въ Попечительство.

§ 5. Если доставка просфоръ изъ другихъ приходовъ невозможна или крайне затруднительна по разстоянію или инымъ причинамъ, — причтамъ и старостамъ предоставляется право, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ разрѣшенія Епархіальнаго Попечительства, избирать просфорницею временно кого либо изъ женъ

или дочерей наличнаго причта, съ соблюденіемъ порядка, указаннаго въ § 2 настоящихъ правилъ. Избранныя лица исполняютъ обязанности просфорницъ впредь до заявленія желанія занять эту должность вѣмъ либо изъ вдовъ или сиротъ духовнаго званія, каковыя заявленія подаются въ Епархіальное Попечительство.

§ 6. Каждая церковь должна имѣть свою просфорницу, которая, по утвержденіи въ должности, обязательно, пишется въ клировыхъ вѣдомостяхъ этой церкви послѣ наличнаго и заштатнаго причта. Если же по какой либо причинѣ должность просфорницы ко времени представленія клировыхъ вѣдомостей остается вакантною, то въ томъ мѣстѣ вѣдомостей, гдѣ должны быть свѣдѣнія о просфорницѣ, — писать слово «вакансія».

§ 7. Одно и то же лицо, при необходимости, по усмотрѣнію Попечительства, можетъ состоять просфорницей и не при одной церкви, но во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ при трехъ церквахъ. Если же окажется, что одно лицо изготовляетъ просфоры для большаго количества церквей, то такія церкви считаются имѣющими вакансію просфорнической должности, и желающія изъ вдовъ или сиротъ духовнаго званія могутъ просить Попечительство объ утвержденіи ихъ просфорницами къ любой изъ такихъ церквей, кромѣ той, въ приходѣ которой проживаетъ означенная выше просфорница.

§ 8. Церкви, состоящія въ городахъ, при казенныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, обязаны забирать просфоры у утвержденныхъ къ приходскимъ церквамъ просфорницъ.

§ 9. Всѣ церкви города Харькова забираютъ просфоры въ просфорнѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря или у утвержденныхъ просфорницъ, о чемъ и писать въ клировыхъ вѣдомостяхъ.

§ 10. Просфоры должны быть испечены изъ чистой бѣлой (перваго сорта крупчатой), не затхлою муки. Хлѣбъ этотъ долженъ быть замѣшенъ простою чистою водою, безъ всякихъ постороннихъ примѣсей и при томъ квасный, какой благословилъ Самъ Господь при установленіи Божественной Евхаристіи, и какой употребляли свв. Апостолы (ἄρτος — хлѣбъ поднявшійся отъ слова ἄρσω — поднимаю). Просфора должна состоять изъ двухъ кругловидныхъ частей, на верху съ отпечаткомъ, сдѣланпымъ посредствомъ вырѣзанной на деревѣ печати, непременно съ изображеніемъ четвероконечнаго креста съ надписью: Ис. Хс. Нн Ка. Просфорница также должна знать, что тѣсто для просфоръ должно быть замѣшено круто и чтобы просфора не была слишкомъ мягка или чер-

ства; а потому для каждой литургіи слѣдуетъ печь просфоры за два дня.

Примѣчаніе. Всенощныя просфоры должны быть приготовлены такъ же и такой формы и величины, какъ для литургіи, только безъ печати.

§ 11. Въ положенные дни просфорница обязана доставлять для совершенія Литургіи непременно шесть просфоръ; въ сыропустную недѣлю и во всѣ недѣли Великаго Поста—по девяти, а для каждой всенощной—по пяти просфоръ.

§ 12. Мука для просфоръ, означенныхъ въ § 11, по соглашенію причта и старосты съ просфорницею, имъ покупается на церковныя деньги, или церковь уплачиваетъ просфорницѣ стоимость ея деньгами,—о томъ или иномъ способѣ соглашенія прописывается въ актѣ избранія просфорницы (см. прим. § 2 сихъ правилъ).

§ 13. За приготовленіе просфоръ для богослуженія въ количествѣ, указанномъ выше (§ 11) и за дрова, каждая церковь уплачиваетъ просфорницѣ не менѣе 50 руб. въ годъ; городскія же соборныя и другія церкви, въ которыхъ совершается литургіа ежедневно, круглый годъ—не менѣе семидесяти рублей въ годъ, или же по пяти копѣекъ за обыкновенную служебную просфору, если просфорница употребляетъ для просфоръ свою муку.

§ 14. Если просфорницей будетъ состоять кто либо изъ женъ или дочерей наличнаго причта, то церковь можетъ уплачивать ей за изготовленіе указанныхъ въ § 11 просфоръ и за дрова вознагражденіе и менѣе пятидесяти рублей.

§ 15. Просфоры, потребныя богомольцамъ для подачи на проскомидію и въ другихъ случаяхъ (при заказныхъ литургіяхъ, освященіи пасхъ и проч.),—изготавливаются обязательно состоящей при данной церкви просфорницей изъ ея собственной муки, качества, указаннаго въ § 10 сихъ правилъ и сдаются церковному старостѣ по цѣнѣ—3 коп. за малую и 5 коп. за большую просфору; староста же, лично или чрезъ своего довѣреннаго продаетъ эти просфоры богомольцамъ, согласно опредѣленію мѣстной духовной Консисторіи отъ 7 февраля 1903 года за № 2415, малыя просфоры не дороже 5 коп., а большія—не дороже 7 коп. за каждую просфору. Во избѣжаніе недоразумѣній, церковный староста каждый разъ заблаговременно заказываетъ просфорницѣ, сколько требуется ему просфоръ для продажи богомольцамъ и въ какому сроку, причемъ не проданныя просфоры остаются за церковью.

§ 16. Своевременная и аккуратная доставка просфоръ отъ про-

сфорницъ производится за счетъ церкви и лежитъ на отвѣтственности церковнаго старосты. Доставка просфоръ самою же просфорницею можетъ возлагаться на нее только по усмотрѣнію Попечительства, въ виду какихъ либо исключительныхъ условій ея службы и мѣстожителства.

§ 17. Всѣ просфорницы, получающія Попечительское пособіе, не должны быть лишаемы онаго, равнымъ образомъ и тѣмъ изъ нихъ, которыя не получаютъ такового и будутъ просить о назначеніи имъ,—не отказывать, если только онѣ по своей бѣдности заслуживаютъ онаго.

§ 18. За исправностію и поведеніемъ просфорницъ, на основаніи § 8 благочинической инструкціи, наблюдаетъ Благочинный. А потому на неисправность просфорницы и отступленіе отъ сихъ правилъ, причты и церковные старосты жалобы представляютъ Благочинному, который, по разслѣдованіи и разсмотрѣніи таковыхъ жалобъ въ Благочиническомъ Совѣтѣ, или единолично удовлетворяетъ такія жалобы, или съ мнѣніемъ Совѣта, чрезъ Попечительство представляетъ на Архипастырское благоусмотрѣніе Епархіальнаго Архіерея. Такъ точно поступать и съ жалобами просфорницъ на причты или церковныхъ старостъ.

§ 19. Причты, церковные старосты и благочинные обязаны наблюдать, чтобы никто, кромѣ утвержденныхъ къ церквамъ просфорницъ, не заготовлялъ и не продавалъ просфоръ; въ случаѣ же, если окажутся таковыя лица, благочинный обязанъ просить мѣстную полицію о запрещеніи такимъ лицамъ производства и торговли просфорами, съ отобраніемъ у нихъ и просфорныхъ печатей.

На подлинныхъ дополнительныхъ правилахъ резолюція Его Высокопреосвященства 28 мая сего года послѣдовала такая: „Изъ приложенныхъ печатныхъ правилъ видно, что просфорное дѣло въ епархіи упорядочено. Впрочемъ принять къ руководству и новыя дополнительные правила. Дѣло о просфорняхъ, кромѣ Харькова, передаются въ вѣдѣніе Преосвященному Викарію“.

Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ, за 1903 годъ.

Смотритель училища *Снегиревъ* Александръ Алексѣевичъ, стат. совѣт., кандидатъ Казанской духовн. акад. 1874 года; 11 іюля 1874 г. препод. Харьк. духовн. семина., 5 ноября 1887 года смотритель училища.

Помощникъ смотрителя, *Зедировъ* Николай Андреевичъ, священникъ, кандидатъ богословія; 26 сент. 1885 г. преподаватель Оренбургскаго дух. училища; 21 іюня 1889 г. преподав. Оренбургскаго Епарх. женск. училища, 9 марта 1890 г. преподав. Симбирской дух. семинаріи, 17 марта 1893 г. помощн. смотр. Симбирск. дух. учил.; 8 августа 1902 г. помощн. смотр. Харьковскаго духовнаго училища.

Преподаватели:

Русскаго и церк.-слав. языковъ въ II—IV классахъ *Евсикій* Иванъ Александровичъ, статск. совѣтн., канд. Кіевск. дух. акад. 1883 г.; 23 декабря 1883 г. препод. Черкаскаго дух. учил.; 10-го августа 1884 г. преп. Харьковск. духовн. училища.

Русскаго и церк.-слав. языковъ въ I классѣ *Коротковъ* Сергій Гавриловичъ, коллежск. ассесоръ, канд. С.-Петербур. духовн. акад. 1897 г.; 1 января 1898 года надз.-реп. Харьк. дух. учил.; 27-го августа 1899 года препод. русскаго и церк.-славянск. языковъ при томъ же училищѣ.

Латинскаго языка *Булаковъ* Иванъ Васильевичъ, надв. сов. канд. Моск. дух. акад. 1895 г.; 3 августа 1895 г. препод. русск. и церк.-слав. яз. I класса Харьковск. дух. учил., 27 августа 1899 г. препод. латинскаго языка при томъ-же училищѣ.

Греческаго языка—*Марченко* Владиміръ Васильевичъ, надв. сов., студентъ Хар. дух. сем. 1879 г.; 15 августа 1879 года надз. репет. Харьковск. дух. училища, 2 октября 1880 года препод. греческаго языка Харьк. дух. учил.

Географіи и ариѳметикѣ—*Пономаревъ* Василій Арсеньевичъ, стат. совѣт., канд. Кіевск. Духовной Академіи 1883 г., 23 октября 1883 г. помощн. инспектора Харьк. духовн. семинаріи, 1 августа 1894 г. препод. географіи и ариѳметикѣ Харьк. духовн. учил.

Церковнаго пѣнія и муз. *Лобковскій* Александръ Алексѣевичъ, священникъ, студ. Харьк. духовн. сем. 1893 года; 1 ноября 1897 г. учитель пѣнія и музыки при Харьковск. духовн. училищѣ.

И. д. учителя приготовительнаго класса *Лихницкій* Иванъ Васильевичъ, надв. совѣтн. воспит. Харьк. духов. семин. 1885 года; 14 сентября 1887 года надз.-репет. Харьк. духовн. училища; 18 іюля 1891 года и. д. учителя приготов. класса при томъ же училищѣ.

Надзиратели:

IV. *Антоновъ* Александръ Трофимовичъ, студ. семинар. съ 1-го февраля 1903 года.

III. *Архангельскій* Илья Митрофановичъ студ. семинар., съ 1-го ноября 1902 года.

II. *Лобковскій* Иванъ Васильевичъ, надв. сов., студ. Хар. дух. семин., съ 1 августа 1890 года.

I. *Макаровскій* Федоръ Григорьевичъ, студ. Хар. дух. сем., съ 1 октября 1901 года.

Пригот. класса—*Черняевскій* Владиміръ Александровичъ, воспитанникъ духовн. семинаріи, съ 1 марта 1903 г.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ за 1903 годъ.

1. Смотритель училища, стат. сов. Иванъ Ивановичъ *Григоровичъ*, имѣеть ордена: св. Станислава III степ., св. Анны III степ. и св. Станислава II степ. Въ 1880 г. окончилъ курсъ въ Кіев. духовн. акад. со степенью кандидата, съ правомъ искать степени магистра, не подвергаясь новому устному испытанію. Въ томъ-же 1880 г. преподаватель латин. яз. въ Кіево-Софійскомъ дух. учил. Въ 1882 г. преподав. рус. и церк.-слав. яз. въ томъ же училищѣ. Съ 1881 по 1884 г. преподаватель рус. яз. и словеси. при Кіевскомъ училищѣ двѣицъ духовнаго званія. Въ 1884 г. смотритель Черваскасаго духовнаго училища. Въ 1888 г. членъ и казначей Черваскасаго уѣзднаго отдѣленія Кіевскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ 1893 г. смотритель Купянскаго духовнаго учил. и членъ Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта; съ 1899 г. состоитъ членомъ школьной комиссіи при томъ-же отдѣленіи.

2. Помощникъ смотрителя, стат. сов. Александръ Павловичъ *Малышевскій*. Имѣеть орденъ св. Станислава III степ. Въ 1886 г. окончилъ курсъ въ Кіев. духовн. акад. со степенью канд. 1886 г. учитель рус. яз. въ Кутаискомъ дух. учил. 1890 г. преподаватель литургіи, гомилетики и практическаго руководства для пастырей въ Тифинской духовной семинаріи. 1894 г. учитель арифмет. и географіи въ Купянскомъ духовномъ училищѣ; 1895 г. помощникъ смотрителя Купянскаго духовнаго училища. 1897 г. членъ Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта.

3. Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ старшихъ классахъ училища, надв. совѣт. Николай Яковлевичъ *Александровъ*. Имѣеть орденъ св. Станислава III степ. Въ 1894 г.

окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и удостоенъ званія кандидата. 1895 г. учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ во II, III и IV классахъ Купянскаго духовнаго училища.

4. Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ I классѣ, надв. совѣт. Иванъ Стенановичъ *Гоминъ*. Имѣеть орденъ св. Станислава III степ. 1889 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1889 г. надзиратель-репетиторъ I-го класса Харьковскаго духовнаго училища и учитель церковнаго пѣнія въ томъ-же училищѣ. 1897 г. учитель русскаго языка въ I классѣ Купянскаго духовнаго училища и учитель церковнаго пѣнія въ томъ же училищѣ. 1902 г. членъ—дѣлопроизводитель училищнаго Правленія.

5. Учитель греческаго языка, канд. бог. Михаилъ Георгіевичъ *Ульяницкій*. Въ 1901 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и удостоенъ званія кандидата. 1902 г. учитель греческаго языка Купянскаго духовнаго училища.

6. Учитель латинскаго языка свящ. Александръ Георгіевичъ *Макушинъ*. Въ 1871 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1872 г. надзиратель въ Купянскомъ духовномъ училищѣ. 1873 г. учитель латинскаго яз. въ Купянскомъ духовномъ училищѣ. 1894 г. рукоположенъ во священника и причисленъ сверхъ штата къ Купянскому Покровскому собору. 1895 г. законоуч. Купянскаго уѣзднаго училища.

7. Старшій учитель, учитель ариметики и географіи, стат. сов. Михаилъ Дмитріевичъ *Островидовъ*. Имѣеть орденъ св. Станислава III степ. и Библію отъ Св. Синода выдаваемую. Въ 1884 г. окончилъ курсъ въ Кіевской дух. акад. и удостоенъ званія кандидата. 1884 г. преподаватель латинскаго языка Черкаскаго дух. училища. 1885 г. преподаватель рус. яз. въ старшихъ классахъ того-же училища. 1886 г. преподаватель ариметики и географіи того-же училища. 1889 г. преподаватель ариметики и географіи Ярославскаго дух. учл. Съ 1890 по 1896 г. преподавалъ гражданскую исторію въ Ярославскомъ епархіальн. женскомъ училищѣ. 1890 г. членъ отдѣленія по Ярославскому уѣзду епархіальнаго училищнаго совѣта. 1899 г. преподаватель греческаго языка Пинскаго духовнаго училища. 1899 г. преподаватель ариметики и географіи Купянскаго духовнаго училища.

8. Учитель приготов. класса, надвор. совѣт. Георгій Θεодотовичъ *Поповъ*. Имѣеть орденъ св. Станислава III степени. Въ 1890 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, удостоенъ

званія студента и опредѣленъ надзирателемъ—репетиторомъ въ Купянское духовное училище. 1894 г. учитель приготов. класса того-же училища. 1895 г. учитель чистописанія того-же училища. 1896 г. членъ-дѣлопроизводитель Купянского уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта. 1898 г. членъ школьной коммисіи при томъ-же отдѣленіи.

9. Надзиратель-репетиторъ IV класса, надвorn. совѣтн. Петръ Алексѣевичъ *Торанскій*. Въ 1879 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1880 г. надзиратель въ Купянскомъ духовномъ училищѣ.

10. Надзиратель—репетиторъ III класса. надв. сов. Виссаріонъ Ивановичъ *Смирнскій*. Въ 1891 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, удостоенъ званія студента и опредѣленъ надзирателемъ-репетиторомъ въ Купянское духовное училище.

11. Надзиратель-репетиторъ II класса, кол. ассес. Федоръ Александровичъ *Евсикій*. Въ 1891 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи. 1893 г. надзиратель-репетиторъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ.

12. Надзиратель-репетиторъ I класса, Николай Тимоѣевичъ *Питенко*. Въ 1899 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и опредѣленъ надзирателемъ-репетиторомъ въ Купянское духовное училище.

13. Надзиратель-репетиторъ приготов. класса Федоръ Михайловичъ *Прищепя*. Въ 1901 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и опредѣленъ надзирателемъ-репетиторомъ въ Купянское духовное училище.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1902—1903 учебный годъ.

Смотритель училища, протоіерей Аркадій Федоровичъ *Грузова*, кандидатъ богословія, вмѣстѣ орденъ св. Станислава 3 ст., наперсный крестъ, камилавку, серебр. медаль въ память царствования Императора Александра III в знакъ Краснаго Креста. По окончаніи курса наукъ въ Московской духовной академіи 1876 г. со степенію кандидата богословія и правомъ искать степени магистра, не подвергаясь устному испытанію, состоялъ преподавателемъ исторіи въ Московскомъ Комисаровскомъ техническомъ училищѣ (съ 1876—1886 г.), исторіи, географіи и педагогикѣ въ

Александрo-Маріинскомъ в Маріинскомъ женскихъ училищахъ въ Москвѣ, вѣдомства Императрицы Маріи (съ 1875—1890 г.). Въ 1890 году рукоположенъ во священника-настоятеля Вознесенской сл. Песокъ церкви при г. Изюмѣ; съ 24 іюня 1892 года назначенъ смотрителемъ училища.

Помощникъ смотрителя, священникъ Іаковъ Прокофьевичъ *Матусевичъ*, кандидатъ богословія, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст. и серебр. медаль въ память царств. Императора Александра III; окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1892 г., 21 октября 1893 года назначенъ учителемъ церковно-приходской школы въ с. Вптонжѣ, Луцкаго уѣзда, Волынской губ.; 12 марта 1894 г. опредѣленъ на должность надзирателя въ Мѣледкое духовное училище; 1 августа 1894 г. перемѣщенъ на должность помощника пвспектора Харьковской духовной семинаріи, съ 3 сентября 1899 г. проходилъ должность законоучителя въ Харьковскомъ земледѣльческомъ училищѣ; 31 января 1901 года назначенъ на настоящую должность.

Преподаватели:

1. Русскаго в церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ кандидатъ богословія Ѳедоръ Ѳедоровичъ Горанинъ; по окончаніи курса въ С.-Петербургской духовной академіи со степенью кандидата богословія и правомъ искать степени магистра, не подвергался новому устному испытанію, назначенъ 3 октября 1902 г. учителемъ Сумскаго духовнаго училища; съ 4-го іюля 1903 года состоитъ членомъ правленія.

2. Арифметики и географіи, надв. сов. Николай Михайловичъ *Гальковский*, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи въ 1895 г. со степенью кандидата богословія, назначенъ учителемъ Сумскаго духовнаго училища 1 января 1896 г. Со 2 марта того же года по 4 іюня 1903 года состоялъ членомъ правленія.

3. Греческаго языка кол. асс., кандидатъ богословія Алексѣй Михайловичъ *Литкевичъ*. Окончилъ курсъ ученія въ Московской духовной академіи въ 1897 г., съ 15 августа 1898 г. состоялъ въ должности надзирателя-репетитора Харьковской духовной семинаріи; 12 сентября 1899 г. назначенъ учителемъ Сумскаго духовнаго училища.

4. Латинскаго языка—кандидатъ богословія Александръ Григорьевичъ *Дьяковъ*. Окончилъ курсъ въ С.-Петербургской духов-

ной академіи въ 1897 г., съ 14 сентября 1899 г. состоялъ на должности надзирателя—репетитора Харьковскаго духовнаго училища; 1 сентября 1901 г. назначенъ учителемъ Сумскаго духовнаго училища.

5. Старшій учитель—учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ 1 классѣ, надв. сов. Владиміръ Васильевичъ *Сукачевъ*, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст. и серебр. медаль въ память царств. Императора Александра III. Въ 1880 г. окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной Семинаріи и удостоенъ званія студента, съ 9 ноября 1880 г. учитель латынскаго языка въ Ахтырскомъ, нынѣ Сумскомъ дух. училищѣ; 19 августа 1885 г. преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ.

6. Приготовительнаго класса надв. сов. Василій Васильевичъ *Покровский*, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст. и серебр. медаль въ память царств. Императора Александра III; въ 1886 г. окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента, съ 10 февраля 1886 г. надзиратель-репетиторъ Ахтырскаго, нынѣ Сумскаго духовнаго училища, 5 августа 1886 г. опредѣленъ учителемъ приготовительнаго класса.

7. Церковнаго пѣнія и надзиратель-репетиторъ приготовительнаго класса, окончившій курсъ Семинаріи Павелъ Кирилловичъ *Карповъ*. По окончаніи въ 1902 г. курса наукъ въ Харьковской духовной Семинаріи по второму разряду, 1-го сентября того же года опредѣленъ на настоящую должность.

Надзиратели—репетиторы училища.

4 класса студ. семинаріи кол. асс. Сергѣй Яковлевичъ *Сушковъ*, окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи въ 1893 г., въ должности надзирателя состоятъ съ 10 марта 1894 г.

3 класса надв. сов. Иванъ Трифоновичъ *Бугуцкий*, въ 1887 г. окончилъ курсъ ученія въ Харьковской дух. семинаріи со степенью студ.; въ должности надзирателя-репетитора состоятъ съ 11 августа 1888 года.

2 класса оконч. курсъ ученія семинаріи по второму разряду Андрей Петровичъ *Дубянский*, окончилъ курсъ ученія въ Харьковской дух. семинаріи въ 1893 г.; съ 22 октября того же года состоялъ учителемъ народнаго училища въ с. Люботинѣ, Валковскаго уѣзда, Харьк. губ., съ 15 августа 1895 г. состоялъ учителемъ въ Харьковской Александро-Невской двухклассной церковно-приходской школѣ, съ 1 августа 1895 г. состоялъ законоучите-

лемъ въ 6 городскомъ приходскомъ училищѣ въ г. Харьковѣ, съ 22 января 1897 г. состоялъ помощникомъ смотрителя Харьковскаго Александровскаго пріюта, 20 іюля 1900 года опредѣленъ надзирателемъ въ Сумское духовное училище.

1 класса студ. семинаріи Сергѣй Мпхайловичъ *Дубровинъ*. По окончаніи курса наукъ въ Харьковской духовной семинаріи въ 1902 г., 1 сентября того же года опредѣленъ въ настоящую должность.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

Петро-Павловская церковь с. Заводовъ, Изюмскаго уѣзда.
Сошествіевская церковь сл. Хатняго, Волчанскаго уѣзда

Діаконскія.

Николаевская церковь с. Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда.
Казанская церковь с. Басовки, Сумскаго уѣзда.
Преображенская церковь с. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда.
Троицкая церковь с. Перекона, Валковскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Тарасовки, Купянскаго уѣзда.
Пятницкая церковь с. Бакировка, Ахтырскаго уѣзда.

Цсаломщизнія:

Троицкая церковь с. Моисеевки, Старобѣльскаго уѣзда.
Покровская церковь с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.
Петро-Павловская церковь с. Бняжнаго, Валковскаго уѣзда.
Іоанно-Предтеченск. церковь с. Ново-Ивановки, Зміевскаго уѣзда.
Пророко-Осіевская церковь, при Харьковскомъ Реальномъ Училищѣ.
Свято-Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.
Влад.-Богородичн. церковь с. Должинка, Харьковскаго уѣзда.
Арханг.-Михайловск. церковь зашт. гор. Краснокутска, Богодухов. уѣзда.
Введенская церковь с. Студенка, Изюмскаго уѣзда.
Троицкая церковь с. Чернокаменки, Зміевскаго уѣзда.
Кресто-Возд. церковь с. Кручика, Богодуховскаго уѣзда.
Воскресенская церковь с. Булацеловки, Зміевскаго уѣзда.
Варваринская церковь с. Канитольскаго, Изюмскаго уѣзда.
Успенская церковь с. Хотѣп, Сумскаго уѣзда.
Сошествіевская церковь с. Хатняго, Волчанскаго уѣзда.

Иоанно-Богословская церковь с. Солнцевки, Харьковскаго уѣзда.
 Кресто-Воздвиженская церковь с. Межирича, Лебединскаго уѣзда.
 Церковь сл. Молодовой, Волчанскаго уѣзда.
 Арх.-Михайловской церкви с. Колупаевки, Харьковскаго уѣзда.
 Церковь Александровской гимназіи, г. Сумъ.
 Покровская церковь сл. Колоничихи, Купянскаго уѣзда.
 Соборно-Покровская церковь г. Купянска.
 Рожд.-Богород. церковь с. Дозоваго, Богодуховскаго уѣзда.
 Троицкая церковь сл. Васильевки, Лебединскаго уѣзда.
 Соборная церковь г. Сумъ, Харьковскаго епархіи.

Грозный судъ Божій надъ хулителемъ преп. Серафима Саровскаго.

Харьковская Духовная Консисторія, во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 31 сего іюля препроводила въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ слѣдующую копію дознанія, произведеннаго унтеръ-офицеромъ Харьковскаго отдѣленія Харьковскаго жандармскаго полицейскаго управленія жел. дорогъ Колнаковымъ о крестьянинѣ Афанасіи Григорьевѣ Турѣ, ввезапно разбитомъ параличемъ послѣ дерзко высказанныхъ имъ мыслей противъ святости мощей преподобнаго Серафима Саровскаго.

П Р О Т О К О Л Ъ.

Ст. „Харьковъ“ Курско-Харьково-Севастопольской жел. дор. 1903 года іюля 18 дня, я унтеръ-офицеръ Харьковскаго отдѣленія Харьковскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ Колнаковъ, на основаніи 261, 9-й ст. Уст. Угол. Суд., составилъ настоящій протоколъ о нвжеслѣвующемъ.

Сего числа, въ 5 часовъ вечера, мнѣ стало извѣстно, что въ желѣзнодорожную больницю доставленъ рабочій депо Харьковъ Курско-Харьково-Севастопольской желѣзной дороги крестьянинъ Харьковской губерніи Волчанскаго уѣзда и волости Афанасій Григорьевъ Туръ, котораго ввезапно разбило параличемъ послѣ дерзко высказанныхъ имъ мыслей противъ святости мощей преподобнаго Серафима Саровскаго.

Въ виду изложеннаго, мною было произведено по сему дѣлу дознаніе, при чемъ выяснилось слѣдующее:

Слесарь сего же депо крестьянинъ Курской губерніи, Старо-Оскольскаго уѣзда, Богославской волости, Гавріиль Егоровъ Сѣ-

дуновъ объяснилъ, что 18 сего іюля, около часу дня, онъ, Сѣдуновъ, купилъ себѣ газету „Южный Край“, въ которой и прочиталъ объ исцѣленіи пяти человѣкъ отъ мощей преподобнаго отца Серафима Чудотворца Саровскаго, о чемъ и задумался; въ это время къ нему подошелъ рабочій Афанасій Туръ, который спросилъ у Сѣдунова, о чемъ онъ задумался, на что Сѣдуновъ Туру отвѣтилъ, что онъ только что читалъ въ газетѣ о мощахъ преподобнаго отца Серафима и объ исцѣленіи пяти человѣкъ; Туръ ему на это отвѣтилъ, что это все пишутъ пустяки, никакихъ мощей не бываетъ, а пишутъ въ газетахъ только для той цѣли, чтобы дать хорошій доходъ монастырю, и при этомъ выразился, что штуцдвисты никакихъ мощей не признаютъ и святымъ угодникамъ не вѣрятъ, потому что таковыхъ быть не можетъ, а также ничему и онъ, Туръ, не вѣритъ и святого угодника отца Серафима не признаетъ; послѣ этого началъ еще болѣе спорить, издѣваться надъ мощами преподобнаго отца Серафима. При этомъ были еще два слесаря Балабудкинъ и Ковалевъ, въ присутствіи коихъ онъ, Туръ, тоже смѣялся надъ святымъ угодникомъ. Около 4-хъ часовъ дня, онъ окончилъ свой послѣдній разговоръ и въ присутствіи всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ, Туръ съ такою же насмѣшкою отошелъ отъ нихъ и пошелъ въ ватеръ-клозетъ; зайдя туда сейчасъ же упалъ и началъ биться объ полъ, но говорить ужъ нечего не могъ, такъ какъ у него параличемъ поразило языкъ, правую ногу и правую руку, такъ что Туръ подняться самъ уже не могъ. Сѣдуновъ, видя это, заявилъ о происшедшемъ монтеру Корчанову, который тотъ-часъ же съ носилками приказалъ отправить Тура въ желѣзнодорожную больницу.

Спрошенные мною по сему дѣлу слесаря названнаго депо: мѣщанинъ города Грайворона, Курской губерніи Семенъ Ильичъ Ковалевъ и того же города Евдокимъ Васильевъ Балабудкинъ объяснили то же самое, что и слесарь Сѣдуновъ.

Туръ не допрошенъ, такъ какъ не можетъ говорить вслѣдствіе паралича языка.

Вышеозначенное записавъ въ настоящій протоколъ, постановилъ: таковой представить Его Высокоблагородію начальнику Харьковскаго отдѣленія Харьковскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ на благоусмотрѣніе.

Мѣстожителство вышеозначенныхъ лицъ: Туръ находится въ больницѣ названной дороги, Сѣдуновъ, Ковалевъ и Балабудкинъ при депо „Харьковъ“. Унтеръ-офицеръ Колпаковъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Святѣя Горы.—Русскіе іерархи.—Предстоящіе юбілея русскихъ архипастырей.—Двухсотлѣтіе памяти Великаго Святителя русской земли.—Чудо въ Саровской пустыни.—Оживленіе религіозно-просвѣтительной дѣятельности въ Саратовѣ.—Незаконные сборы аеонскихъ келліотовъ.—50-лѣтней юбілей о. діакона Сорочянскаго.—Некрологи священно и церковно-служителей.—Вредъ куренія табаку.—Гигіеническое значеніе фруктовъ.

Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Святѣя Горы. По обычаю Харьковскихъ архипастырей, день Успенія Пресвятыя Богородицы Высокопреосвященнѣйшій Арсеній провелъ въ молчвенномъ общеніи съ братією святогорской обители. Возвратился Владыка изъ Святыхъ Горъ 18-го числа утромъ.

— Въ воскресенье 24 августа Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, служилъ литургію въ Покровской церкви Харьковскаго монастыря.

— *Русскіе іерархи.* Высшую іерархію русской православной церкви нынѣ составляютъ 123 архипастыря, въ томъ числѣ: 3 митрополита, 13 архіепископовъ и 105 епископовъ; среди послѣднихъ викаріями состоятъ 37 преосвященныхъ. Отъ управленія епархіями уволенъ 1 архіепископъ и 15 епископовъ, пзъ коихъ одинъ присутствуетъ во Св. Синодѣ, двое состоятъ членами московской конторы Снода, а пятеро управляютъ монастырями въ разныхъ епархіяхъ. Персоналъ святѣйшаго Снода составляютъ: первенствующій членъ, митрополитъ с.-петербургскій Антоній (57 л.), кievскій митрополитъ Флавіанъ (63 л.), московскій митрополитъ Владиміръ (54 л.), экзархъ Грузіи, карталинскій архіепископъ Алексій (64 л.), новгородскій архіепископъ Гурій (74 л.) и бывшій полоцкій епископъ Марьелъ (77 л.). Въ нашей имперіи и за границей русская православная церковь имѣетъ 69 епархій, коими управляютъ 3 митрополита, 14 архіепископовъ и 52 епископа. Кромѣ синодальныхъ членовъ, въ санѣ архіепископа состоятъ и слѣдующіе преосвященные: ярославскій — Іонафанъ (86 л.), бывшій кипривскій — Неофитъ (82 л.), вленискій — Ювеналій (77 л.), донской — Аѳанасій (75 л.), одесскій — Іустинъ (74 л.), воронежскій — Анастасій (73 л.), владимірскій — Сергій (73 л.), Иркутскій — Тихонъ (72 л.), варшавскій — Іеронимъ (67 л.), харьковскій — Арсеній (64 л.), тверской — Дмитрій (63 л.), казавскій — Дмитрій (62 л.) и выборгскій — Николай (50 л.). Старѣйшими епископами оказываются: бывшій рязанскій Полевкъ (85 л.), вичешемскій Веніаминъ (83 л.), полтавскій Илларионъ (80 л.), костромской Виссаріонъ (79 л.), мннгрельскій Александръ (78 л.),

сухумскій Арсеній (77 л.), бывшій мнѣгрельскій Григорій (76 л.), каневскій Сяльвестръ (76 л.), бывшій архангельскій Наѳананль (75 л.) и елисаветградскій Мемнопъ (74 л.); самыми же молодыми являются епископы: люблинскій Евлогій (34 л.), алавердскій Дмитрій (35 л.), уманскій Агапитъ (36 л.), бійскій Макарій (36 л.), ямбургскій Сергій (36 л.).

По образовательному цензу распредѣляются такъ: академистовъ 110 (въ томъ числѣ архіепископъ Ювеналій — питомецъ артиллерійской академіи), университетскихъ 4 (митрополитъ Флавіанъ, епископъ Маркелъ, олонецкій епископъ Сергій и епископъ Тихонъ въ Самарѣ), семинаристовъ 8 и агрономовъ 2 (сухумскій епископъ Арсеній и олонецкій епископъ Анастасій); по мѣсту академическаго образованія іерархи принадлежатъ: с.-петербургской духовной академіи — 37, кievской — 33, московской — 23 и казанской — 16, причемъ высшую степень доктора богословія или церковной исторіи имѣютъ только слѣдующіе архипастыри: митрополитъ Антоній, владимірскій архіепископъ Сергій, костромской епископъ Виссаріонъ и каневскій епископъ Сяльвестръ. Средь 123 іерарховъ находятся 60 архипастырей, бывшихъ до постриженія въ монашество вдовыми священниками и только одинъ епископъ Маркелъ (Понель), какъ воссоединившійся съ православіемъ бывшій галицкій греко-уніатъ, не принималъ монашества при хиротоніи его 8 іюня 1875 г., въ епископскій санъ въ суб. кафедральномъ Исакіевскомъ соборѣ; эта хиротонія была тогда совершена митрополитомъ Исидоромъ и другими членами Св. Синода, находившимися въ столицѣ.

Долѣ всѣхъ въ святительскомъ санѣ пребываютъ мнѣгрельскій епископъ Александръ (съ 1862 г.), ярославскій архіепископъ Іоаннъ (1866) и одесскій архіепископъ Іустинъ (1871).

Большинство русскихъ архипастырей по своему происхожденію — дѣти священниковъ или причетниковъ православной церкви, а въ высшему дворянству принадлежали только двое: алавердскій епископъ Дмитрій (въ мѣрѣ князь Давидъ Абашидзе) и бывшій мнѣгрельскій епископъ Григорій (въ мѣрѣ свѣтлѣйшій князь Георгій Дадіанъ), нынѣ пребывающій въ вмеретянскомъ Гаэнарскомъ монастырѣ на покоѣ. Что касается распредѣленія пасомыхъ между архипастырями, то здѣсь замѣтна крайняя неравномѣрность; самыми многочисленными епархіями оказываются: кievская (4 милл. жптелей), вятская ($3\frac{1}{3}$ милл.), подольская ($3\frac{1}{4}$ милл.), волынская (3 милл.) и тамбовская (3 милл.), а самыми малочисленными: архангельская (350 тыс.) и олонецкая (370 тыс.), не говоря уже объ

епархіяхъ экзотическихъ, т. е. находящихся за предѣлами Россіи. Въ заключеніе необходимо замѣтить, что два главныхъ города, служащіе центрами управленія очень обширными краями, а именно, Ташкентъ и Хабаровскъ, доселѣ не имѣютъ въ своихъ стѣнахъ ни епископовъ, ни даже викаріевъ, такъ какъ туркестанскій епископъ Павсій жительствуетъ въ семирѣченскомъ городѣ Вѣрномъ (700 верстъ отъ Ташкента), а приамурскій епископъ Никодимъ въ г. Благовѣщенскѣ. «С.П.Б. Вѣд».

— *Предстоящіе юбилеи русскихъ архипастырей.* Предстоящей осенью исполнятся полустолѣтіе духовнослужебной дѣятельности слѣдующихъ архипастырей русской православной церкви: Одесскаго архіепископа Іустина (13 сентября), Донскаго архіепископа Афанасія (29 сентября), Новгородскаго архіепископа Гурія, нынѣ присутствующаго во Святѣйшемъ Синодѣ (31 октября), Воронежскаго архіепископа Анастасія (1 декабря), Костромскаго епископа Виссаріона (8 декабря) и Владимірскаго архіепископа Сергія (9 декабря). Старшій же по возрасту среди всѣхъ іерарховъ высокопреосвященный Іонафанъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, 30 ноября, заканчиваетъ шестидесятилѣтіе своей духовно просвѣтительной дѣятельности на пользу грековосточнаго православія.

— *Двухсотлѣтіе памяти великаго святителя русской земли.* Городъ Воронежъ и вся православная паства Воронежской губерніи готовятся торжественно отпраздновать двухсотлѣтіе со дня блаженной кончины своего перваго архипастыря и всея Руси чудотворца, Святителя Митрофана Воронежскаго. Это празднованіе состоится 23 ноября, а недавно происходило въ настоятельскихъ покояхъ Митрофанова монастыря экстренное общее собраніе воронежскаго епархіальнаго историко-археологическаго комитета, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Анастасія, который прочелъ свой рефератъ «Святитель Митрофанъ, первый епископъ Воронежскій и Азовскій». Уже выработана программа чествованія памяти великаго святителя; будетъ издано новое житіе его съ иллюстраціями, причемъ рисунки будутъ приспособлены и для туманныхъ картинъ, которыя будутъ показываемы во время чтеній, предназначаемыхъ всему Воронежскому населенію. Здѣсь необходимо упомянуть, что государь Петръ Великій очень уважалъ Воронежскаго Святителя Митрофана, который, замѣтивъ, что вблизи Воронежа пріостановилась постройка кораблей, необходимыхъ Петру I для похода на Азовское море въ борьбѣ съ турками, пожертвовалъ (1695) все наличное имущество свое и капиталъ въ 6000 рублей серебряною монетою, а позже (1701) для борьбы со

шведами, опять таки для нуждъ кораблестроенія, еще пожертвовалъ 7000 рублей серебромъ (а вся сумма пожертвованій по нынѣшнимъ цѣнамъ превышаетъ сто тысячъ рублей). Эту жертву государь принялъ отъ архипастыря, какъ знакъ Божія благословенія его морскому предпріятію. Когда святитель скончался (1703), Петръ Великій нарочито пріѣхалъ въ Воронежъ и участвовалъ въ похоронахъ мудраго святителя и вѣрнаго помощника своего; проливая горестныя слезы, онъ благоговѣнно облобызалъ десную руку святителя и затѣмъ на мочучихъ плечахъ отнесъ вмѣстѣ съ другими почитателями гробъ архипастыря въ усыпальницу. Въ назиданіе же окружавшихъ святого тогда Государь произнесъ: „не осталось у меня такого старца, ему же буди вѣчная память!“ *«С.-Петер. Вѣд.»*.

— *Чудо въ Саровской пустынѣ.* Въ «Южномъ Краѣ» г. Алексѣй Тихоновичъ сообщаетъ о слѣдующемъ необыкновенномъ явленіи, происшедшемъ въ Саровской пустынѣ на могилѣ преподобнаго Серафима, саровскаго чудотворца, очевидцемъ котораго былъ харьковскій землевладѣлецъ Николай Елисеѣвичъ Кривошеевъ. У Кривошеева былъ пріятель, въ высшей степени умный и образованный человекъ. Служилъ онъ въ военномъ вѣдомствѣ, отрицалъ живую личность, волю и разумѣніе; въ себя, впрочемъ, крѣпко вѣрилъ. Бога нѣтъ,—говорилъ онъ,—святости также, нѣтъ в личнаго безсмертія. Есть только силы природы, несокрушимыя, но безсознательныя, какъ воздухъ, какъ пламя. «Вотъ съ нимъ-то, да еще съ тремя благопріятелями г. Кривошееву довелось посѣтить Саровскую пустынь. Торжественное служеніе и удивительныя сказанія о чудесахъ и дѣяніяхъ старца Серафима наполняли душу такимъ благоговѣніемъ, что колѣни невольно сгибались. Жутко и легко становилось на сердцѣ. Вотъ Онъ—посредникъ между людьми и Богомъ, крѣпкое звено между временной жизнью и вѣчностью. Философъ улыбался, забавляясь всеобщимъ умилениемъ: „Экіе, дескать, чудесники! Чуда нѣтъ и не можетъ быть. Чудо—это скала на пути силъ природы. Сила объ нее должна разбиться или измѣнить направленіе, и все пойдетъ вверхъ дномъ. Но этого пока нѣтъ, все стройно и прекрасно, и, значитъ, чуда нѣтъ“.

Кривошееву надоѣло его умничаніе: Что ты съ нами разсуждаешь? Мы народъ мелкій,—сказалъ онъ ему. Поди-ка потолкуй съ наибольшимъ. Старецъ Серафимъ изъ могилы отвѣтитъ, изъ райской обители отзовется.

— Развѣ?—прищурялся тотъ.—Это любопытно. Пойдемъ на дознаніе.

И компанія направилась къ могилѣ угодника. „Признаюсь, мнѣ

было страшно, — передавалъ Кривошеевъ. — Товарищи мои казались не совсѣмъ спокойными, а только умникъ улыбался, по обыкновению. Время было подъ вечеръ. Тахо и торжественно было въ небѣ, а около могилы еще тише и торжественнѣе. Я остановился въ нѣсколькихъ шагахъ. Сердце сильно билось. Не дерзость-ли съ нашей стороны — тревожить прахъ святаго для какого-то опыта. Вѣдь, это въ сущности — опытъ. Мнѣ очень хотѣлось убѣждать. Но умникъ уже стоялъ на могилѣ и положилъ руку на крестъ. Онъ окинулъ насъ презрительнымъ взглядомъ и собирался сказать что-то очень умное... Какъ вдругъ... Что-то пронеслось въ воздухѣ, земля дрогнула, могила словно выросла, и крестъ покачнулся съ такою силою, что филозофъ отлетѣлъ шаговъ на пятнадцать и тяжело рухнулъ на землю. Я едва устоялъ на ногахъ и, должно-быть, потерялъ сознание, а когда опомнился, все было по прежнему, свѣтло и тихо. Умникъ стоялъ въ сторонѣ, привавшись къ дереву. Я подошелъ къ нему. Онъ плакалъ.

— Ну, что? Наткнулся на камень, — не вытерпѣлъ я и кольнулъ пріятели.

Онъ обернулся ко мнѣ не скрывая слезъ:

— Не камень, а камни, одни камни и мусоръ. Зданіе, которое я воздвигалъ всю жизнь, разбито, разрушено. Надо создавать новое, а хватить-ли силъ, не знаю. — И онъ снова припалъ къ дереву“.

Героя г. Тихоновича не назвалъ по имени. Да и къ чему оно? Кому извѣстно кромѣ Бога, да Его угодника, гдѣ бродилъ онъ послѣ описаннаго случая и что воздвигалъ, оставя службу и скрывшись тайкомъ изъ родныхъ мѣстъ.

— *Оживленіе религіозно-просвѣтительной дѣятельности въ Саратовѣ.* Въ Саратовѣ въ послѣднее время епархіальной властью обращено главное вниманіе на постановку миссіонерскаго дѣла. Въ цѣляхъ достиженія такого рода задачъ принимаются разнаго рода мѣры. На архіерейскомъ подворьѣ воздвигается храмъ-часовня, который долженъ служить центромъ для миссіонерской и просвѣтительской дѣятельности. Монастыри и общежитія въ свою очередь должны служить образцомъ истинно-церковной жизни, — на это также обращено вниманіе. Въ мѣстномъ мужскомъ монастырѣ, помимо внѣшняго переустройства, радикально измѣненъ весь внутренній строй; увеличено число монашествующей братіи, большая часть которой выписана съ Афона; улучшено пѣвие и всѣ церковныя службы: приобрѣтено нѣсколько иконъ съ мощами, благодаря чему паломничество въ монастырь усилилось, и притокъ матеріальныхъ жертвъ увеличился. Кромѣ того, при монастырѣ

заведены собственныя монастырскія прачечныя, швальни, пекарня и проч., чего раньше не было. Здѣсь предполагается учредить школу цѣлія для псаломщиковъ и учащихъ церковныхъ школъ. Далѣе, на ослабленіе раскола и сектантства и привлеченіе въ лоно православія иновѣрцевъ и магометанъ могутъ оказать вліяніе архіерейскія служенія; въ этихъ видахъ въ епархіи,—какъ передаетъ „Сарат. Лист.“,—учреждаются два викаріатства, причемъ одинъ изъ викарныхъ епископовъ будетъ постоянно находиться въ сѣверныхъ уѣздахъ—Кузнецкомъ, Вольскомъ и Хвалынскомъ, наиболѣе зараженныхъ расколомъ и магометанствомъ, а второй викарій распространить свою дѣятельность въ южной части епархіи. Помимо этого, къ миссіонерской дѣятельности привлекаются новыя лица, изъ нихъ одно съ высшимъ образованіемъ, должно находиться во главѣ дѣла. Въ цѣляхъ улучшенія общаго строя жизни духовенства и развитія благотворительности по приходамъ возстанавливается дѣятельность благотворительныхъ совѣтовъ. „С.П.Б. Вѣд.“.

— *Незаконные сборы аѳонскихъ келліотовъ.* Аѳонскіе монахи или, вѣрнѣе, аѳонскіе келліоты не унимаются и рассылаютъ довѣрчивымъ русскимъ людямъ свои льстивыя посланія съ просьбой пожертвовать имъ что-нибудь. И даютъ!

Противъ келліотовъ давно уже ведетъ борьбу Св. Синодъ, публикуя тѣхъ сборщиковъ, которымъ не слѣдуетъ посылать пожертвованій. Въ числѣ такихъ сборщиковъ раньше были поименованы 1) Варлаамъ Чернышевъ (старецъ келліи Трехъ Святителей), 2) Моисей Буренинъ, 3) іеромонахъ Инокентій, 4) іеромонахъ Іоанникій Литвиненко, 5) Симеонъ Чеботаревъ, 6) іеромонахъ Герасимъ Зяновьевъ и 7) іеромонахъ Матвѣй Воронковъ. Нынѣ, сверхъ того, не разрѣшено высылать пожертвованія и въ келлію Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы Хилендарскаго монастыря старцу схимонаху Паренію. Аѳонская гора, населенная благочестивыми иноками долго страдала отъ этого зла, но теперь почти избавилась отъ него, тогда келліоты—сборщики перенесли свою дѣятельность въ Константинополь. Тамъ они устроили цѣлыя канцеляріи, наняли юркихъ еврейчиковъ, и работа закипѣла. Достаточно сказать, что канцелярія одного изъ крупныхъ келліотовъ Моисея Буренина отправляетъ ежегодно въ Россію 500 тысячъ писемъ. Слѣдовательно, на одинъ марки тратится 50 тысячъ рублей.

Каковъ же долженъ быть приходъ?

Очевидно не малый. Адреса для писемъ келліоты добываютъ очень просто: они выписываютъ сенатскія объявленія о переходѣ недвижимыхъ имуществъ и адресъ-календари по всей Россіи.

Дѣло не трудное.

Пора-бы принять болѣе рѣшительныя мѣры противъ такого обираиія людей, которые, можетъ быть, отдають послѣднее, движимые чувствомъ вѣры.

— *50-лѣтній юбилей о. діакона М. Сорочинскаго.* По случаю 50-ти лѣтій службы діакона приходской Рождество Богородичной церкви въ г. Валкахъ М. А. Сорочинскаго, 31 іюля прихожане поднесли ему икону Спасителя и діаконское облаченіе. Въ этотъ день въ церкви отслужена была божественная литургія въ присутствіи многихъ прихожанъ и почитателей юбиляра. По окончаніи литургіи благочинный протоіерей отецъ Іоаннъ Федоровскій, поздравляя юбиляра, высказалъ пожеланіе, чтобы долготѣиія примѣрная жизнь и служба его послужили примѣромъ новому молодому поколѣнію церковнаго причта.

Отъ прихожанъ сказано было юбиляру привѣтствіе уполномоченнымъ г. Валкъ Г. Е. Кловацкимъ.

Скромное торжество это пріятно было раздѣлено всѣми участниками, пожелавшими засвидѣтельствовать свое уваженіе почтенному юбиляру, еще бодрому старыку, сумѣвшему съ хорошей стороны расположить къ себѣ большинство населенія нашего города. Правда, юбиляръ въ общественной жизни ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся своею дѣятельностью, чего отъ скромнаго служебнаго положенія и требовать нельзя, зато отрадно видѣть добрыя патріархальныя отношенія юбиляра къ прихожанамъ, питающимъ уваженіе къ своему діакону, какъ хорошему человѣку и примѣрному служителю православной церкви, чувства глубокаго уваженія.

Дай Богъ, чтобы подобныя примѣры взаимныхъ добрыхъ отношеній умножались въ разныхъ уголкахъ дорогаго нашего отечества.

Обыватель К.

— *Некрологи священно и церковно служителей.* Въ настоящее время въ Листкѣ для Харьковской Епархіи, какъ и во всѣхъ вообще Епархіальныхъ органахъ печати, ежегодно печатаются послужные списки мѣстныхъ преподавателей учебныхъ заведеній; а о лицахъ служащихъ помѣстной церкви Божіей дѣлается здѣсь очень мало замѣтокъ: рѣдко мы чытаемъ здѣсь сообщенія о поступленіи на службу, самой службѣ, движеніи по ней и выходѣ изъ нея не только псаломщиковъ и діаконровъ, но даже іереевъ и протоіереевъ: большинство изъ нихъ незамѣтно сходятъ съ поприща своей дѣятельности, какъ незамѣтно и входятъ на него. Между тѣмъ можетъ-ли 30—40—50 лѣтняя церковно-общественная дѣятельность того или другаго члена клира, какъ справедливо замѣ-

чаетъ „Странникъ“, пройти совсѣмъ безъ слѣда, не оставивъ по себѣ памяти, если не выдающимися изъ ряда обыкновенныхъ дѣлами, то чѣмъ-либо другимъ: душевными качествами, отнѣнными отношеніями къ прихожанамъ, своеобразной чертой въ характерѣ учительства, уничтоженіемъ вредныхъ обычаевъ и привитіемъ добрыхъ и проч.? Вѣдь, что бы про духовенство ни говорили и какъ-бы оно плохо иной разъ ни обнаруживало себя, однако въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ его любятъ и уважаютъ народъ. И неужели дѣлается это зря? Ума и прониновенности нашему народу не занимать, и оцѣнка дѣятельности духовенства народомъ идетъ не на основаніи минутныхъ увлеченій, а на основаніи долгой совмѣстной жизни, и такимъ образомъ народная любовь и уваженіе къ духовенству несомнѣнно суть плоды зрѣлыя. Конечно, съ точки зрѣнія нашего времени, времени громкихъ дѣлъ, трескучихъ фразъ, дѣятельности живой и лицемѣрной, духовенство мало обращаетъ на себя вниманія. Скромная, тихая, не заискивающая, имѣющая исходнымъ пунктомъ не награды, а созданіе Царства Божія и спасеніе душъ, такая дѣятельность не выдвигаетъ своихъ дѣятелей, не бьетъ на эффектъ и людямъ легкомысленнымъ можетъ давать поводъ къ замѣчаніямъ, что изъ деревни добраго не бываетъ. Между тѣмъ сплошь и рядомъ сколько теплится сплы, свѣта и огня любви въ этихъ скромныхъ деревенскихъ свѣточахъ! Въ „Странникѣ“, напр., приводится слѣдующій рассказъ. Одинъ изъ священниковъ С. П., вслѣдствіе тяжело сложившихся семейныхъ обстоятельствъ, страдалъ слабостью винопитія, бывалъ часто нетрезвъ, при этомъ были и другіе недочеты въ его жизни. У начальства онъ, разумѣется, былъ въ числѣ нерадивыхъ и опальныхъ. Его уже болѣе 20 лѣтъ какъ нѣтъ въ живыхъ, но память о немъ глубоко живетъ въ сердцахъ прихожанъ и образъ его по сіе время окруженъ ореоломъ самой искренней и высокой любви. Что же это значитъ? А то, что онъ и при значительныхъ слабостяхъ носилъ въ себѣ любовь Христа и проповѣдывалъ о ней не словомъ только, а и дѣломъ, то, что и при немощахъ своихъ онъ былъ тѣмъ истиннымъ пастыремъ, который не задумывается и душу свою положить за „овцы своя“. Крестьяне никакъ не могутъ, забыть, какъ этотъ священникъ въ весеннее половодье, когда нельзя ни пройти ни проѣхать, бродилъ по колѣни въ грязи въ отдаленныя деревни (версть за 8) для пріобщенія Св. Тайнами больныхъ, съ громаднѣйшею опасностью для жизни, пѣшкомъ, при переходѣ черезъ рѣчки разувался и переходилъ босикомъ. Не могутъ они забыть его простоты, ласки и безкорыстія. Словомъ

его христіанская любовь, его ревность о своемъ долгѣ и проч. далеко оставляли за собою всѣ его недостатки и при жизни, а черезъ 20 лѣтъ остался лишь одинъ свѣтлый образъ добраго пастыря. Вотъ примѣръ самаго зауряднаго священника. А развѣ здѣсь нечему поучиться каждому іерею до протоіерея включительно, будь только изображена болѣе или менѣе полно дѣятельность этого зауряднаго священника?

Мы не можемъ не привести здѣсь и слѣдующаго мнѣнія, слышаннаго нами недавно отъ одного изъ Харьковскихъ священниковъ, о необходимости хоть простыхъ замѣтовъ въ мѣстномъ листкѣ о смерти всѣхъ безъ исключенія священно и церковнослужителей Харьковской епархіи. Вѣдь у cadaго изъ нихъ, говорилъ намъ батюшка, найдется нѣсколько десятковъ, частію товарищей по воспитанію, частію знакомыхъ, священнослужителей, которые разбросаны по обширной Харьковской епархіи. Всѣ они легче всего посредствомъ листка могутъ узнать о смерти того или другого своего товарища и, узнавши, безъ сомнѣнія, помянутъ его въ своихъ молитвахъ предъ престоломъ Божиимъ. Безспорно, мнѣніе выше упомянутаго батюшки вполне справедливо.

Изъ сказаннаго, думается намъ, становится ясною и очевидною нравственная обязанность священно и церковнослужителей сообщать въ мѣстный органъ печати свѣдѣнія о своихъ умершихъ собратіяхъ съ указаніемъ, по возможности, свѣтлыхъ чертъ ихъ характера и дѣятельности. Эти сообщенія съ одной стороны могутъ быть поучительны для насъ, съ другой—не бесполезны и душѣ умершаго, такъ какъ, безъ сомнѣнія, побудятъ всѣхъ знающихъ усопшаго помянуть его въ своихъ молитвахъ.

— *Вредъ куренія.* Поводомъ къ этой замѣткѣ послужило интересное, строго научное изслѣдованіе о русскомъ табакѣ, или вѣрнѣе, о различныхъ сортахъ табаку, находящихся въ продажѣ въ Россіи. Изслѣдованіе это произведено въ гигиеническомъ институтѣ юрьевскаго университета г. Понтагомъ и опубликовано въ только что вышедшей 15-ой книжкѣ издающагося въ Германіи спеціальнаго журнала: «*Zeitschrift für Untersuchung der Nahrungs-und Genussmittel*» и съ нѣкоторыми результатами этого изслѣдованія не лишне будетъ намъ познакомиться.

Почти всякому курящему извѣстно, что табакъ содержитъ ядовитое вещество—никотинъ,—которое при куреніи вводится въ организмъ вмѣстѣ съ дымомъ. Содержаніе этого яда въ табакѣ находится въ прямой зависимости отъ его крѣпости и, слѣдовательно, чѣмъ крѣпче данный табакъ, тѣмъ больше въ немъ со-

держится никотина. Находящійся въ продажѣ табакъ въ Россіи можно раздѣлать на „крѣпкій“, „слабый“ и „выше средняго“. Эти обозначенія часто встрѣчаются и на пакетахъ, въ которыхъ табакъ поступаетъ въ продажу.

Данныя изслѣдованія обнаружили, что „крѣпкій“ табакъ содержитъ въ среднемъ 2,3% никотина, „средній“ — 1,8%, а „выше средняго“ — 2,1%. Самый распространенный въ Россіи сортъ табаку — въ особенности въ войскахъ и въ деревняхъ — знаменитая «махорка» содержитъ никотина больше, чѣмъ другіе сорта. Вообще, — какъ и слѣдовало ожидать, — „махорка“ — это послѣ водки наше второе „національное“ одурманивающее средство, и въ другихъ отношеніяхъ оказалось вреднѣе другихъ сортовъ табаку. Такъ, махорка содержитъ амміакъ и хлоръ въ большемъ сравнительно, количествѣ. Вслѣдствіе содержанія хлора при куреніи махорки никотинъ разрушается въ значительно меньшей степени, чѣмъ это наблюдается при лучшихъ сортахъ табаку. Этимъ же обстоятельствомъ обуславливается образованіе скверно пахучихъ веществъ при куреніи махорки, на что такъ-справедливо жалуются некурящіе.

Количество никотина, вводимого при куреніи вмѣстѣ съ дымомъ въ организмъ, находится въ прямой зависимости отъ длины мундштука и оно тѣмъ меньше, чѣмъ мундштукъ длиннѣе.

Никотинъ не является, однако, единственнымъ ядовитымъ веществомъ, попадающимъ при куреніи въ нашъ организмъ. Вмѣстѣ съ нимъ мы воспринимаемъ и другія прелести, какъ ядовитыя соединенія пирвидина, синильную кислоту и окись углерода. «Вредъ, приносимый куреніемъ, неоспоримъ», — говоритъ г. Повтагъ въ своемъ интересномъ изслѣдованіи, — «въ особенности если принять во вниманіе количество вредныхъ веществъ, вводимыхъ курящимъ въ свой организмъ. Человѣкъ, выкуривающій 20 папиросъ въ день, еще далеко не слыветъ феноменомъ, потому что есть люди, выкуривающіе ежедневно 30, 40, 50 и больше папиросъ. Папироса содержатъ приблизительно $\frac{1}{2}$ грамма табаку. Принимая среднее содержаніе никотина въ табакѣ равнымъ 2%, изъ которыхъ половина при куреніи переходитъ въ образующійся дымъ, а, слѣдовательно, почти весь попадаетъ въ организмъ, получаемъ, что выкуривающій ежедневно 20 только папиросъ вводитъ въ организмъ, кромѣ сѣрводорода, большого количества углекислоты и т. д. слѣдующія ядовитыя вещества:

никотина	0,090 грам.
соединеній пирвидина	0,011 „
амміака	0,032 „

снн. кислоты. . . . . 0,0006 грам.
 окиси углерода. . . . . 360 куб. сант.

Еслибы такое количество никотина, снильной кислоты и окиси углерода осталось въ организмѣ курищаго, то было бы вполне достаточно, чтобы у менѣе привыкшаго курить челоуѣка вызвать немедленную смерть!!»

Такъ говорятъ цифры, добытыя научнымъ, вполне объективнымъ путемъ, апеллирующія къ здравому разсудку, и если сказанное окажется достаточно убѣдительнымъ хоть кой-кому изъ курильщиковъ—мы будемъ считать цѣль этихъ строкъ достигнутой...

— *Гигиеническое значеніе фруктовъ.* Конецъ лѣта и осень— время пользованія фруктами. Ихъ, по справедливости, причисляютъ къ здоровымъ пищевымъ веществамъ. Собственно фрукты, вслѣдствіе своего высокаго процентнаго содержанія воды, вовсе не могутъ считаться очень питательными; такъ, виноградъ содержитъ до 78 процентовъ воды, вишня 79, груши 83, яблоки и сливы около—85, земляника 87, а брусника даже 89. Съѣдая большія количества фруктовъ, мы во всякомъ случаѣ вводимъ въ организмъ значительныя количества легко растворимаго сахара, тогда фрукты дѣйствительно приобрѣтаютъ значеніе питательнаго вещества. Сладкая вишня содержитъ болѣе 10 процентовъ сахара, зрѣлый же виноградъ даже 20° и болѣе; еще больше содержаніе сахара въ сушеныхъ или вареныхъ въ сахарѣ фруктахъ. Слѣдовательно, какъ питательное вещество фрукты можно употреблять только въ извѣстныхъ количествахъ, но по своему освѣжающему и пріятному вкусу ихъ можно причислить къ вкусовымъ веществамъ.

По статистическимъ изслѣдованіямъ оказалось, что потребность въ спиртныхъ напиткахъ значительно падаетъ въ лѣтнее время въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ фрукты дешевы и употребляются въ большихъ количествахъ. Если даже не придавать большого значенія этимъ статистическимъ даннымъ, то всетаки можно попытаться удешевленіемъ различныхъ фруктовъ уменьшить наклонность къ спиртнымъ напиткамъ.

Употребленіемъ фруктовъ можно и въ другомъ отношеніи достигнуть гигиеническаго эффекта. Фрукты положительно оказываютъ благотворное вліяніе при извѣстныхъ расстройствахъ въ организмѣ. Извѣстно, напримѣръ, что употребленіемъ фруктовъ вроде сливъ, вишенъ или яблоковъ можно достигнуть болѣе правильнаго пищеваренія. Діетическое значеніе столь расхваливаемаго яблочнаго вина основывается главнымъ образомъ только на его дѣйствиіи въ этомъ направленіи, вслѣдствіе чего этотъ напитокъ

рекомендуется тучнымъ, полнокровнымъ лицамъ. Наоборотъ, закрѣпляющимъ образомъ дѣйствуютъ ягоды черники и брусника, но особенно первая. Для этой цѣли берутъ высушенныя ягоды черники, обливаютъ ихъ холодной водой и при частомъ взбалтываніи оставляютъ на горячей плитѣ въ теченіе двухъ часовъ, пока вся масса не превратится въ сиропообразную жидкость; послѣднюю послѣ этого отцѣживаютъ и сохраняютъ въ прохладномъ мѣстѣ. Для достиженія дѣйствія при случайныхъ поносахъ слѣдуетъ принимать эту жидкость 3—4 раза въ день по чайной ложкѣ.

Какъ бы тамъ ни дѣйствовали отдѣльные сорта фруктовъ, мы во всякомъ случаѣ имѣемъ въ нихъ весьма пригодную естественную замѣну многихъ новѣйшихъ лѣкарственныхъ продуктовъ; при этомъ фрукты обладаютъ очень хорошимъ вкусомъ, могутъ быть принимаемы въ продолженіе болѣе долгаго времени, что при однаково дѣйствующихъ лѣкарствахъ обыкновенно невозможно. Гораздо нѣжнѣе дѣйствіе отдѣльныхъ сортовъ фруктовъ, если ихъ употребляютъ въ вареномъ видѣ, главнымъ образомъ, какъ компотъ. Тѣ, которые страдаютъ слабымъ желудкомъ, изжогой и т. п., должны употреблять только вареные плоды. Нѣтъ сомнѣнія, что они въ такомъ видѣ лучше перевариваются и вообще болѣе аппетитны.

Чѣмъ менѣе фрукты привлекательны на видъ, тѣмъ болѣе они представляютъ опасности для тѣхъ, которые ихъ употребляютъ. Сырые грязные фрукты ни въ какомъ случаѣ не должны быть употребляемы, такъ какъ на нихъ постоянно остается много пыли, часть грязи или земли, паутины и т. п. Ясно изъ этого, что при такихъ обстоятельствахъ легко возможно вмѣстѣ съ плодами ввести въ тѣло различные болѣзнетворные зародыши. Поэтому, если во что-бы ни стало желательно употребить только сырые фрукты, то необходимо передъ употребленіемъ ихъ тщательно обмывать и затѣмъ прополаскивать холодной, кипяченой водой.

Однако, плоды должны отличаться не только чистотой, но они должны быть совершенно зрѣлы. Какъ часто грѣшатъ именно противъ этого правила! Есть люди, которые страшно любятъ только кислые плоды, и чѣмъ зеленѣе груши и яблоки, тѣмъ болѣе они ими восхищаются. Въ особенности молодая, малокровная дѣвнцы очень любятъ кислое, незрѣлыя плоды такъ какъ имъ кажется пріятнымъ раздраженіе вкусовыхъ нервовъ этой кислотой. Нѣкоторые потребители изъ-за экономіи покупаютъ незрѣлыя или даже испорченныя плоды; но нужно помнить, что кислота в продуктахъ разложенія вліяетъ раздражающимъ образомъ на слизистую

оболочку пищеварительныхъ органовъ, особенно если съѣдаются большія количества подобныхъ незрѣлыхъ плодовъ.

Слѣдуетъ особенно остерегаться пить много воды скоро послѣ того, какъ было съѣдено изрядное количество фруктовъ, такъ какъ вода разжижаетъ желудочный сокъ и поэтому почти совсѣмъ прекращается перевариваніе пищи, которое безъ того затруднено вслѣдствіе введенія большого количества фруктовъ.

Другая скверная привычка, весьма распространенная особенно среди дѣтей, состоятъ въ томъ, что они проглатываютъ волокнистыя скорлупы и косточки отъ нѣкоторыхъ плодовъ. Правда, есть такіе желудки, которые способны все переваривать, но необходимо помнить, что косточки отъ фруктовъ, проглоченныя намѣренно или ненамѣренно, могутъ служить причиною весьма опаснаго воспаления въ кишечномъ каналѣ. Воспаленіе слѣпой кишки, котораго всѣ такъ справедливо боятся, весьма часто зависятъ отъ застрявшей косточки. Въ другихъ случаяхъ бываетъ, что дѣти щелкаютъ косточки и съѣдаютъ находящіяся въ нихъ ядра, содержащія синильную кислоту. Если съѣсть много такихъ миндалей, то можно вызвать явленіе отравленія.

Изъ сказаннаго видно, что даже при употребленіи вкусныхъ фруктовъ должны быть соблюдаемы умѣренность и осторожность, если желательно предохранить себя отъ неминуемыхъ заболѣваній.

«Бир. Вѣд.»

О ВЪ Я В Л Е Н І Я

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИКОНОСТАСНАЯ И ЦОЛОТНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Алексыя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми

— Существуетъ съ 1869 года. —

МОСКВА, 1-я Мѣщанская, домъ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

**НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РѢЗНЫЯ, ЖИВОПИСНЫЯ и ИКОНОПИСНЫЯ
РАБОТЫ,**

какъ-то: Церковныя иконостасы (и военно-походныя) въ разныхъ строго выдержанныхъ стиляхъ, мѣстные и запрестольныя кіоты, балдахины надъ престолами, гробницы подъ плащаницу, запрестольныя кресты и рамы съ тумбами, кресты съ предстоящими съ рѣзной горой, аналог, престолы, жертвенники, свѣчныя ящички и зеркала для присутственныхъ мѣстъ,

**А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ
ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ и НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ ХРАМАХЪ и пр.
и ЦОЛОЧЕНІЕ ГЛАВЪ и КРЕСТОВЪ.**

Рисунки, смѣты и чертежи высылаются по первому требованію.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Боровскій“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквяхъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеховскаго.—„Изыщество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодoprивоженіяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мисси о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intercomunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи в Университета: А. Введенскаго, С. Глаголева, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Ливницкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова, Г. Струве и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ **ЗНАМЕНСКІЙ**
и Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ **ИСТОМИНЪ**.